

Gareth Patterson "The Last of the Free"
Перевод - Лосев С.С., 1996
OCR: Wesha

ПОСВЯЩАЮ ДЖУЛИИ
С ЛЮБОВЬЮ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ
И ПАМЯТИ МОЕГО СЫНА,
ПУСТЬ НЕ ПО КРОВИ.
НО ПО ДУХУ
БЕСКОНЕЧНО РОДНОГО

Жизнь облаков суть расставания и встречи,
Улыбка и слеза.
Кейлил Джибран. Улыбка и слеза

Любовь своей не знает глубины
До часа расставанья.
Кейлил Джибран. Пророк

ПРОЛОГ

Мбатиан - так называется самая высокая вершина Кении, устремившаяся ввысь над склонами из камня и снега. Его близнец - другой великий пик - называется Нелион. Эти рвущиеся к небу горные вершины были наречены в честь двух знаменитых братьев, вождей племен масаи, живших столетие назад и прославившихся как ясновидцы и мастера религиозных таинств. К северу от этих гор лежит пограничный район, где жаркие дни и холодные ночи и где пять лет тому назад жила Безымянная львица.

И был у той львицы верный рыцарь - огромный лев с желто-коричневой, золотой гривой, венчавшей его как царя дикой природы. Прошли недели со времени их страстной встречи, когда львица почуяла приближение родов и сыскала себе потаенный уголок, чтобы произвести и выкормить в нем потомство. Здесь, в укромном местечке, откуда открывался вид на гору Кения, она породила троих детенышей - троих львят, чьи судьбы слились с моей судьбой и о чьих жизнях я поведу речь.

О них и будет мой рассказ - о льве по имени Батиан и его сестричках Фьюре и Рафики - ПОСЛЕДНИХ ИЗ СВОБОДНЫХ.

ВВЕДЕНИЕ

Нам не следует определять ценность животных, не ведающих категорий ценностей. Нам нужно научиться гарантировать им свободу исключительно ради них самих. Но только сейчас человеческое мышление начинает приближаться к такому уровню нравственности.

Джордж Шаллер

Земля, в которой жила Безымянная львица, не была национальным парком. Это был отдаленный уголок Кении, где каким-то образом умудрялись сосуществовать бок о бок скотоводство и туризм, рассчитанный на любителей дикой природы. Здесь и охотилась наша героиня - ее добычей становились зебры, канны, конгоны, импалы, большие куду, газели Гранта, геренуки, но не брезговала она и домашним скотом.

Обитавшее в этих местах белое кенийское семейство Крэгов, имевшее доходы и от местного туризма, и от скотоводства, называло ее не иначе как отпетой живодеркой. Не желая губить львицу, Крэги с самого начала пытались отловить ее и живой сдать в национальный парк - тем самым удалось бы и ей сохранить жизнь, и уберечь скот от потерь. Но время шло, попытки заманить ее в ловушку оказались безуспешными, и скот продолжал гибнуть.

Вот и дилемма - конфликт между человеком и крупными хищниками, столь типичный для сегодняшней Африки. В результате исконный дикий мир, который сложнее и загадочнее, чем наш, все больше сдает свои позиции.

В то злосчастное утро львица, почуяв муки голода, медленно поднялась со своего материнского ложа, где выкармливала троих детенышей, потянулась, медленно вышла из своего укромного уголка и ушла. Осознав, что матери рядом с ними нет, львята подползли друг к другу и свернулись в один маленький рыжевато-коричневый клубок. Это успокоило их, и, подремывая, они стали ждать возвращения матери - а было этим несмышленишкам всего-то пять дней от роду. Но мать больше не вернулась. Не довелось им больше ни согреться ее теплом, ни отведать ее жирного молока, ни почувствовать прикосновение ее языка, гладившего их пестрые спинки и белые животы.

Тем ранним утром мать охотилась в долине, пытаясь насытиться сама и насытить своих крошек - свое будущее, спрятанное среди густой травы. Наконец она подкараулила и растерзала корову - действия, продиктованные символическим круговоротом жизни и смерти. Но с точки зрения человека, бесконечно удаленного от природных циклов, она совершила преступление - преступление против главной ценности человека - собственности...

В тот день Безымянная львица была убита наповал. Человек решил, что гибель скота дольше продолжаться не может и должна быть пресечена. Прогремел выстрел, онемело ее золотое тело - и тут человек обнаружил, что она вскармливала потомство. Крэги, опечаленные тем, что по их вине детеныши лишились матери, организовали поиски, и через два дня укромное гнездо, оставленное львицей, было наконец найдено. Так нашли Батиана, Фьюрейю и Рафики; детеныши оказались целыми и невредимыми, у них только что стали прорезываться глаза.

Крэги пеклись о детенышах в течение десяти дней, а затем полетели с ними в национальный заповедник Кора, лежавший в 250 километрах к востоку, и там передали старцу с пышными седыми волосами, потому что он один мог обеспечить им будущее не за прутьями клеток, а на воле. Этого старца звали Джордж Адамсон.

Крошечным львям суждено было стать Последними свободными - последними из длинной череды львов, прошедших через его заботливые руки. А Первой из свободных была львица по имени Эльза, которую Джордж и его жена Джой возвратили на свободу в 1956 году. С Эльзы началась

эра Рожденных свободными - из историй о животных, чья жизнь в дикой природе была связана не только с жизнью им подобных, но и с жизнью людей. Повесть "Рожденная свободной" снискала, возможно, самый большой успех и любовь читателей. Ставшая бестселлером трилогия Джой Адамсон, которую составили повести "Рожденная свободной", "Живущие свободными" и "Вечно свободные", тронула сердца миллионов людей и вызвала к жизни внимание и сострадание к дикой природе Африки.

Сам же Джордж, не искавший громкой славы, неустанно заботился о львах, которым затем возвращал свободу, - за почти тридцатилетний период таковых оказалось двадцать пять. Сегодня потомки этих освобожденных львов странствуют по заповедным землям Кора и Мену - об этих львах, как, например, о Грови, он рассказывал мне с гордостью.

Целью жизни старца была свобода львов. Ему частенько доставалось от иных "природозащитников", объявлявших его работу ненаучной и лишённой ценности для дела сохранения живой природы. Этим горе-критикам, не обладавшим ни мудростью Джорджа, ни его видением мира, не дано было докопаться до сути его дела. Его работа, не претендовавшая называться научным исследованием, была преисполнена другим колоссальным смыслом - нравственным.

Джордж осуществлял исконное право львов быть свободными. Свобода - будь то отмена рабства в прошлом или борьба за права человека в наши дни - входит в плоть и кровь бытия человека. Задолго до того, как активизировалось движение за права животных, Джордж верил, что свобода изначально присуща всему живому, и верил в свое родство со всем живым. Однажды он написал:

"Если лев свободен только есть, спать и совокупляться, то это не лев. Он должен быть свободным - охотиться и выбирать себе добычу, искать и находить себе пару, обосновываться на своей территории и защищать ее, наконец, умирать, где рожден - посреди дикой природы. Он должен иметь все те права, что и мы".

Еще с детских лет, которые протекли в Нигерии и Малави, я зачитывался книгами и статьями Джорджа и Джой, в которых они рассказывали про свою работу, и впечатление от них было настолько сильным, что они оказали решающее влияние на мою судьбу. Уж так получилось, что я впервые встретился с Джорджем за несколько недель до того, как ему передали львят. Я посетил заповедник Кора в поисках материала для своей второй книги "Там, где бродили львы", повествующей о прошлом величии и теперешнем плачевном положении этих животных; вообще все, что связано со львами, было в центре моего внимания.

Через два месяца после нашей первой встречи я возвратился в Кора помогать Джорджу в его работе. Естественно, как только я прибыл в его лагерь "Кампи-иа-Симба", первое, что мне захотелось, - взглянуть на троих малышей, чья судьба явилась воплощением сущности философии четы Адамсон. Маленький львенок получил кличку Батиан по горе Мбатиан, близ которой он появился на свет, а две сестрички - Рафики и Фьюрейя, что означает "друг" и "радость" на языке суахили.

Я отправился туда, где содержались львы, и всмотрелся в глубину большой деревянной клетки. Почуввав мое появление, три детеныша повернули головы, но они были еще слишком крохотны, чтобы заметить меня. Они были очень милы, но все же я не мог смотреть на них без грусти. Конечно, в лице Джорджа они обрели самого лучшего приемного отца, какой только возможен, но когда я представлял себе

гнездышко в густой траве, где львица выкармливала детенышей и куда она уже больше не вернется, у меня - да и у него - сжималось сердце. Эти три львенка стали, по крайней мере в моих глазах, символом своего преследуемого племени.

Кроме того, чем больше я смотрел на львят, тем больше будоражили меня вопросы относительно их будущего. Львята подрастают быстро, по мере их физического развития усиливаются и их природные инстинкты. Они станут взрослыми львами - членами своего племени, которое теперь, из-за роста людского населения и расширения сферы влияния человека, живет на ограниченном пространстве африканских равнин. Стоя у клетки и глядя на них, я не мог не задуматься об их будущем. Впрочем, до меня дошло, сколь бессмысленны эти размышления - только время способно развеять завесу, окутывающую их будущее.

Теперь я понял, что наполнявший меня тогда страх перед будущим этих детенышей был страхом за все львиное племя. В этот период над дикой природой и людьми Кора, да и всей Кении, нависла угроза, имя которой - "шифта". Сомалийские браконьеры истребляли кенийские стада слонов. Только в одном национальном парке за шесть месяцев было истреблено шестьсот слонов. Последние стада Кора также пали жертвой браконьерских пуль. Жителей Кении вооруженные до зубов банды сомалийцев терроризировали не меньше. В отдаленных уголках страны бандиты грабили пассажиров автобусов, а иногда и убивали их. На второй же день после моего возвращения в Кора в заповеднике попала в засаду машина с егерями - двое были застрелены насмерть, а третьего, выжившего, доставили в лагерь Джорджа с пулей в спине. Да, лихое было времечко и для Кора, и для многих уголков страны.

После инцидента с попавшей в засаду машиной президент Кении Даниэль Арап Мои провозгласил указ, согласно которому незаконно носящее оружие лицо, схваченное вне населенных пунктов и сопротивляющееся аресту, подлежало расстрелу на месте. За последующие месяцы на основании этого указа были уничтожены семьдесят членов "шифты" - все сомалийского происхождения; и в результате национальные парки Кении обрели долгожданный покой.

В этот раз я приехал к Джорджу в Кора на шесть месяцев. Он хотел, чтобы я работал вместе с ним и продолжил работу после него - он хотел знать, что его дело будет продолжено и Кора не заглохнет в будущем.. Конечно, Джордж оказывал мне огромную честь; но все же я еще не мог видеть в этом свою судьбу. Пока Кора не получила статус национального парка, нечего было рассчитывать на финансирование проектов по сохранению дикой природы, которые планировали мы с Джорджем. Без этих двух взаимосвязанных факторов получить штатную работу в Кора я не мог.

С тяжелым сердцем я покинул Кора в январе 1989 года, вернулся в Южную Африку и взялся за книгу "Львиное наследие" - книгу о Джордже и в защиту Кора. Я надеялся, что она внесет свой вклад в дело охраны дикой природы этого региона и в дело, которому посвятил себя старец.

В этот период я также планировал возобновить собственные исследования жизни львов в Тули (Ботсвана) - на земле, где шесть лет назад зародилось мое увлечение львами, переросшее в любовь. Я все больше понимал, что обязан и далее доводить до сведения общественности, в каком плачевном состоянии пребывает львиное племя по всему африканскому континенту, и вызывать к людскому сочувствию. Вместе с тем мне нужно было сосредоточить усилия на защите отдельно взятой

популяции львов, находящейся под угрозой, и взять под охрану отдельно взятую местность. Я планировал вернуться в заросшие кустарником земли Тули и основать фонд, имеющий целью широкомасштабную защиту львов Тули и земель, где они живут. Прошло время, и, параллельно с выдвиганием других целей, был основан "Тули Лайон-Траст".

Новости, которые я в то время получал из Кора, были более чем радостными. В одном из выпущенных им бюллетеней новостей, датированном мартом 1989 года, Джордж писал следующее:

"Безопасность в заповеднике поддерживается на высоком уровне; ведутся переговоры об устройстве в заповеднике временного полицейского лагеря. Продолжаются дискуссии на тему придания Кора статуса национального парка, что обеспечит ей стабильность на будущее; как бы мне хотелось увидеть, как это произойдет. В настоящее время сомалийцев у нас в заповеднике нет, и звери стали заметно менее пугливыми".

Ниже был опубликован снимок, изображающий Джорджа с бокалом в руке и с тремя львятами, присматривающимися к бутылке шампанского в серебряном ведерке. Подпись под ним гласила:

"Этот снимок был сделан в день моего 83-летия, третьего февраля.

Похоже, львьятам нравится шампанское".

Заметка заканчивалась так:

"В общем, здесь все идет неплохо - по крайней мере сейчас, и у меня есть все основания верить, что в течение года дела пойдут еще лучше!" Во второй неделе августа 1989 года Джордж получил долгожданную добрую весть о том, что национальный заповедник Кора, о котором он так ревностно пекся в течение девятнадцати лет, был наконец преобразован в национальный парк. Радость почтенного старца не знала границ. Теперь можно было надеяться, что Кора, львы и вообще весь этот регион дикой природы окажутся под более надежной защитой.

Всего несколько дней спустя Джордж Адамсон был застрелен бандитами. В это время в лагере находилась Инге Ледертейль из Германии, которая регулярно посещала "Кампи-иа-Симба". Весь ужас трагедии разыгрался у нее на глазах.

В ночь накануне гибели Джорджа в лагере, таинственно появилась львица Грови, которой он так гордился, и выводок детенышей. Эти рожденные дикими львы, потомки тех, кого Джордж подготовил к жизни в дикой природе и выпустил, сохранили необъяснимую тягу к Джорджу и время от времени навещали его. С момента, когда Джордж видел их в последний раз, прошло несколько недель.

Инге и сотрудники заповедника видели, как в эту ночь Джордж вышел за ограду и направился к львам, раздавая им в знак своей привязанности куски мяса - это был своего рода ритуал в лагере "Кампи-иа-Симба". Когда львы с довольным рычанием удалились во тьму, Джордж наверняка испытал чувство глубокой гордости за себя.

На следующий день в полдень над лагерем на небольшой высоте пролетел самолет, делая знаки, что идет на посадку. Инге с водителем по имени Битача выехали по направлению к посадочной полосе для встречи самолета и его пассажиров. Вдруг раздались выстрелы, из кустов выскочили бандиты и заставили Битачу остановить машину. Требуя денег, бандиты безжалостно перебили Битаче ноги железным прутом и принялись избивать Инге.

Услышав выстрелы (а может, получив известие от кого-то из егерей), Джордж взял нескольких работников лагеря, автомат и охотничье ружье и

помчался на другой машине в направлении посадочной полосы. Увидев машину и окруживших ее бандитов, он, прежде чем бросаться в бой, замедлил ход, чтобы оценить обстановку.

Этот отчаянный жест в попытке защитить жизнь стал для Джорджа последним. Ему стреляли в бок, когда он настиг бандитов, и в спину, когда машина остановилась. Вместе с ним погибли двое преданных ему сотрудников.

Трагедия глубоко потрясла многочисленных друзей Джорджа по всему миру, всех тех, кто сочувствовал ему. Его гибель оставила след и в его питомцах, которым к тому времени исполнился год, и в Грови и ее потомстве.

Вот как мне о том писала Инге:

"В субботу днем (этот день будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь!) Рафики убежала из лагеря из-за всей этой пальбы и провела свою первую ночь среди дикой природы. К тому времени, когда егеря доставили погибших и меня обратно в лагерь, там появилась Грови с семейством - всеми пятнадцатью львами. Вот почему, я думаю, Рафики оказалась так напугана, что побоялась вернуться в лагерь". (В прошлом потомство львицы Гроу проявляло агрессивность по отношению к нашим трем львьятам.)

Инге немедленно вылетела из Кора на военном вертолете, увозя с собой тело Джорджа. В поиске бандитов было задействовано несколько сот солдат. Через несколько дней один из бандитов был схвачен в деревне Мбала-Мбала, в двадцати милях от Кора.

Около ста солдат разместились и на территории самого лагеря "Кампи-иа-Симба", и три львенка, которых никуда не выпускали из клетки, метались по ней, зовя Джорджа; и так же точно с нетерпением ждали Джорджа птицы, белки, морские свинки - вся его "лагерная семья" ждала, когда же Джордж придет их кормить. Этому ритуалу, который продолжался в течение девятнадцати лет, теперь настал конец.

х х х

Два с половиной месяца спустя я гулял в сопровождении трех счастливых молодых львов - Батиана и его сестричек. Спотыкаясь, брели они среди африканских кустарников. Это было уже не в Кора, но в сотнях миль к югу от нее - в зарослях Тули, в Ботсване. Смерть Джорджа не унесла с собой свободу для троих его питомцев.

Я выхлопотал разрешение многих сторон, в том числе правительств Кении и Ботсваны, отвести в полное распоряжение троих питомцев Джорджа территорию в буше Тули, лежащую на стыке трех стран - Зимбабве, Южной Африки и Ботсваны. Единственной альтернативой, как мне казалось, могло быть только содержание их в неволе. В самом же Кора в обозримом будущем не предвиделось надежды, что кто-то продолжит дело Джорджа по подготовке львов к жизни на воле или вообще так же, как он, будет печься о Кора. Только взяв львов в Ботсвану, я мог попытаться подарить свободу этим сиротам, которых я так любил.

В последующие два с половиной года дело возвращения львов на волю было освоено. Это было время, подарившее много счастья, но знавшее и немало горестных моментов. Проще сказать, время смеха и время слез.

Глава первая. БЫТЬ СВОБОДНЫМИ!

Могучие моторы аэробуса компании "Кениан Эйруэйз" протяжна взревели, и самолет покатился по взлетной полосе аэропорта Джомо Кениата. Как только самолет набрал высоту, у меня отлегло от сердца. Наконец-то я и львы были на пути в Ботсвану. Перевезти трех молодых львов из заповедника в Кении за семь тысяч километров на юг, в заповедник в Ботсване, оказалось не самым легким предприятием.

К счастью, мне удалось не только выхлопотать в Найроби все необходимые разрешения, но и заручиться спонсорской поддержкой при перевозке львов в Ботсвану. "Эльза-Траст" любезно покрыл расходы по перевозке из Кора в Найроби, а авиакомпании "Эйр Ботсвана" вместе с "Кениан Эйруэйз" (эта последняя вскоре стяжала славу "гордости Африки") оплатили мой перелет вместе со львами в Ботсвану.

В это утро вылет рейса KQ-440 из Найроби в Габороне с посадкой в Хараре задерживался ввиду погрузки троих необычных пассажиров, а именно моих львов в трех прочных деревянных клетках. Я стоял на гудронной полосе и наблюдал за погрузкой, и в какой-то момент мне показалось, что в багажном отделении может не хватить места для всех трех клеток. Вдобавок в самый разгар всей этой возни водитель автопогрузчика свалился прямо в клетку к Батиану и чуть было не опрокинул ее. Львы зарычали, люди кричали бедняге, что ему делать; другие смеялись, обсуждая груз, который полетит в багажном отделении.

Я носился туда-сюда, проверяя, в каком состоянии львы, объясняясь с чиновниками, и в конце беспомощно наблюдал за погрузкой до самого ее окончания. Одна из клеток меня особенно беспокоила - ее просто поставили среди чемоданов и коробок. Тут ко мне подошел служащий компании "Кениан Эйруэйз".

- Посмотри, все о'кей, - сердечно сказал он и добавил уже более строгим тоном: - Ну, теперь садись в самолет - дольше откладывать рейс мы не можем.

В последний раз взглянув на клетки со львами, установленные в багажном отделении, и еще раз раскланявшись с управляющим персоналом, стоявшим на взлетной полосе, я взбежал по ступенькам и, оказавшись в салоне, направился к своему креслу.

Сразу после взлета я почувствовал, что кто-то треплет меня за плечо. Это была сидевшая по другую сторону прохода темноволосяя немолодая дама в костюме "сафари" цвета хаки.

- Вы не знаете, чем вызвана задержка? - спросила она с акцентом, характерным для южных штатов.

- Да были проблемы с погрузкой моих львов, - просто ответил я.

- Львов?! - воскликнула она, и несколько голов повернулись в нашу сторону. - Как же нам никто ничего не сказал! Нельзя же возить львов в самолете вместе с людьми! Это, должно быть, против международных правил!

Тут погасла надпись "Не курить". Я лихорадочно зажег сигарету и сказал шепотом:

- Все нормально. Они же не с нами в салоне. Они в прочных клетках в багажном отделении.

- А если они вырвутся? - фыркнула она и отвернулась.

У меня не нашлось для нее ответа - во всяком случае такого, который удовлетворил бы ее. Я развалился в своем кресле и задумался. "Да, в Америке у меня бы этот номер не прошел", - предположил я.

По пути в столицу Ботсваны Габороне самолет совершал посадку в Хараре, Зимбабве. Когда самолет сел и вырулил на стоянку, я спросил стюардессу, могу ли я, пока мы не взлетели, осмотреть своих львов. Она ответила, что проблем не будет.

Я мигом соскочил по ступенькам трапа на взлетную полосу и направился под брюхом самолета туда, где из его нутра выгружался багаж с назначением в Хараре. Я обратился к одному из работников, объясняя, что там у меня в багажном отделении клетки со львами и что я желал бы их осмотреть. Он покачал головой, дав понять, что недопонял.

- Шумба! Шумба! ("Лев" на языке сивдебеле) - крикнул я, чтобы подчеркнуть значимость сказанного.

Разгрузка внезапно прервалась, и меня пригласили лично освидетельствовать львов, по-прежнему ли они находятся в безопасности. Я взобрался в багажное отделение и направился к трем клеткам. Львята, по-видимому, смирившиеся с обстоятельствами, смирнехонько лежали, глядя на меня своими немигающими янтарными глазами. Я ласково позвал их, а сам думал: как же я буду счастлив, когда путешествие закончится! Вернувшись, я заверил работников, что клетки целы и в безопасности, и принялся сам помогать разгружать адресованный в Хараре багаж, которым клетки со львами были заставлены со всех сторон.

Когда самолет наконец приземлился в Габороне, я вздохнул с облегчением и счастлив был увидеть знакомые лица друзей, ожидавших меня на посадочной полосе. И среди них была моя подруга Джулия Дэвидсон с широкой счастливой улыбкой на лице. Когда львы были благополучно выгружены, она вздохнула с тем же облегчением, что и я. В последние две с половиной недели я регулярно звонил ей из Ботсваны, разъясняя свои накопившиеся проблемы, неудачи, причины изменения даты вылета. В какой-то момент Джулии даже подумалось, что я так и не долечу до Ботсваны.

Перед погрузкой на грузовик для 550-километрового путешествия на северо-восток, к бушам Тули, львам дали отдохнуть полтора дня в небольшом частном заповеднике в окрестностях Габороне. Их поместили в большой, огражденный забором загон. Изголодавшиеся Батиан, Фьюрейя и Рафики с жадностью набросились на мясо, которым щедро оделил их владелец заповедника Джимми Каннемайер, и провели большую часть времени, растянувшись в тени кустарников. Полет они перенесли хорошо. Теперь остался дальний переезд на грузовике - и вот они снова в родной стихии.

На следующий вечер, в третий и последний раз за время путешествия, львов поместили в клетки. Бригада людей Джимми погрузила их в большой грузовик - и в путь: ехать нужно было ночью, чтобы избежать ботсванской летней жары.

Но когда мы с Джулией уже готовы были пуститься в путь, выяснилось, что у грузовика полетело сцепление. Пока мой друг Элан Джордан, прирожденный механик "золотые руки", возился под машиной, гремя ключами, я ерзал все больше и больше - время-то уходило! Наконец из-под машины показались голова и перепачканные руки Элана:

- Ну, теперь все в порядке, Гарет.

Его слова несколько успокоили меня, но при мысли о возможности

попасть в автокатастрофу ночью, за много миль от места назначения, да еще с тремя львами в кузове, у меня екало сердце.

И вот мы тронулись в путь и взяли курс на север. Поначалу наш путь лежал по улицам Габороне. Чиновник из компании по найму грузового транспорта, где мы взяли грузовик с шофером по имени Сонни, рекомендовал нам его как опытного и умелого в ночной езде.

Как ни странно, мы без всяких проблем прошли ветеринарные и полицейские посты на пустынной дороге: новость о прибытии в Ботсвану львов несколько раз передавалась в этот день по местному радио. Всякий раз, когда нам задавали вопрос, что мы везем, на наш необычный ответ полицейские и ветеринарные службы неизменно отвечали:

- Да, да, мы слышали по радио. Проезжайте.

Но около часа ночи, когда мы находились в пути уже три часа, неожиданно возникла проблема. Взглянув на Сонни, я увидел во мраке кабины, что его глаза слипаются. Я посчитал за лучшее самому сесть за руль, с чем он охотно согласился. Джулия встревожилась, но виду не подавала: она знала, как я был измотан, но ей было известно не хуже, как важно было достичь цели до восхода солнца.

К счастью, дорога была пустынной, и я быстро освоился с тяжелой машиной, ее тормозами и коробкой передач. Сонни блаженно дрыхнул в кабине, львы - в кузове. Джулия, сидевшая между мной и Сонни, была очень взволнованна и, пока я сидел за рулем, не спускала с меня глаз, опасаясь, как бы и меня не сморила дремота. Впоследствии мы с Сонни садились за руль по очереди, а за час до восхода съехали на обочину, решив хоть немножечко поспать. Джулия и Сонни остались в кабине, а я полез спать в кузов ко львам, предварительно осмотрев клетки.

Наконец после шестнадцатичасового пути мы прибыли к обнесенному оградой лагерю на северо-востоке Тули. Это был небольшой, бесхитростный лагерь, который нам построила для осуществления нашего проекта охотничья станция Тули-сафари, с самого начала оказывавшая нам спонсорскую поддержку. Впоследствии мы назвали этот лагерь "Тавана" - "Львенок".

Путешествие подошло к концу. С помощью работников лагеря, а также поджидавших нас зевак мы выгрузили клетки и отнесли в отведенный для львят загон. Под щелканье фотоаппаратов и жужжание кинокамер - срочно в номер или в выпуск новостей! - я торжественно выпустил Батиана, Фьюрейю и Рафики из клеток.

Фьюрейя, чей независимый характер становился мне все более очевидным, бесстрашно выступила из клетки, сверкая глазами. Напротив, Рафики вышла из клетки с опаской - опять-таки сказала ее натура! - с опущенной головой, настороженным взглядом и явно ища у меня поддержки. Бедняга Батиан, которого в пути пришлось накачать транквилизаторами, еще не успел оправиться от их воздействия, и потому движения его были вялыми. Когда я выпустил его из клетки, он вышел, стараясь выглядеть как можно игривее, но координация движений у него была нарушена, и при взгляде на него у меня сжалось сердце. Я поговорил со всеми тремя ласковым, успокаивающим тоном и, поставив перед каждым из них миску с водой, уговорил попить.

Бригада новостей, приглашенная в лагерь нашим спонсором, засняла эти сцены, а затем, когда я роздал львам по куску мяса, стала брать у меня интервью перед камерой. Оно уже закончилось, а на меня еще продолжали сыпаться вопросы; между тем я чувствовал себя ничуть не

лучше Батиана - дальняя дорога притупила мою способность соображать, а к чувству облегчения примешивалось и ощущение беспокойства.

Где-то спустя час доброжелатели, журналисты и сотрудники лагеря наконец-то покинули нас, оставив нас с Джулией и львов в покое и тишине нашего нового дома. И именно теперь, когда умолк весь этот шум и гам, я почувствовал такую измотанность, что у меня ныло все тело.

Вечером, собираясь спать, я поставил раскладушку возле загона со львами, чтобы быть с ними рядом. Все трое, довольные жизнью, лежали вместе, причем каждый касался другого лапой или хвостом. Моя раскладушка стояла на расстоянии вытянутой руки от них.

Меня переполняли усталость и одновременно радость. Я готов был плакать от счастья, что далекое путешествие львов закончилось и впереди у них было новое будущее. Это было напряженное время. Гибель Джорджа по-прежнему не давала мне покоя, равно как и его последнее желание: "Я хочу, чтобы эти львята были свободны".

х х х

Как же готовить львов к жизни в дикой природе? У меня не было длительного опыта этой работы. Кое-чему я научился от Джорджа, когда помогал ему в работе с львятами, но это все. Теория подготовки крупных хищников к жизни в дикой природе никогда не была сформулирована на бумаге(*1), прежде всего потому, что этим занималось слишком мало людей. Приходится сожалеть о том, что зоологи не собрали изыскания Джорджа и его понимание процесса подготовки львов к жизни на воле воедино в виде брошюры или статьи. У меня было очень мало руководящих указаний, которым можно, было бы следовать, если не считать весьма общей информации, которую я почерпнул из книг Джорджа и Джой.

Тогда я сам сформулировал три важнейших принципа:

1. Знакомить львов с новой средой, давая им возможность освоиться на этой территории и обеспечить себе безопасность.
2. Предоставлять львам любую возможность охотиться, создавая ситуацию, при которых они могли бы развивать присущие им врожденные навыки охоты.
3. Поддерживать взаимное и глубокое доверие между львами и мной, но при этом доводить до минимума их контакты с другими людьми, с надеждой, что в перспективе они будут смотреть на человека теми же глазами, что и дикие львы.

В первые шесть месяцев я вставал до рассвета, готовясь провести со львами в дикой природе большую часть дня. Пока я быстро одевался, выпивал чашку чаю и брал ружье, флягу, блокнот и фотоаппарат, львы уже в нетерпении подвывали в своем загоне. Тогда я подходил к воротам загона и отворял их. Все трое выскакивали, радостно постанывая, и терлись об меня; впрочем, Батиан уже перестал тереться своей рыжевато-коричневой головой об мою.

Львы переполнялись заразительным чувством веселья и волнения. Я махал на прощанье Джулии, которая каждое утро наблюдала за всем происходящим из-за двенадцатифутового забора, окружавшего лагерь, а трое львят - которым было теперь пятнадцать месяцев от роду и каждый весил шестьдесят - семьдесят килограммов - прыгали на меня и бегали вокруг, заигрывая друг с другом.

Часто Джулии приходилось ждать нас по восемь - двенадцать часов,

когда мы все четверо возвращались домой, усталые, истомленные голодом и жаждой. Каждое утро мы со львами уходили охотиться и исследовать местность, никогда не зная, какие ситуации могут возникнуть. Вдруг у них будет слишком мало добычи? Или мы встретим слонов? А что, если Батиан опять чуть не наступит на ядовитую гадюку?

Я не учил львов охотиться - это было у них в крови, - но заметив, скажем, стадо антилоп, я подводил их к нему. Львы быстро сообразили, что, когда я припадаю к земле, значит, впереди что-то есть. Тогда они осторожно ползли вперед, пока не замечали то, что увидел я.

Прошли недели, и теперь уже они чаще указывали мне, опустив голову, что учуяли добычу и собираются напасть. Впрочем, должен признаться, что один раз мне пришлось взять обеими руками за голову невнимательного Батиана и повернуть ее в сторону кормившейся неподалеку импалы, чтобы он обратил на нее внимание. Только после этого он изготавился к охоте.

Первые два животных, добытых львятами, показали мне пример, как нужно помогать львам учиться охотиться. Читатель потрясен? Мое поведение покажется ему слишком жестоким? Но ведь в дикой природе происходит так: львица-мать, поймав, например, детеныша антилопы, сначала показывает его своим детям. Те играют с ним, как кошка с мышью, пока он живой, и затем убивают. Так предопределено законами природы, и по тем же соображениям я показывал львятам ситуации, из которых они набирались опыта. Именно эти приобретенные знания помогут им в будущем обеспечивать пищей самих себя.

Первым зверем, ставшим добычей моих львов, стала генетта - пятнистый зверь из семейства мангустов размером с домашнюю кошку и с лисьей мордой. Как-то вечером, возвращаясь со львами в лагерь, я увидел, как из дупла старого ствола дерева торчит золотой с черным хвост. Когда я приблизился к дуплу, хвост медленно втянулся внутрь. Это движение привлекло внимание Рафики. Она обнюхала дыру и поскребла ствол лапой, в то время как Батиан и Фьюрейя осторожно приближались, охваченные любопытством. Я постучал по стволу палкой. Вдруг из дупла выскочил какой-то зверек и пустился в бегство. Началась охота - львы пустились в погоню за генеттой, я - за львами.

Как ни странно, генетта была поймана не одной из более проворных сестричек, а Батианом. Он не убил ее на месте, а, зажав сопротивляющегося зверька своими уже могучими когтями, поднес поближе к своей морде и пристально всмотрелся в него. Никогда не забуду охватившего его удивления, а может быть, и раздражения, когда неожиданно генетта сделала выпад вперед и укусила Батиана за нос, а затем снова отважно впиалась ему в морду своими маленькими, острыми как бритва зубами. Тут подскочили Рафики и Фьюрейя; зарывав на них, отгоняя от своей добычи, Батиан мигом прокусил генетте брюхо. Долго мучиться ей не пришлось.

После того как Батиан наигрался с убитой им генеттой, ее, в свою очередь, освидетельствовали львицы - обнюхивая и вертя в лапах небольшую тушку, они гримасничали. Когда я наблюдал за всем этим, чувство гордости за своих подопечных у меня смешивалось с чувством горечи по поводу генетты, с таким мужеством встретившей столь огромного противника. Это смешанное чувство я многократно испытывал в подобных случаях в последующие несколько месяцев. Если бы я не постучал палкой, генетта, возможно, и не покинула бы своего

безопасного укрытия. При всем том, что я был горд за Батиана, я не смог рассказать об этом случае Джулии сразу по возвращении в лагерь: подобные инциденты пробуждали во мне противоречивые чувства.

Второй зверь тоже был добыт ими отчасти с моей подачи. Через несколько дней после случая с генеттой я вел львов в направлении стада импал, кормившегося вблизи стаи павианов. Я знал, что, как бы мы ни осторожничали, подкрасться к импалам незамеченными будет невозможно: бдительные павианы непременно поднимут такой лай и скандал, что выдадут наше присутствие.

Так и случилось. Когда мы приблизились, павианы подняли шум и гам. Импалы встревожились, заметили нас, и стадо бросилось наутек. Затем и павианы, к моему удивлению, неспешной трусцой поскакали в долину. Тут во львах, возбужденных шумом обезьян, разыгралась охотничья кровь - они пустились за обезьянами в погоню, на минуту позабыв про все охотничьи тонкости и уловки.

Я устремился вслед за львами и вдруг услышал впереди себя на близком расстоянии громкое рычание одного из них и крик павиана. Через несколько минут я увидел Рафики, стоящую на задних лапах под деревом и взирающую ввысь. На ветках сидела крупная немолодая павианиха - она побывала в когтях и зубах Рафики, и ей едва удалось вырваться.

Когда появился я, Рафики повернулась и кинулась ко мне. Я погладил ее по голове и тут же услышал, а затем и увидел, что павианиха слезает с дерева, чтобы удрать. Как только она оказалась на земле, Рафики бросилась за ней, и я потерял их из виду в густых кустарниках - до меня доносились лишь рычание и вопли. Я побежал на эти крики и увидел, как павианиха, страдая от невыносимой боли, медленно ползла к группе деревьев, преследуемая Рафики. Я заметил, что павианиха была покусана в задние ноги и живот.

Меня удивило, как, несмотря на столь жестокие раны, павианиха, как когда-то генетта, повернулась к Рафики и предприняла дерзостную попытку броситься на нее, обнажив свои острые зубы. Рафики одним прыжком отскочила в сторону. Тут павианиха заметила мое присутствие и повернулась с тем же жестом ко мне. Я тоже отступил, и отнюдь не из любезности к Рафики - раненый и разъяренный павиан представляет собой жуткое зрелище, и я знал, сколь страшное оружие его зубы: бывали случаи, когда павианы рвали на части атаковавших их собак.

Павианиха снова медленно взобралась на дерево и, подтянувшись, тяжело осела на ветвях. Рафики встала на задние лапы, все больше нагоняя страху на слабеющую жертву. После, увидев, что Рафики теряет интерес к обезьяне, я пристрелил ее, мотивируя свои действия тем, что пусть лучше умрет мгновенной, чем медленной и мучительной смертью. Зато тушка обезьяны послужит львам ознаменованием удачной, успешной охоты.

Как только обезьяна рухнула на землю, Рафики подскочила к ней и инстинктивно вцепилась в нижнюю часть позвоночника - этот рывок был чем-то вроде "выстрела милосердия". Тут, тяжело дыша, подбежали Батиан и Фьюрейя - очевидно, вернувшись после преследования остального стада. Заметив братишку и сестренку, Рафики тут же схватила павианиху за шею и оттащила в кусты. Ее приглушенное рычание явно давало понять брату и сестре, что делить с ними добычу она вовсе не собиралась. Затем она принялась инстинктивно терзать покрытую длинной шерстью шкуру павианихи - это продолжалось сорок пять минут, после чего она

приступила к еде. Я сидел рядом и наблюдал за ней, и вдруг Рафики неожиданно бросила добычу, оставив долю Батиану.

Павианы отнюдь не являются излюбленной добычей львов. Но коль скоро возникла такая ситуация, я быстро сообразил, что мои подопечные будут использовать любую возможность поохотиться за павианом, тогда как я рассматривал сегодняшнюю добычу лишь как практическое занятие. Но в ряде случаев, когда мои львы добывали павианов, они обгладывали их до костей.

Инцидент с обезьяной напомнил мне случай, свидетелем которого я когда-то стал в Тули: три львицы подстрекали к атаке на павианов своих подросших детенышей. И в этом случае львицы инспирировали нападение исключительно с целью дать урок своему потомству. Когда львицы с детенышами настигли стадо и окружили его, взрослые мамы отошли в сторону, дав возможность своим чадам вырваться вперед и атаковать.

В результате львята убили четырех детенышей павианов, но, в свою очередь, были здорово напуганы вернувшимися взрослыми павианами. Те отогнали их от невысоких деревьев, на которых гроздьями повисли самки и детеныши. Как только львята отступили, пленники попрыгали с деревьев и кустарников и скрылись в подлеске.

Еще одним животным, которого мои львы часто преследовали в эти первые недели, оказался варан. В заповеднике водятся два вида этих крупных ящериц - нильский варан, любящий воду, и скальный варан, который попадался львятам чаще всего. Взрослые особи достигают полутора метров в длину и, если к ним приблизиться, могут здорово огреть хвостом. Охота на этих ящериц велась лишь как практическое занятие - я ни разу не видел, чтобы мои львята пытались их есть.

Как-то вечером дорогу моим львятам перебежал варан, который затем залез на небольшое дерево. Подпрыгнув, Фьюрейя стащила его с ветки. Как только ящерица оказалась на земле, к ней подскочила Рафики и впиалась в нижнюю часть позвоночника. Все трое сцепились не на шутку, и тут варану удалось отомстить противнику. Рафики взяла голову варана в пасть, а тот немедленно схватил ее зубами за язык. Она пыталась тащить ящерицу за тело, но та держала мертвой хваткой, причиняя невыносимую боль. Я же наблюдал, как Рафики высовывала язык, с которого, покачиваясь, свисал варан, а затем втягивала его, и треть варана исчезала в ее пасти.

Напуганная львица пыталась громко рычать, но из-за того, что в пасти у нее находился варан, издавала странные, никогда не слышанные мной звуки. Потрясенные таким рычанием Фьюрейя и Батиан оглядывались, думая, что сюда забрели чужие львы; Батиан даже отскочил в сторону посмотреть. Прошло еще пять минут, прежде чем Рафики удалось освободить от варана свой кровотокающий язык. Оставив ящерицу на земле, она тут же отбежала и заковыляла к воде, где находилась Фьюрейя. Батиан почему-то вернулся к ящерице, схватил ее и отнес к воде. Бросив ее там, Батиан попил и оставил рептилию в покое.

В другом случае от варана здорово досталось всем троим. Когда мои львы окружили эту ящерицу, она приобрела необычно угрожающий вид. В ответ на попытки хватать ее лапами ящерица била противников хвостом, как кнутом, а дальше началось такое, чего я прежде никогда не замечал за варанами. Метровая ящерица прыгала вперед-назад, разинув рот, и кусала львов за лапы и за морды. Поведение ящерицы настолько потрясло их, что начались стычки и между ними самими. Когда кто-нибудь из них

задевал мой ботинок или приклад ружья, он отскакивал в сторону, думая, что это ящерица. Конфронтация продолжалась минут двадцать, пока пробегающее стадо зебр не отвлекло внимание львов, и тогда варан был отпущен с миром.

Еще одним необычным существом, на которое мои львята были не прочь поохотиться, оказалась черепаха. Я не раз видел, как то один, то другой из них принимал охотничью позу, опуская голову. Я, конечно, вглядывался вперед, чтобы увидеть, какую же добычу они учуяли. Лев неизменно полз вперед, затем рывок - и вот он замер на одном месте. "Очередная черепаха", - думал я.

Львы пытались обгладывать, а иногда и прокусывали твердый черепаший панцирь. Иногда львы заигрывали с черепахой, глубоко убиравшей голову в панцирь, а затем, если что-то их отвлекало или они теряли интерес, отпускали. Многие оставались после этого совершенно невредимыми, если не считать нескольких царапин на панцире.

Шагая дальше, я представлял себе этот инцидент с точки зрения черепахи. Ползет себе, одной ей ведомо куда; голова всего в какой-нибудь паре дюймов над каменистой почвой. Вдруг на нее налетает черная тень, и, едва черепаха убирает голову и лапы под крышу панциря, кто-то наваливается со страшной силой. Спрятавшись под панцирем, она чувствует, как кто-то тащит ее за ноги, бесцеремонно волочит по земле и переворачивает на спину. Проходят минуты, и черепаха, необъяснимо как, оказывается в нормальном положении и оставлена в покое. Тогда она осторожно высовывает голову, затем ноги и оглядывается вокруг. Убедившись, что опасности нет, она снова пускается в путь. Поскольку черепаший век долгов, такое в их жизни случается, вероятно, не раз. Представьте же себе, как такая много повидавшая на своем веку черепаха бурчит, словно почтенный прадедушка на расшалившихся правнуков: "Ах вы, львята, такие-сякие, холеры на вас нету!" - и продолжает свой путь.

Эти первые дни походов со львами по Тули стали хорошей школой не только для Батиана, Фьюрейи и Рафики, но и для меня самого. Будучи, как человек, в привилегированном положении по сравнению с несмышленьшими в дикой природе, я становился свидетелем уникальных случаев взаимоотношений между львами и их добычей, а также узнал о многих аспектах поведения львов.

Когда жара становилась невыносимой, мы со львами устраивались на отдых, где только находили тень. В течение этих нескольких самых жарких часов я вел записи, занося в блокнот свои наблюдения за "возвращением львов в родную стихию". Однажды, когда я вот так же лежал бок о бок со львами в тени и вел свои записи, произошел довольно забавный случай со слоном...

Мы четверо - я и трое львов - отдыхали в тени большого дерева. Рядом находилась впадина, недавно заполнившаяся свежей дождевой водой. Когда я перевернул страничку, я заметил, что Фьюрейя, которая находилась по соседству со мной, медленно перевернулась на спину с таким ленивым блаженством, как это, по-моему, свойственно только львам. Задрав лапы кверху, она выставила на обозрение свое белое пузо. Внезапно ее расслабленное состояние сменилось напряженным, и она тревожно вытянула голову в направлении впадины с водой. Одним движением она вскочила на все четыре лапы и замерла, напряженно всматриваясь вперед. Ее поведение встревожило Батиана и Рафики,

проснувшихся, как по команде.

Там, у впадины с водой, в менее чем четырнадцати метрах от нас, неподвижно стоял молодой слон-самец. Казалось невероятным, что слон подошел так близко. Я ничего не слышал, когда он приближался, - слоны умеют так тихо пробираться сквозь африканские кустарники, что некоторые местные племена прозвали их "серыми духами".

Сидеть под деревом, уставясь на слона, было не очень-то уютно. Моя реакция была моментальной, инстинктивной и продиктована мотивом самосохранения - я дал стрекача. Блокнот выпал у меня из рук, и налетевший ветер подхватил оторванные странички, как большие конфетти. Добежав до небольшого ручейка, я остановился и оглянулся. Батиан, побежавший вслед за мной, остановился рядом и глядел на слона. Рафики находилась между слоном и Фьюрейей, которая стояла неподвижно там, где всего каких-нибудь несколько секунд назад мы мирно отдыхали.

Я чертыхнулся про себя и тут же увидел, как Фьюрейя принимает охотничью стойку. Несмышленной львице, конечно же, не удалось бы совладать с четырехтонным великаном - я представил себе, как слон одним ударом хобота размазывает ее, неискушенную в слоновьих повадках, о ствол дерева. Рафики стала подражать сестре; Батиан предпочел роль наблюдающего, как и я. Мы оба хранили бдительность, никто из нас не рвался, как львицы, на столь рискованную охоту.

Вмешаться я не мог никак. Львицы медленно крались вперед, хоронясь за стволами и кустами. Впрочем, слон не обратил особого внимания на наше присутствие - он просто поднял в воздух хобот, пытаясь уловить наш запах. Львицы подкрадывались все ближе и ближе, и вдруг случилось неожиданное: издав протяжный трубный звук на высокой ноте, слон повернулся и обратился в бегство. Когда смотришь на бегущего слона сзади, кажется, будто кто-то бежит в старых, жеваных серых штанах на десять размеров больше требуемого.

Фьюрейя и Рафики устремились в погоню. Я вышел из тени и всласть позабавился, наблюдая за тем, как Батиан спешно пытался догнать сестричек, с энтузиазмом присоединившись к погоне за удирающим слоном.

Итак, я остался один. Звуки ломающихся под ногами слона кустов постепенно отдалялись, а вскоре вовсе затихли. В ожидании возвращения львов с охоты я принялся собирать разбросанные ветром листы блокнота; вскоре, тяжело дыша, подбежали все три моих питомца. С жадностью напившись из впадины с водой, они радостно приветствовали меня. Очевидно, погоня за слоном доставила им немало удовольствия. Прежде чем возвращаться в лагерь, я дал львам немного отдохнуть, а сам пустился на поиски единственной пропавшей странички, но так и не нашел.

Наше возвращение в лагерь в этот вечер было таким же, как и во многие другие вечера в первые месяцы моего пребывания в Тули. Я открывал ворота, чтобы запустить львов в загон, и при этом всегда приходилось дожидаться Батиана, который шел последним. Затем я звал Джулию, которая обычно возилась на кухне; мы давали львам воды и, прежде чем приступить к их кормлению, обсуждали с Джулией все, что произошло за день.

После этого из старого газового морозильника, принадлежавшего единственному штатному сотруднику лагеря "Тавана", почтенному Джону Кноксу, вынималось мясо. Характер у Джона был хоть и жуликоватый, но при всем том очень обаятельный, и поэтому жаль, что он долго у нас не

задержался. Причиной тому стала его невиданно грузная и чудовищно властная супружница. Однажды, после длительного пребывания за пределами юга Африки, она как снег на голову явилась в лагерь и напустилась на своего благоверного со скандалом, что он-де завел себе в нашем лагере кучу девок в ее отсутствие. Это была чистейшая ложь, но, по настоянию жены, он оставил службу в нашем лагере. Нам было жаль, что он от нас уходит, - так мы привязались к нему. Да, по-моему, и львы его любили - особенно когда он в вечерний час приближался к загону с ведрами, полными кусков мяса. В то время мои львы еще были в контакте с другими людьми. Вместе с тем я полагал разумным сокращать эти контакты с каждым месяцем, но сохранить их дружбу с Джоном, если бы тот у нас остался.

В эти вечера мне стало ясно, что мне не следует на их глазах сидеть или стоять возле Джулии. Видя меня рядом с Джулией, они приходили в возбуждение и принимались расхаживать взад-вперед по загону. Они явно боялись, что Джулия займет их место в моем сердце. Тогда я оставлял Джулию и шел к львам успокоить их. Но, как ни странно, когда мне удавалось успокоить львов, кто-нибудь из них, чаще всего Рафики, вцеплялся мне в руку зубами, и притом не за рукав, а за кожу. Правда, они никогда не кусали больно и уж тем более не прокусывали руку до крови, но этим жестом они показывали, как они привязаны ко мне и как ревнуют.

Пока Джон был с нами, он, по-видимому, очень гордился своей ролью "львиного" человека, как его прозвало местное население. К тому же создавалось впечатление, что истории, которые он рассказывал о своей работе, обрастали такими приукрашиваниями и домыслами (особенно под воздействием алкогольных напитков), что потом передавались из уст в уста как легенды. Джон уже давно не работал с нами, а люди, работавшие в других лагерях заповедника, все приходили к нам и спрашивали, правда ли, что Джон бесстрашно ходил среди львов, обучал их охоте на импала, как охотничьих собак?

Впрочем, как раз перед тем, как супружница Джона забрала его от нас, произошел случай, наглядно продемонстрировавший нам, что Джон отнюдь не чувствовал себя в полной безопасности в лагере, как мы думали раньше. Ближе к вечеру мы с Джоном вместе работали в лагере, а Джулия должна была уйти из лагеря на ночь. В этот день я оставил львов одних, чтобы они вернулись в лагерь сами. Когда мы с Джоном вчерне заканчивали сооружение нашей лагерьной "конторы" из обрезков досок, я услышал за оградой лагеря завывание вернувшихся львов. Я отправился к воротам, а Джон стал наблюдать изнутри.

Я наклонился, чтобы погладить Фьюрейю (Рафики была рядом со мной, а где Батиан, я поначалу не поинтересовался), как вдруг на меня обрушилось что-то массивное. Я растянулся на земле и отполз на три-четыре метра. Оказывается, это Батиан, которого я проигнорировал, обрушился на меня всей своей восьмидесятикилограммовой тушей.

Оказавшись в грязи, я подумал, что мне сразу же нужно встать, иначе львы набросятся на меня всем скопом. Но как только я поднял глаза, мои страхи рассеялись. Рафики и Фьюрейя терлись друг о друга головами, а Батиан приблизился ко мне со спокойным и дружеским видом. Я встал, опершись на Батианову спину. Теперь все мои мысли были о Джоне. Я взглянул и увидел, что он стоит с выражением ужаса на лице.

Страхнув землю со спины и дождавшись, пока восстановится нормальный

ритм моего сердца, я направился к Джону и принялся уверять его, что со мной все в порядке и что Батиан вовсе не собирался нападать на меня, а всего лишь чересчур бурно выразил свою радость.

Но это не успокоило Джона. Он сказал:

- Я был так напуган. Я думал, что ты погиб, что тебе конец. Что лев сразил тебя насмерть!

Я был тронут и повторил, что все в порядке.

Но Джон продолжал говорить, давая понять, что имел в виду совсем другое:

- Нет, нет. Я беспокоился, потому что, если бы ты погиб, мне пришлось бы целую ночь провести одному в лагере. Я даже не мог бы уйти - Джулия вернется только завтра.

Оба мы расхохотались, хотя каждый по своей причине. Подход Джона был прагматичным, и знаете, в этом что-то было. С его точки зрения, если бы я был убит, я был бы убит, и ничего от этого не изменилось бы. Но ему-то, оставшемуся в живых, пришлось бы провести эту ночь в одиночестве.

Впрочем, случай с Батианом был единственным, когда я оказался в потенциально угрожающей ситуации. Когда меня спрашивают, как это я столько работаю со львами и до сих пор цел и невредим, я отвечаю: "Если бы я пострадал, то почти наверняка из-за собственных неверных действий или жестов".

Тем не менее инцидент послужил мне уроком. Теперь я твердо зарубил на носу: прежде чем ласкать львиц, нужно сперва выяснить, где Батиан. Но была вот еще какая проблема: готовя их к жизни на воле, их следовало отучить прыгать на меня. Я стал кричать на них, а то и пускал в ход палку, и быстро отучил львов от этой привычки, хотя Рафики изредка делает это и по сей день - это бывало, когда мы долго не видели друг друга или когда Рафики была чем-то взволнована и нуждалась в психологической поддержке.

Глава вторая. ИСТОРИЯ СЭЛМОНА, РАССКАЗАННАЯ ИМ В ТУЛИ

Как можете вы покупать и продавать
небо и теплоту земли?.. Если свежесть
ветра и отблески лучей солнца в воде вам
не принадлежат, как можете вы покупать
их?

Слова вождя индейцев Сизтла,
обращенные к американцам,
вознамерившимся купить
землю у индейцев

Заросшие кустарником земли Тули, где львы справили новоселье, - не национальный парк, а просто территория в тысячу двести квадратных километров, частью расположенная в Ботсване, частью в Зимбабве. На ботсванской части находятся частные заповедники белых южноафриканцев, которые, как правило, редко там бывают. Зимбабвийская же часть Тули - это район сафари, контролируемой охоты, находящаяся во владении

государства и в ведении Департамента охраны природы. К счастью, обе эти территории не разгорожены никакими заборами, так что дикие звери вольны свободно перемещаться по всей территории.

Земля Тули сурова, но прекрасна. Она напоминает о всей прекрасной в своей дикости земле, еще не испорченной человеческим прогрессом, техникой и цивилизацией. Описывая Тули и окружающие эту страну земли, ее историю, трудности, с которыми она сталкивается, я часто вспоминаю разговор с одним почтенным темнокожим африканцем по имени Сэлмон Маомо, уроженцем Тули. Он имеет южноафриканское гражданство и сейчас работает на заброшенной ферме, расположенной тут же, на границе, на берегу реки Лимпопо. Его глаза, теперь, уже больные, видели величайшие события века и огромные перемены, ворвавшиеся в жизнь этого уголка Африки. Он видел, что утрачено и что сохранилось.

Мой разговор с почтенным Сэлмоном состоялся под огромным деревом машату на берегу пересохшей реки Лимпопо. Почему она пересохла - отдельная история. С нее и начнем.

В тот день я спросил Сэлмона, какой была Лимпопо в годы его молодости. Мой собеседник ответил сурово, как бы разозлившись на что-то:

- Полноводной.

Теперь одна из самых легендарных рек Африки уже не несет, как прежде, вольные воды. Русло хоть и существует, но большую часть года теряется среди песков. С наступлением летних дождей (если их выпадает достаточно) река поднимается и бурлит мутной водой, но вскоре поток замедляет свой бег и пересыхает.

Расход воды Лимпопо катастрофически увеличился за последние двадцать лет. В верховьях воду удерживают плотины; южноафриканские фермы, машины и насосы над скважинами выкачивают воду из почвы для сельскохозяйственных нужд. Река умирает, а вместе с ней и кустарники по ее берегам. Деревья буквально гибнут от жажды.

Если бы орлу воспарить над тем местом, где мы беседовали со старцем Сэлмоном, с высоты ему бросился бы в глаза контраст двух берегов пересохшей реки. Со стороны Тули - заросшие диким кустарником земли; берега реки окаймлены темно-зеленым пологом деревьев (и серые пятна в тех местах, где деревья погибли). Конические прибрежные деревья переходят в заросли веретенообразных акаций, а те - в открытые равнины. По мере пролета над бывшей долиной Лимпопо орлиному глазу открылись бы иссохшие русла, с высоты похожие на растопыренные пальцы, обращенные к югу в Сторону Лимпопо. К северу же, там, где эти русла берут истоки, лежит водосборная территория этой великой африканской реки, но вода оживляет ее только в сезон дождей. Осенью же земля приобретает красновато-коричневый оттенок - красной делается почва, красными становятся слоны, повалившись в пыли, оранжевый цвет приобретают листья деревьев, как, например, мопана и миррового дерева.

С южной стороны Лимпопо взгляду царя птиц открылся бы совсем другой пейзаж. По границе между Южной Африкой и Ботсваной исчезают полосы кустарников, подобные тем, что в Тули. Взамен - широкие зеленые поля, ограды, поселки сельскохозяйственных рабочих. На север, в направлении границы, бежит прямое гудроновое шоссе; в него вливается другое, пересекающее регион с востока на запад.

К югу располагаются совсем другие хозяйства - охотничьи. Там, на небольших, разгороженных заборами участках земли содержится фауна.

Начиная с апреля, с открытием охотничьего сезона, то там, то здесь гремит пальба - это городские охотники утоляют свою жажду крови. Здесь дичь не может передвигаться свободно, как в прежние времена, - она обречена доживать свой век на этих экологически безжизненных (но приносящих, с экономической точки зрения, неплохой доход их владельцам) участках земли. Диких животных сюда попросту привозят и продают как домашний скот. Антилоп с огромными глазами грузят на машины и везут в охотничьи хозяйства; будучи выгруженной на месте, она вроде снова чувствует себя на свободе, но - за забором; жалкая пародия на родную дикую природу!

А в уголке орлиного обзора, словно серый крейсер среди недвижных волн лазурного горизонта, с южной стороны откроются огромные алмазные разработки. На гигантской площади вокруг них компания "Де Бирс" скупилла множество охотничьих хозяйств, за свой счет снесла разгораживающие их заборы и устраивает там большой заповедник под названием "Венеция". Тем не менее присутствие алмазных разработок внушает тревогу - для их функционирования нужна вода, и этот фактор может повлиять на дальнейшее критическое снижение обводненности долины реки Лимпопо, а соответственно и на экологию земель Тули и окружающих территорий.

- Тут некогда и крокодилы обитали, - продолжал старец, - во-от такие огромные... И бегемоты... Нашим женщинам приходилось остерегаться, когда они ходили за водой.

- А львы? - спросил я, показывая на Северный Трансвааль, к югу от берегов Лимпопо.

- И львы... Много их было во времена моего отца. Знаешь алмазные копи? Вот в тех-то местах их и было больше всего.

Я задал Сэлмону неизбежный вопрос, заранее зная, какой будет ответ.

- Куда ж они делись, Сэлмон? Ни одного ведь не осталось. Только те, что приходят с нашей стороны, из Тули; и здесь их отстреливают фермеры.

Он ответил так: львы исчезли. Как и река, львы Северного Трансвааля исчезли. Сэлмон рассказал мне, что одно время белые люди их часто отстреливали. Меньше стало львов - меньше стало выстрелов, и теперь, когда лев из Тули бесшабашно пересекает посуху русло реки Лимпопо и попадает в Южную Африку, это вызывает панику среди фермеров и восторг у охотников, и, естественно, как и его предшественников, беднягу отстреливают. Скотоводство, которым здесь занимаются белые, вкупе с их охотничьим азартом привело к тому, что на очередном участке юга Африки вовсе не осталось львов.

- Когда со львами было покончено здесь, некоторые еще оставались там, - сказал Сэлмон, показывая на север, в направлении Тули.

Но и в самом Тули существовал конфликт между львами и человеком, старавшимся уберечь свой скот. Между 1880 и 1960 годами было немало посягательств на домашний скот со стороны львов, плачевно оканчивавшихся для последних. Только в 1950-е годы в Тули было убито сто пятьдесят львов.

Мне рассказывали о диком случае, происшедшем в те годы. Несколько фермеров, занимавшихся скотоводством, застрелили нескольких львиц; у одной из них сосцы были отягощены молоком. Поверженных цариц природы бесцеремонно погрузили в тележку, запряженную ослами, и отвезли на ферму. Там с них содрали драгоценные шкуры, а тела просто выбросили за

ограду.

Ночью кто-то из фермеров услышал крики детенышей. Изголодавшиеся львята каким-то образом учуяли, где лежало обезображенное тело их матери, и нашли его. Но, в свою очередь, их обнаружил фермер и пристрелил.

К середине 1960-х годов от обитавшей в Тули популяции львов остались совсем единицы. На севере, в регионе Тули-сафари, некоторое количество львов чудом уцелело; львы Тули - единственные из тех, что когда-то обитали на огромной территории, включавшей Северный Трансвааль в Южной Африке, Восточную Ботсвану и значительную часть юго-запада Зимбабве. Львы Тули, которых, судя по всему, оставалось не более полусотни, были последними из популяции, насчитывавшей многие сотни, - жалкие остатки тех, что обитали по всему югу Африки.

К счастью для львов Тули, в январе 1964 года некоторые из жителей Ботсваны обратились в Департамент охраны природы страны с призывом запретить охоту на львов и леопардов в Тули. Предложение получило одобрение, и с тех пор, хотя на территории Зимбабве львов продолжали убивать, легальному отстрелу львов в Ботсване был положен конец. Но браконьерская охота продолжалась и продолжается поныне.

Дикие земли, куда я готовился выпустить моих львов, традиционно принадлежали племени нгвато, чьим верховным вождем в 1880 году стал Кхама. Это была необыкновенно цельная личность; о нем писали как об одном из самых выдающихся вождей на юге Африки. Его сын, сэр Серетсе Кхама, стал в 1966 году первым президентом Ботсваны.

Бурская агрессия и угоны скота привели к тому, что Кхама III стал искать для своего народа и страны покровительства британской короны. Он добился его - и "Земля Кхамы" стала британским протекторатом Бечуаналенд. Этот период африканской истории представляет собой смешение - смешение концессий, колонизации и прав на владение копиями.

В это время могучей Британско-Южноафриканской компании, управляемой небезызвестным Сесилом Джоном Родсом, была предоставлена земельная концессия. В эту концессию входила территория нынешнего Тули. Роде застолбил эту землю, планируя провести по ней участок задуманной им железной дороги от мыса Доброй Надежды до Каира; но необходимость сооружения бесчисленных мостов через множество рек и речушек, крайне удорожавшая строительство, делала нецелесообразной прокладку дороги по этой земле, и впоследствии она была распродана под фермы. Так начиналось сегодняшнее фермерство Тули, включая и заповедник Северного Тули, объединивший нынешних землевладельцев.

Эта территория юга Африки была изначально богата диким зверьем, но в XIX-XX столетиях оно было почти полностью истреблено белыми охотниками и путешественниками. Урон дикой фауне был нанесен такой, что уже в 1870 году охотникам за слоновой костью приходилось двигаться с юга на север по землям Тули и углубляться на территорию нынешнего Зимбабве в поисках слонов. Стада южноафриканских слонов, в том числе и те, что были в Тули, были к этому времени полностью истреблены.

Однако теперь в Тули снова немало слонов. Преследуемые с запада и востока, стада слонов шли из самого Мозамбика искать убежища в Тули, и в тот момент, когда я пишу эти строки, их число перевалило за шестьсот.

Не все виды дикой фауны, когда-то обитавшие в Тули, живут здесь до сих пор. Исчезли черный носорог и африканский буйвол, гиеновая собака

и лошадиная антилопа, ряд других копытных и, в значительной мере, крокодилы и бегемоты, о которых упоминал Сэлмон. Теперь можно не бояться спускаться к берегам Лимпопо: а кого бояться-то, кто скроется в песках?!

Последние три десятилетия оказались более радужными - землевладельцы в Тули все больше стали переориентироваться с охоты на сохранение природы. В эти годы стали более многочисленными стада уцелевших видов животных, и, слава Богу, никто из землевладельцев не строил заборов, препятствующих свободному передвижению животных. В соседней Южной Африке, где дикая фауна объявлена собственностью землевладельца, на чьей земле она живет, собственнический инстинкт заставляет воздвигать такие заборы. В Ботсване же дикая фауна находится в собственности государства, а не частных лиц, у землевладельцев нет причины ограждать свои территории.

Но продолжительное существование дикой фауны на частных землях в значительной мере зависит от отношения землевладельца. Похоже, что современные законы ограничивают доступ государства к находящейся на частных землях дичи как к "национальному богатству".

В 1970-х - начале 1980-х годов популярным природоохранным понятием на юге Африки стало "использование" дикой фауны. Это подразумевает "выбраковку" отдельных особей и "коммерческую" охоту, средства от которой направляются на природоохранные мероприятия. Понятие "использование" возникло в частных заповедниках на территории Тули в конце 1970-х годов, когда некий владелец обширных земельных угодий обратился в Департамент охраны природы Ботсваны с предложением о проведении мероприятий по "выбраковке" на его территории. Ему было отказано; он подал на Департамент в суд, но проиграл дело, понеся к тому же все издержки по его ведению.

К этому времени землевладельцы Тули разделились во мнении, какую стратегию применить к региону в целом. Споры и борения между ними привели к тому, что вопрос был вынесен на обсуждение парламента Ботсваны. После того как Национальное собрание приняло обращение к правительству с призывом приобретать фермы Тули для организации национального заповедника, была организована встреча землевладельцев Тули с правительством.

Причиной возникновения этого движения явились неудовлетворенность общественности страны положением дел с охраной дикой природы и беспокойство за ее будущее. Недостаток сотрудничества между землевладельцами и властями, отсутствие общей природоохранной стратегии делали весьма сомнительным будущее здешней дикой природы и дикой фауны. В результате правительство отняло у землевладельцев право охотиться и определило, что "выбраковка" и подобные мероприятия могут производиться не иначе как с разрешения Департамента охраны природы. Кроме того, покупка и продажа земель в Тули могла производиться теперь только с одобрения министерства, и всякая покупка земли облагалась теперь тридцатипроцентным налогом в пользу государства.

В настоящее время земли Тули по-прежнему находятся большей частью в частном владении, но землевладельцы заметно объединены природоохранными идеями. Так, в 1980-е годы в эти земли удалось вернуть жирафов. Но по-прежнему требуется активное участие землевладельцев в развитии активной природоохранной стратегии для региона в целом. Так, крайне необходимо, чтобы землевладельцы

организовали антибраконьерские отряды для оперативных действий по всей территории Тули.

Теперь в некоторых частных заповедниках в Тули развивается туризм. Для туристов построены шикарные домики, гиды на вездеходных автомобилях, движущихся вне дорог, показывают туристам дикую фауну. Но, несмотря на развитие туризма, в момент, когда пишутся эти строки, для сохранения дикой фауны по-прежнему мало что делается - остается молиться и надеяться, что со временем и с усилением чувства ответственности дела изменятся в лучшую сторону.

Примерно в то же время, когда я привез сюда львов, несколько частных заповедников на востоке - как раз там, где я собирался поселить своих львов - консолидировались в более крупный заповедник с единой природоохранной стратегией. Это произошло по инициативе молодого борца за охрану природы Брюса Петти, ставшего директором всей этой большой территории, получившей название "Заповедник Чартер". Природоохранная концепция, развиваемая Брюсом, существовала еще в годы его детства, но не получила тогда применения из-за отсутствия средств. Но в конце концов она получила воплощение - что ж, каждое путешествие начинается с первого небольшого шага.

Природоохранная концепция Брюса Петти остро нуждается в воплощении на всей ботсванской территории земель Тули. Но даже если святое дело утвердится в умах большинства землевладельцев Тули, земле по-прежнему будет наноситься ущерб, а ее дикая фауна оставаться под угрозой уничтожения, если не будет должным образом налажена охрана.

Позволю себе процитировать отрывок из книги Кьюки Голманна "Мне снилась Африка", в которой рассматривается вопрос о том, как это - владеть землей:

"Так значит, я - землевладелец? - говорил я от чистого сердца. Как часто задумывался я, что же за этим кроется. - Я не чувствую себя землевладельцем. Я не могу поверить, что мы и в самом деле имеем землю в собственности. Она существовала до нас и будет существовать после того, как мы уйдем в небытие. Я верю, что мы можем только взять ее под свою заботу - как ее пожизненные попечители. Я даже не родился здесь. И я считаю своей огромной привилегией быть в ответе за кусок африканской земли".

Многих из тех, кто "владеет" землями на юге Африки, могли бы вдохновить эти слова, полные сочувствия и мудрости.

Недостаточная защищенность - общая беда частных заповедников - во многом повлияет на ход истории моей жизни в обществе львов. Я стремился к тому, чтобы дать львам возможность жить в родной дикой природе и самим добывать себе пищу, но вместе с тем мне нужна была уверенность в том, что они не станут жертвой различных угрожающих факторов, таких, как браконьерство или конфликт с владельцами домашнего скота. Тули и его фауна нуждаются в более надежной опеке, принимая во внимание то, что им нужно учитывать груз проблем, доставшихся от прошлого, и потенциальную возможность приобретения международного значения этим регионом, где обитают представители редкой дикой фауны.

Моя глубокая страсть защитить Тули зародилась еще в предыдущий период работы здесь - в 1983-1986 годах. Тогда, едва разменяв третий десяток, я работал егерем в одном из самых крупных частных заповедников. В число моих обязанностей входило наблюдение за местной

популяцией львов и ее изучение. Так изучение небольшой популяции львов на местном уровне привело меня к пониманию значения льва как вида в масштабе всей Африки. Еще будучи юным егерем, я глубоко проник в жизнь львов и был шокирован и опечален, когда понял, что происходит с популяцией львов в Тули.

В результате браконьерства и ряда других факторов число львов в Тули сократилось за каких-нибудь два с половиной года почти наполовину - примерно с 60 до 29 особей. Некоторые из них были истреблены за то, что резали домашний скот в хозяйствах, расположенных по границам Тули; иных самым подлым образом сманили на южноафриканские фермы, и там они стали жертвой "спортивной охоты". Но больше всего их пало от браконьерских силков - обыкновенных проволочных лассо, смертельных для львов и для других животных. Эта форма браконьерства опасна даже для слонов - я знаю одного молодого слона, которому шесть лет назад проволокой целиком отрезало хобот, и, однако, он непонятно как выжил и живет до сих пор. Мне не раз приходилось видеть и других слонов с укороченными хоботами - все они стали жертвой браконьерских проволочных петель.

Результатом наблюдений, чувств и действий в этот период моей жизни явилась книга "Плач по львам", которую я написал в надежде привлечь внимание к проблемам львов Тули и в попытке побудить к действию во имя их более надежной защиты. Наивно веря в силу пера, я был уверен, что эту защиту им удастся обрести.

Я уехал из Тули, чтобы написать эту книгу, а когда закончил ее, то в течение двух последующих лет изучал проблему львов в масштабе континента. Я исколесил тысячи километров по югу Африки, впервые встретился с Джорджем Адамсоном и поработал с ним; итогом всего этого явилась вторая книга, тематика которой осталась традиционной: львы, люди, вторжение, браконьерство, ружья, пули, смерть и лишь изредка - надежда...

Все три с половиной года, что я был вдали от Тули, эта земля оставалась в моем сердце. Я знал, что однажды должен буду вернуться. И все эти три с половиной года я получал оттуда вести: "Еще один лев попал в капкан... Предполагается, что потомство львиц-сестер Кали уничтожено... Попал в капкан старый лев Дарки, но ему удалось перегрызть браконьерскую петлю..." Из других источников я слышал, что львиное поголовье не только стабилизировалось, но и растет, и эти лживые сведения давали мне обманную надежду: я не смог распознать иронию в том, что мне сообщалось.

В 1989 году я собирался возвратиться на эту землю. Планы у меня были большие - просвещение людей в вопросах окружающей среды, попытка нового пересчета поголовья львов и учреждения более надежных мер по защите как этих львов, так и всей дикой фауны заросших кустарником земель Тули. Со смертью Джорджа моей главной целью стала подготовка троих львят к жизни в дикой природе.

Возвращение в Тули явилось для меня возвращением на родину, и вскоре по прибытии я записал такие слова - слова, запечатлевшие мои чувства по возвращении на ту землю, которой принадлежит мое сердце. Вот эти строки:

Я снова на земле,
которую я знал.

Я снова на земле,
где сердце я свое оставил.
Я снова здесь! Я снова здесь!
Слеза струится по моим губам.
О, чудо! Наконец мы снова вместе!
Старуха мать! Дай мне тебя обнять!
О дикий мир,
как тягостно тебе
В ручищах жадных человека!
О дикий мир,
с круговоротом вечным,
Текут в котором годы,
жизнь и смерть.
Свободными надолго ль нам оставаться вместе?
Надолго ль быть свободными -
тебе и мне?
С тех пор, как я
твоим проникся духом,
Мне кажется, что меньше мир
вокруг тебя.
А может, я ошибаюсь - просто вырос сам?
Не важно! Хорошо, мы снова вместе!
Старуха мать! Дай мне тебя обнять!
Жизнь - это цикл.
И на твоих глазах я вырос,
как в лесу растут деревья. И тогда
Вослед орлам на север я умчался.
Года прошли, но я не возвращался.
Но ты манил меня
своим прохладным бризом,
Слова любви так искренно шептавшим,
И вот вернулся я.
Своим прикосновеньем
Меня ласкаешь ты.
Я рад бы умереть здесь.
Что ж, да будет так!
Я снова здесь! Я снова здесь!
Слеза струится по моим губам.
Как хорошо, что снова вместе мы!
Старуха мать! Дай мне тебя обнять!(*2)

И снова встреча со старцем Сэлмоном под деревом машату... Я спросил его, что он думает о моей работе - защите дикой фауны и возвращении львов в дикую природу.

Подумав немного, он сказал:

- Молодчина... Мои внуки не знают львов так, как я когда-то или как их знали наши предки. Дети знают о львах только по картинкам.

Он смолк, а затем печально кивнул головой.

- Белый человек столько погубил - что зверей, что нашу древнюю культуру, - а теперь хочет возвращать зверей назад! То-то! Раскидавши ворохами, собирать надумали крохами! - Он запнулся и пренебрежительно оставил тему.

Тут-то я понял, что он имел в виду. С исчезновением зверья, которого в его молодые годы много было на юге Африки, выродилась и сама земля, подверглась эрозии и ее аборигенная культура. Сам старец и его народ, как и земля, стали изолированы, порвались связи, и, возможно, он на склоне лет не видел будущего - так, как он мог видеть грядущее, будучи молодым человеком. Слишком уж изменилось все вокруг. Разговаривая со старцем, я заглянул назад во время и задумался о переменах, происшедших в судьбе Тули. Из рассказа Сэлмона я понял, что, несмотря на время, на всю эрозию жизни, Тули еще, можно сказать, повезло: она выжила, в то время как земли и их дикая фауна к югу оказались утраченными.

Суть истории и судьбы Тули, мне кажется, заключена в строчках послания, адресованного в 1885 году вождем североамериканских индейцев Сиэтлом президенту Соединенных Штатов Америки:

"Что ж будет с человеком,
коль все зверье исчезнет?
От одиночества в душе
погибнет он и сам.
Что б ни случилось со зверьем,
и с человеком будет то же.
Такая в жизни странная
взаимосвязь.
И если что-нибудь
с землей случиться может -
Того не избежать
и всем ее сынам(*2).

Еще с самого начала работы по подготовке львов к жизни в родной стихии - во имя львов, во имя Тули - я решил избрать это послание девизом своей деятельности. Моей целью стали движение к большему равновесию между дикой природой и человеком и попытки как-то сгладить конфликт, столь долго существовавший на юге Африки.

Глава третья. ЖИЗНЬ В "ТАВАНЕ"

Лагерь "Тавана" - напоминаю, это значит "Львенок" - расположился в живописной череде долин как раз на границе с зимбабвийской территорией Тули-сафари. Как и "Кампи-иа-Симба", что значит "Лагерь Львов", в Кора, "Тавана" окружена двенадцатифутовым забором - буквально с той целью, чтобы люди находились внутри, а звери снаружи. Как и "Кампи-иа-Симба" Джорджа, наш лагерь был описан кем-то из наших нечастых посетителей как "зоопарк в заповеднике", в котором человек находится за забором, а дикая природа с ее фауной - снаружи. Жизнь среди дикой природы была в новинку для Джулии, выросшей в городской среде и прежде работавшей в конторе. Но тем не менее жившее в сердце Джулии сопереживание обитателям дикой природы быстро помогло ей адаптироваться к новым условиям, и ей, и львам не составило труда привыкнуть к новому дому.

Еще в самом начале нашего проекта люди, знавшие Джулию по Южной Африке, откуда она родом, выражали мнение, что она не приживется в дикой природе и скоро вернется домой. Такое мнение сложилось, на мой взгляд, из-за ее хрупкой фигуры и впечатления незащищенности. Ее дружная семья тоже глубоко сожалела по поводу того, что Джулия выбрала жизнь среди дикой природы. Никому и в голову не приходило, какие стремления, потребности и надежды взрастали в душе Джулии. Прошло совсем немного времени, и обнаружилось, как неправы были доброхоты - Джулия показала свою целеустремленную и находчивую натуру, качества, прежде таившиеся в ней где-то под спудом.

До того как мы привезли львят в Ботсвану, у нас с Джулией не было близких отношений; про себя я гадал, увянут или не увянут наши юные отношения в условиях дикой природы. Надо сказать, я недооценил душевные силы и терпение Джулии.

Со стороны могло бы показаться экзотичным и романтичным, что двое молодых людей живут и работают вместе в заросших кустарником землях Ботсваны, готовя львов к жизни на воле, да в какой-то степени так оно и было. Но, по большому счету, жизнь в дикой природе подвергает молодую пару таким испытаниям, в которых их чувства либо закаляются, либо гибнут. За те два года, что мы провели в "Таване", мы не раз были на грани разрыва, но в итоге отношения между нами окрепли, в первую очередь благодаря совместно накопленному опыту, испытаниям и невзгодам, поражениям и триумфам.

Пока я в эти первые месяцы скитался со львами по землям Тули, Джулия занималась повседневной работой по лагерю. Каждое утро начиналось с подметания - неблагодарное занятие, потому что стоило подуть летним ветеркам - предшественникам сезона дождей, - и наша крохотная кухонька и палатки опять оказывались занесенными пылью и засыпанными листьями. Когда же Джулия принималась стирать или мыть посуду в большом пластмассовом тазу, назойливые мухи облепляли ей лицо и глаза.

Удобства в "Таване" были весьма специфическими, особенно для тех, кто привык к городскому комфорту. К примеру, гальюн представлял собою вырытую в земле глубокую яму, увенчанную "троном" из челюсти слона. К несчастью, под планками, на которых был установлен "трон", поселилась плюющаяся ядом кобра; у нас было несколько таких встреч с этой змеей, от которых волосы вставали дыбом.

Однажды утром Джулия, готовясь воссесть на трон из слоновой челюсти, вдруг заметила подле трона изготовившуюся к плевку шестифутовую кобру и, понятно, дала деру. Когда под вечер я вернулся со львами, она сообщила мне, что испытала такой шок, что в течение суток боялась туда наведаться. Я же, от души похохотав, согласился, что в самом деле нужно дать кобре срок - пусть уползает, гадина, прочь!

Однако на следующее утро, перед рассветом, я спросонья поплелся в гальюн и предался там размышлениям о предстоящем дне. Мои мысли были прерваны шипением, раздавшимся из-под земли, и тут на меня нашло прозрение. "Кобра!" - догадался я и моментально катапультировался, как пилот из подбитой машины. Сердце мое колотилось от страха. Когда я прибежал к своей верной Джулии, настал ее черед похохотать всласть.

Душевая у нас находилась в трехстенном деревянном сооружении, примыкавшем к гальюну. Все оборудование - ведро, служившее и ванной, и

душем. Кобра и сюда весьма частенько наведывалась. А так как "санузел" находился всего в каких-нибудь двух метрах от ограды, то нередко Джулия или я обнаруживали, что львы с интересом наблюдали, упершись мордами в ограду, как мы моемся или предаемся размышлениям, восседая на троне из слоновой челюсти. Иногда по вечерам, когда Джулия принимала душ, я слышал шорох в кустах. Потом до меня доносились слова Джулии:

- Привет, львята!

А затем уж и она сама появлялась, обернутая полотенцем, с мокрыми волосами, извещая меня о том, что львы вернулись.

В "Таване" не было водопровода или колодца, так что всю воду для питья, готовки и стирки приходилось привозить в выдавшей виды железной сорокачетырехгаллонной бочке, которую ставили в кузов. Каждые три-четыре дня Джулия ездила за водой в соседний лагерь, находившийся в тридцати минутах пути, и с наполненной бочкой возвращалась в "Тавану".

В первые месяцы нашего пребывания в лагере в одной из таких поездок за водой Джулия впервые близко столкнулась с разъяренной слонихой. В тот день с ней в машине ехали почтенный Джон Кнокс и приехавшая к нам в гости подруга из Великобритании. Джулия сидела за рулем, подруга - в кабине рядом с ней, а старина Джон - в кузове, рядом с бочкой. По пути машина встретила со стадом слонов, умывавшихся дождевой водой из канавы. Джулия остановила машину, чтобы ее подруга могла заснять эту сцену. Вдруг послышался стук в заднее стекло. Подруга повернулась и увидела, как Джон отчаянно машет рукой. К несчастью для Джона, она приняла этот жест за дружеский знак приветствия, а застывшую гримасу ужаса на его лице - за улыбку и радостно улыбнулась, помахав ему рукой в ответ. Как раз в этот момент обернулась Джулия и увидела, что Джон отчаянно пытался спрятаться под задним сиденьем. К счастью, уголком глаза она увидела нечто огромное и серое, бесшумно надвигавшееся на машину, и, инстинктивно нажав на стартер, уже не сбавляла газ до места назначения. А надо сказать, что слоны Тули снискали себе репутацию агрессивных - вполне понятно, если учесть, сколько времени их преследовал человек.

Позже я узнал, что, пока обе женщины наблюдали за мирным стадом, Джон, к своему ужасу, увидел огромную слониху со спиленными бивнями, надвигавшуюся на машину издали. Джон сообщил мне, что если бы Джулия вовремя не нажала на газ, от них от всех остались бы рожки да ножки.

Он постучал в стекло, чтобы предупредить женщин, но наша подруга только улыбнулась в ответ и помахала ему рукой. Подумав, что обе женщины сошли с ума, он приготовился к самому худшему и попытался спрятаться под задним сиденьем. Надо сказать, что молча и с разбега слон атакует редко, только в серьезных случаях. Если же он просто хочет поугагать, то шумит, трубит, движется короткими перебежками и хлопает ушами. Так что, хоть я и не был свидетелем этой сцены, у меня были все основания поверить словам Джона, что и машине, и ее пассажирам могло бы не поздоровиться.

х х х

...В противоположность большинству людей, Джулии не требуется, чтобы ее постоянно окружала компания, - она может оставаться одна в

течение долгого времени. Ей свойственны, однако, сильные материнские чувства, и с самого начала нашего проекта она готова была выкармливать любого звериного детеныша. Имея это в виду, я стал отыскивать осиротевших и покинутых малышей. Уже в ближайшие несколько месяцев Джулия стала приемной матерью для детеныша дикобраза, птенцов ткачиков, детеныша генетты и новорожденной мартышки верветки.

Находка дикобраза оказалась очередным уроком для львят. Однажды ясным солнечным утром я шагал со всеми тремя по высохшему руслу недалеко от "Таваны". Было все еще прохладно, и, несмотря на неудачную попытку догнать импалу, львы отважно двигались вперед в поисках добычи, сияя настороженными глазами. Идя за ними вслед, я заметил, что Фьюрейя неожиданно остановилась, а затем, приняв охотничью позу, стала медленно двигаться в направлении маленького, но густого куста. Рафики и Батиан приблизились к кусту с других сторон. Оттуда донесся шорох колючек, который мог издавать только дикобраз. Львы стали продираться сквозь кусты, когда с новой силой раздался шорох колючек, сопровождавшийся топотом ног (как я понял, дикобраз готовился к обороне). Вдруг из кустов выскочил крупный дикобраз и бросился к ближайшей норе. Я обернулся и увидел, что в кустах еще осталась дикобразиха с тремя детенышами подле нее.

Тут Батиан, еще не искушенный в средствах самозащиты, применяемых дикобразами, с энтузиазмом принялся раскапывать нору, где скрылся этот зверь. Раскопав нору пошире, он бесшабашно нырнул туда и тут же с диким ревом выскочил назад. Из морды у бедняги торчали три-четыре острые черные и белые колючки, которые он, корчась от боли, вытащил передними лапами. Окровавленный - к счастью, этим и ограничилось, - он бросил затаившегося в норе дикобраза и отправился к сестренкам, которые атаковали дикобразиху и ее потомство.

Дикобразиха отчаянно пыталась защитить детенышей, но в конце концов дала деру из кустов, шурша колючками; она понеслась вдоль высохшего русла, преследуемая Рафики. Таким образом, детеныши остались без защиты. Батиан тут же убил одного и принялся играть со вторым, как кошка с мышью. Находившаяся рядом Фьюрейя прижала третьего детеныша передней левой лапой к земле. Опечаленный судьбой детенышей, я подошел и стал отвлекать внимание Фьюрейи на Батиана. Как только она к нему шагнула, я осторожно вынул детеныша у нее из-под лапы и унес. Детеныш был крошечный, едва шесть дюймов в длину, с еще различимыми остатками пуповины.

Я тут же связался по рации с лагерем и попросил Джулию встретить меня по дороге. Когда она увидела крошечного дикобраза у меня в ладонях, сложенных горстью, в ней проснулся материнский инстинкт. Детеныша мы назвали Ноко, что на здешнем наречии означает просто "дикобраз". Впрочем, впоследствии его имя стали выводить из "нугу", что на языке суахили значит "обезьянка", - это как нельзя лучше подходило его шаловливому характеру.

Но вызволить-то детеныша из когтей львов мы вызволили, а как выкормить такую кроху? Первоначально Джулия приспособила шприц в качестве бутылки с соской и выкармливала его превосходной кашей под названием "Пронутро". К счастью, детеныш быстро приохотился к каше, в которую мы добавляли немного разведенного молока. Впрочем, поначалу каждая кормежка заканчивалась тем, что почти вся еда оставалась на платье у Джулии, а в рот дикобразу попадало немного. Но когда он

приучился есть из миски, не возникало никаких проблем. А надо сказать, что он стал алчным и всеядным, особенно охочим до такой пищи, как печенье и хрустящий картофель.

Ноко и Джулия очень привязались друг к другу, и когда она выходила из лагеря, он бежал ее сопровождать, шурша колючками. Он быстро рос, но, даже став взрослым, по-прежнему любил, чтобы Джулия брала его на руки и прижимала к себе. В этих случаях он опускал колючки, чтобы не поранить свою хозяйку.

Когда Ноко уже достаточно подрос, мы с Джулией решили вернуть его в родную стихию. Но прямо так отпустить его мы не могли из опасения, что он снова попадет в когти львам. Тогда с большой печалью, но с надеждой, что это будет лучше всего для Ноко, мы, отвезли его в лагерь к нашему другу, который и приучил его к жизни на воле.

...Прошло уже два года с тех пор, как я спас Ноко из-под лапы Фьюрейи, но он по-прежнему время от времени навещает лагерь нашего друга. А несколько раз его видели в обществе - по-видимому, он нашел себе подругу.

х х х

В первые дни нашего проекта раз или два в неделю Джулия отправлялась на машине в Понт-Дрифт - пограничный пост между Южной Африкой и Ботсваной на реке Лимпопо. Там она запасалась провиантом и оттуда звонила по телефону. Дорога по долине Питсани к границе обычно занимала у нее час с четвертью, иногда значительно больше, в зависимости от того, сколько слонов ей встречалось на дороге. Порой огромные слоновьи стада преграждали ей путь, и она была вынуждена терпеливо ждать и наблюдать на почтительном расстоянии, пока они не спеша насытятся и соблаговолит уйти с дороги, дав Джулии возможность без опаски продолжать путь. Что поделаешь, в землях Тули преимущество за ними, а не за нами! Если слишком опрометчиво приблизиться, то самка в яростном стремлении защитить свою семью и потомство может с криком броситься в атаку. Такие нападения редко имеют намерение действительно уничтожить машину и ее пассажиров, но было немало случаев, когда слоны все-таки наносили ущерб машине. Впрочем, и со стороны слонов было невежливым проявлять агрессивность только из-за ложно понятых намерений водителя.

Понт-Дрифт - своеобразные ворота в дикие земли, заросшие кустарником. Именно здесь гиды поджидают туристов и везут их в охотничьи домики, и сюда же они возвращаются после сафари. Достигнув белого домика, в котором размещается пограничный пост, Джулия снова оказывалась в мире людей: и она хорошо знала ботсванских пограничных чиновников, и они ее. Они, всякий раз спрашивали Джулию, как обстоят дела у львов, как себя чувствую я. Джулия встречалась и болтала со множеством людей, также работавших в этих заросших кустарником землях, - гидами по заповедникам, егерями и сотрудниками.

Чтобы добраться до телефона, Джулии приходилось выполнять въездные формальности и переезжать по пересохшему руслу реки Лимпопо на территорию Южной Африки. Там находился сарай из рифленого железа, куда убирали вагончик канатной дороги, и там же имелся телефон. Летом река переполнялась бурлящими водами, и переправиться через нее можно было только в вагончике канатной дороги - едва ли не уникальный способ

пересечения границы в Африке. Сидя на деревянной скамеечке в сарае, куда убирали вагончик, Джулия звонила по телефону.

Со временем, когда наша работа вызвала интерес прессы, телефон стал связывать нас с самыми отдаленными местами. Именно отсюда - из сарайчика на берегу реки Лимпопо - мы вели переговоры с представителями радиопрограмм, газет и журналов Австралии, Великобритании и Соединенных Штатов, так что даже трудно было представить себе, как в другом мире, столь далеком от Тули, журналисты брали у нас интервью в своих офисах в своих огромных городах.

Время от времени мне приходилось названивать моему литературному агенту Тони Пику в Лондон. В этих случаях, зная, как ему это понравится, я с удовольствием рассказывал ему, как мне приходилось рулить сквозь стадо в две сотни слонов, чтобы добраться до телефона, или, если дело было в сезон дождей, как я переплывал реку Лимпопо ввиду поломки канатной дороги. Когда я разговаривал из накаленного солнцем сарайчика на юге Африки с находившимся в тысячах миль к северу от меня Тони, сидевшим в своем уютном кабинете, в окна которого стучали снежные хлопья, - согласитесь, в этом было что-то неправдоподобное.

Обзвонив всех, кого нужно, Джулия обычно ехала в Северный Трансвааль, в городок с названием Оллдейз, где запасалась провиантом и горючим. Вся поездка занимала у нее от шести часов и более.

Как я уже писал, в ходе этих поездок Джулия встречалась с другими обитателями земель Тули, нередко моими старыми друзьями и коллегами по прежней работе в этих местах. Однажды, вернувшись в "Тавану", она сказала:

- Догадайся, кого я сегодня встретила! Твоего старинного приятеля Фиша Майлу! Он хочет повидаться с тобой как можно скорее.

Я не видел своего друга уже более трех лет. И теперь, когда я снова был в Тули, мне страшно захотелось возобновить мою дружбу с ним.

Фиш был егерем, выслеживавшим диких зверей. Нас сдружили долгие часы, проведенные вместе в диких землях, когда мы показывали эти земли и их обитателей посетителям заповедника, где мы работали вместе. Оба молодые и полные сил, мы вместе набирались опыта жизни и работы в дикой природе. Когда я изучал жизнь львов в Тули в этот период, я не стеснялся прибегать к помощи Фиша - многое из того, что я узнал о львах и их повадках, так и осталось бы для меня тайной, если бы не превосходные знания Фиша о диких землях и если бы не его умение выслеживать зверей. Зато я просветил его в области туристской стороны дела, обучив хитростям вождения машины по бушам и тонкостям обхождения с туристами всех национальностей.

Нам вместе довелось пережить ряд пощекотавших нам нервы, а то и просто опасных моментов. Однажды мы случайно набрали на стаю из целых шестнадцати львов. В течение долгих десяти минут мы стояли в кустах тише воды ниже травы в каких-нибудь пятнадцати шагах от недружелюбно настроенной львицы, охранявшей свое потомство. Нам не раз приходилось вместе удирать от слонов, которые в то время были очень агрессивны в Тули, случалось нам попадать едва ли не в пасть к затаившимся леопардам, подстерегавшим добычу.

Однажды мы с Фишем наткнулись на гиенью нору. Выйдя из машины, мы обошли ее вокруг в поисках свежих следов. Я осторожно заглянул в нору, и тут же из мрака показалась тупая морда с оскаленными зубами. При

виде этого зрелища я кинулся к машине, - впервые тогда наша крепкая мужская дружба дала трещину... Когда я подкатил назад к норе, я увидел, что Фиша нет - только на земле валяется его башмак, рядом шляпа, а чуть поодаль другой башмак... Испугавшись за него, я стал окликать его по имени и, к своему необыкновенному облегчению, услышал издали шепот в ответ. Тут же со дна русла появился мой бесстрашный охотник - в легком смятении, без шляпы и босой...

Что же произошло? Оказывается, в то время как гиена скалила мне зубы из норы, сзади к нему подкралась другая. Услышав позади себя шорох, он обернулся и оказался лицом к лицу с гиеной, которая была в каких-нибудь двух шагах. Он инстинктивно отскочил, скинул башмаки, швырнул на землю свою драгоценную шляпу и помчался к сухому руслу, да так, что только пятки сверкали. Обменявшись впечатлениями, мы от души поохотали над всем, что случилось...

Другим не менее волнующим эпизодом была встреча с ядовитой змеей - черной мамбой. Однажды мы с Фишем ехали среди кустарников в открытой машине - без крыши, без дверей, сами понимаете, - и за поворотом я увидел лежавшую поперек дороги трехметровую змею цвета вороненой стали. Я резко крутанул руль, чтобы избежать наезда, но, похоже, одно из колес переехало ей хвост. Фиш сидел на пассажирском сиденье и из нас двоих был ближе к змее. Как только мы услышали, как змея глухо ударилась о борт машины, он перескочил ко мне. Затем мы вытаращенными глазами наблюдали зрелище, какое могло только присниться: мамба скользнула в кусты с гордо поднятой футов на пять над поверхностью земли головой. Жуткое зрелище, от которого замирает сердце!

Был и такой случай - когда мы с Фишем стали лагерем в кустарниках, в попытке заманить на территорию заповедника львов, резавших домашний скот, меня ужалил чрезвычайно ядовитый скорпион. Мы с Фишем целый день выслеживали львов и вернулись в наш временный лагерь совершенно измотанные. Но не успел я усесться поудобнее на землю около костра, как почувствовал жуткую боль в ноге. Я вскочил, и пламя костра высветило нечто, уползавшее вдаль.

- Скорпион, - сказал Фиш, - и очень зловредный, Гарет.

Превозмогая боль, я сделал глупую попытку оценить ситуацию. Меня уже не раз жалили скорпионы, и, хотя в ряде случаев боль была жуткой, я все же мог продолжать работу. Но Фиш сразу же распознал опасный вид скорпиона и тут же настоял на том, чтобы мы немедленно вернулись в лагерь, а оттуда он повезет меня к врачу. За час, что мы провели в пути, боль резко усилилась.

Опасных скорпионов обыкновенно можно отличить по очень толстому хвосту и тонким клешням, тогда как у не столь опасных скорпионов мощные клешни и тонкие хвосты. Позже я узнал, что укусивший меня скорпион принадлежал к роду *Parabuthus*, некоторые виды которых смертельно опасны для человека. Некоторые из них обладают способностью распылять свой яд на расстояние свыше метра. Если яд этого скорпиона попадает в глаз, он становится причиной сильнейшего конъюнктивита, подобного тому, который вызывает яд плюющихся змей.

В лагере меня лечили всем, чем только возможно, но укус оказался слишком жесток. В эту ночь я истекал потом, у меня не раз стесняло дыхание. На следующее утро Фиш отвез меня к ближайшему в этих краях доктору - все в тот же городишко Оллдейз. Фиш со скорбью смотрел на меня, думая, что я отдам концы - такая мука была написана у меня на

лице. Впрочем, после визита к доктору я быстро поправился, только в течение недели мне трудно было пить. Это, разумеется, явилось мне хорошим уроком, и я многим обязан Фишу, который спас мне жизнь и научил распознавать этих особо опасных тварей.

Инцидент внушил мне трепетное отношение к скорпионам, так что, когда однажды ночью Фиш ловкой рукой поймал скорпиона *Parabuthus* за хвост и, держа эту отвратительную тварь между большим и указательным пальцами, показывал, как извлечь яд из его хвоста, я был потрясен. Это была старинная наука - то, чему он теперь учил меня, перешло к нему от одного из членов бушменского племени, в котором он прожил несколько лет. Бушмены, оказывается, отличные токсикологи и пропитывают ядом скорпионов наконечники стрел. Эти яды, в том числе и такие, как у скорпиона *Parabuthus*, способны вывести из строя даже такого крупного зверя, как жираф; а уж потом эти маленькие охотники подходят к нему и закалывают копьями до смерти. От таких бушменских ядов ни человека, ни животных не спасает ни одно противоядие.

Вскоре после того, как Джулия встретила с Фишем в Понт-Дрифте, я встретился с ним, когда он направлялся в сторону границы. Одетый в шикарную униформу гида по заповедникам, он вел машину, полную туристов, ехавших на сафари. После долгих трех лет разлуки мы были несказанно взволнованы, увидев друг друга. Я был рад, что он получил повышение - после того, как я оставил работу в частном заповеднике, его перевели на мою должность и сделали гидом. Сегодня он самый опытный гид в этом частном заповеднике.

Когда я после этой мимолетной встречи снова увидел Фиша, я рассказал ему, что пытаюсь сделать для львят, которых зовут Батиан, Рафики и Фьюрейя. Я пригласил его к себе в лагерь, и вскоре он у нас появился. Однажды вечером я представил ему львов, когда они после прогулки возвращались к себе в загон. Похоже, что Фиш львам понравился, - когда мы сидели возле загона, они подходили, обнюхивали и смотрели любопытными глазами через загородку. В тот вечер я предложил Фишу составить мне компанию в походе вместе со львами - чего я не предлагал даже Джулии. Фиш согласился без колебаний.

И вот ранним утром мы выходим из лагеря, и я открываю ворота львиного загона. Львы ринулись наружу и с любопытством подошли к Фишу. Затем, охваченные природным юным задором, они выступили впереди нас. Мы с Фишем провели восхитительное утро в компании львов, и было видно, что они приняли его как родного. Ему, в свою очередь, не внушала опасения прогулка в обществе львиного семейства. Этот день стал для меня кульминацией нашего совместного с Фишем сотрудничества. Я запечатлел его на снимке, сделанном в это утро, - Фиш стоит как ни в чем не бывало между двух львов, а третий взирает на него с большой ветки дерева. Этот день ни у меня, ни у Фиша никогда не изгладится из памяти. Мое доверие ко львам, как и их ко мне, передалось и моему другу.

Единственное, что омрачало этот день, - сознание того, что он никогда больше не повторится. Существенным моментом для достижения успеха программы подготовки львов к жизни в родной стихии является отчуждение их от человека. Я думал о том, не попытаться ли привлечь Фиша к своей работе - более того, был бы готов на все, если бы он согласился, - но после некоторых размышлений пришел к выводу, что лишнего человека лучше в это дело не впутывать. И то сказать - у него

была неплохая работа, и притом заслуженная нелегким трудом; он пользовался должным уважением как опытный гид по заповеднику. К тому же я не смог бы предложить ему ту же зарплату, которую он имел там, так что, когда после его визита ко мне в лагерь я повез его обратно, я ничего не поведал ему о своих размышлениях. Сказать по правде, мне был нужен помощник, чтобы ходить со львами на прогулки по дикой саванне, - если со мной что-нибудь случится, кто тогда будет продолжать начатое дело? К счастью, на всей стадии подготовки львов к возвращению в дикую природу со мной ничего не стряслось.

Прошло время, но до нынешнего дня, когда я пишу эти строки, мне еще не представилась возможность кому-то передать из рук в руки свой опыт по подготовке львов к жизни в родной стихии. Я собираюсь принять участие в написании работы по физическому и поведенческому развитию львов в процессе подготовки - но опять-таки желательно передать этот опыт на практике. Джулии ведома теоретическая сторона дела, но она не участвовала в практических занятиях - походах со львами по бушу. Фиш представлялся мне наиболее подходящим кандидатом благодаря своему глубокому знанию животных и благодаря его дружбе со мной. Было бы прекрасно, если бы Фиш мог усвоить накопленные мной знания. Это было бы ему прекрасной платой за все полученное мной от него.

Глава четвертая. ЛЬВИНАЯ ЖИЗНЬ

Самые жаркие месяцы в Тули приходятся на начало и конец года. В дни рождественских праздников ртутный столбик поднимается до 49° С в тени, а на солнце еще жарче. Когда наступило наше первое в Тули Рождество в компании львов, последним было по семнадцать месяцев. Рафики и Фьюрейя весили по семьдесят-восемьдесят килограммов, а Батиан, пожалуй, на пятнадцать килограммов тяжелее. На этой стадии у Фьюрейи заметно развилась преданность своему брату - когда они отдыхали, то всегда лежали рядом. Что касается Рафики, то уютнее всего она чувствовала себя в моем обществе. Когда мы устраивали привал в густой тени большого дерева, Батиан и Фьюрейя ложились вместе, а Рафики - рядом со мной. Эта привязанность сохранилась, не ослабевая, до сегодняшних дней.

Наши прогулки обычно начинались между полпятого и пятью утра. К десяти часам жара притупляла энтузиазм львов, и тогда мы устраивались на отдых в тени, пока жара не спадет.

В это время я стал замечать, что львы стали показывать признаки своего владычества над данной территорией. Львиное сообщество разделяется на оседлые львиные стаи (прайды), имеющие твердо закрепленную за собой (хотя и изменяющуюся в зависимости от времени года) территорию, и кочующие стаи, в которых нет четкого состава и которые движутся с места на место, причем одни львы к ним прибываются, а другие уходят. Обычно костяк стабильного, оседлого прайда составляют связанные родственными узами львицы: сестры, тетушки и т. д. Постоянно живущие в прайде самцы обеспечивают безопасность его членам, в частности детенышам, но затем, по прошествии некоторого времени, изгоняются кочующими самцами, которые также живут в прайде в течение

определенного времени, и так цикл продолжается. Львы могут разными способами оповещать себе подобных, что территория занята, - могут "зовом", могут ревом, который извещает о присутствии на данной территории особи или прайда за много километров, или же оставляют метки о своем посещении данной территории, когда странствуют. Взрослые самцы обильно поливают кустарники струей мочи, содержащей пахучий секрет анальных желез. Львицы могут поступать так же, но, как правило, помочившись, тут же скребут лапой землю - это служит у них средством передачи информации и оповещения странствующих сородичей, если те слишком сильно углубятся на территорию, занятую прайдом.

Я заметил, что Батиан также стал метить кусты. Сначала он терся головой о нижние ветки и листья, а затем поворачивался к ним задом и поднимал хвост. Иногда он при этом скреб землю задними лапами. Фьюрейя и Рафики тоже скреблись, и из солидарности с моими юными подопечными я тоже орошал африканскую землю - хотя и без того "ритуального" значения, как у львов. Порой, когда я еще только расстегивал ширинку, мои действия вдохновляли львов скрести землю и метить территорию - эти жесты стали частью моего единения с ними, так что потом все это делалось автоматически.

Я искренне желал, чтобы львы как можно быстрее почувствовали себя хозяевами на территории вокруг "Таваны", а затем все расширили ее. Если бы им не привилось чувство, что здесь они находятся в безопасности, им грозило бы в будущем стать странствующими, кочевниками. А это таит в себе большую опасность того, что, привыкнув охотиться на всех без разбору, они доберутся до скотоводческих районов, примыкающих к западным и восточным границам Тули, и начнут резать там скот - а за это им гарантирована верная пуля.

Мое стремление привить львам чувство безопасности в регионе вокруг "Таваны" и наши с каждым часом укреплявшиеся взаимосвязь и взаимные чувства служили усилению в них ощущения того, что они - хозяева на данной территории. Здесь они не встречали особой конкуренции, хотя стычки с пришлыми львами все же порой имели место. Я выбрал для размещения лагеря "Тавана" долины Питсани именно потому, что не наблюдал здесь диких львов, которые могли бы составить конкуренцию моим. Имевшееся ранее браконьерство привело к образованию здесь "безльвиного вакуума", который не был заполнен другими оседлыми львами, как я понял, из-за нестабильности ситуации: то одни кочующие львы здесь побывают, то другие. Львы, которых выпускал Джордж Адамсон, занимали место обитавших здесь в прошлом оседлых львов и истребленных браконьерами, - им в наследство доставалась удобная и незанятая территория.

В ходе наших походов я не раз наталкивался на остатки браконьерских капканов, которые удалось поломать попавшим в них зверям-бедолагам. Встречались и целые капканы; при мысли о том, что и мои львята могут угодить в такую западню, меня бросало в дрожь. Эти заброшенные капканы, а также отсутствие признаков обитания здесь оседлых львов навели меня на мысль, что за три с половиной года, что я не был в Тули, здешнее поголовье львов не увеличилось. Но понадобились еще месяцы, чтобы я в полной мере убедился в том, что последствия браконьерства сказываются до сих пор.

Прожив со львами столько времени, я не раз становился свидетелем необычных встреч между ними и другими животными, населяющими Тули. Самая опасная из этих встреч произошла в первые дни нового года. Участвовали ваш покорный слуга, львы и молодой леопард.

Но в последние недели 1989 года мне довелось наблюдать и иные встречи львов с другими обитателями здешних мест. Возле львов часто отираются шакалы - особенно когда стае повезло в охоте. Иногда шакалы просто увязываются за львиной стаей с расчетом, что когда те настигнут добычу и насытятся, кое-чем можно будет поживиться и им.

В ходе наших прогулок вблизи холма, который я назвал Холмом львят и с которого открывался вид на широкую долину, мы часто наблюдали за парой шакалов. Поначалу, пугаясь моего присутствия, они держались от нас на почтительном расстоянии, но затем осмелели, если не сказать обнаглели. Нередко, когда я устраивался на отдых со львами, шакалы околачивались вокруг нас, сверкая жадными глазами. Они явно ждали, что мы отправимся на охоту и нам повезет. Когда мы трогались в путь, они нередко обнюхивали место нашего привала, а затем увязывались за нами.

К сожалению, отношения между нами и шакалами имели драматический финал. Однажды ветреным утром после привала, покинув Холм львят и взяв курс на юг, мы обнаружили отсутствие знакомой парочки. Войдя в рощицу низкорослых, чахлых деревьев мопана, я услышал впереди себя шорох. В прошедшие недели всякий раз, когда во время прогулок со львами я засекал животное, я тут же останавливался и садился на корточки, показывая своим подопечным, что возможная добыча рядом. Инстинктивно подав такой знак и на этот раз, я увидел знакомую парочку, поедавшую какую-то пищу. Пока я сообразил, кто передо мной, Рафики и Фьюрейя немедленно бросились действовать по моему сигналу: остановившись и всмотревшись вперед, они заметили шакалов, и Рафики поползла вперед, двигаясь полукругами. Фьюрейя, шаг за шагом, также поползла вперед, а затем бросилась в атаку. Я встал и принялся наблюдать, как оба шакала бросились наутек, выписывая восьмерки, чтобы сбить с толку Фьюрейю - они не видели, что Рафики была ближе к цели, и вот уже она впилась в позвоночник самцу, как когда-то варану, а самке удалось улизнуть. Зажав в зубах добычу, отчаянно мотавшую мордой и конвульсивно дрыгавшую передними ногами, львица принялась носиться с ней по кустам и "играть". Через десять минут все было кончено.

Львы получили хороший урок охоты, я ощутил, с одной стороны, гордость за моих питомцев, с другой - печаль. В эту ночь, лежа в своей палатке, я больше не услышал "дуэта" шакалов со стороны Холма львят. Только странный, жалобный вой овдовевшей самки...

В течение нескольких недель я наблюдал самку, бродившую в одиночестве подле Холма львят, - такой она казалась мне покинутой... Впрочем, как говорится, природа боится пустоты - когда однажды утром я увидел ее в сопровождении другого спутника, я обрадовался.

В походах со львами меня часто сопровождал еще один хищник, и явно тоже с намерением поживиться; впрочем, поймать его у львов были лапы коротки. Это был орел-скоморох(*3), которого я прозвал Бэтти. Он кружил над нами, чертя в голубом небе все более и более широкие круги. Орлы-скоморохи, пожалуй, самые большие мастера высшего пилотажа из всех хищных птиц Африки. Едва взмахивая крыльями, они без усилий скользят ввысь по восходящим воздушным потокам. При этом

орлы-скоморохи охотно питаются падалью - нередко они находят поживу еще до того, как ее обнаружат грифы, и выклевают самое вкусное - глазные яблоки павшего животного - еще до того, как его обнаружат более сильные хищники. Орлы-скоморохи - одни из немногих птиц, которые могут поживиться и от добычи леопарда, которую тот затаскивает на ветви деревьев, чтобы уберечь от гиен и шакалов. Крупные и неуклюжие грифы не могут, подобно орлу-скомороху, нырнуть под крону дерева, где на ветках могут быть развешаны остатки добычи леопарда. Наблюдения за всеми этими необычными взаимосвязями в дикой природе проясняли мне, какую специфическую и важную роль играет каждый вид в этом хитроумном механизме природы.

Орел-фигляр олицетворял собою истинную свободу, паря в воздухе, скользя ввысь на воздушных потоках, наблюдая свысока за странной процессией, состоящей из человека и трех львов, бредущих по раскаленной земле в поисках тени. Иногда я даже звал его. Раз, когда мы со львами расположились на отдых под Деревом пастухов, я услышал шорох крыльев и увидел, как какая-то птица садится на голые ветви стоявшего рядом мертвого дерева. Я взглянул и увидел, что и львы стали просыпаться, привлеченные необычным гостем, - это был Бэтти. Он сидел всего в нескольких метрах от нас и, по-видимому, проверял, нет ли чем поживиться на ветках тенистого дерева, где мы отдыхали. Несколько минут спустя, удовлетворив свое любопытство, он взмыл ввысь, и мы все четверо подняли головы, наблюдая, как он возвращается в свои голубые бескрайние владения.

х х х

В то время, как мои львы осваивали территорию вокруг "Таваны" и в долинах Питсани, произошел случай, заставивший их на время прекратить оставлять свои метки. В "Тавану", угрожающе рыча и явно в агрессивном настроении, явился почтенный лев из прайда Нижнего Маджале. Я встречал этого зверя шесть лет назад и назвал Дарки, что значит "темный" - по великолепной черной гриве и сланцево-серой шкуре.

Ранним утром, за две недели до Рождества, когда мои львы еще находились в загоне, мы с Джулией проснулись от жуткого львиного рычания, раздававшегося как раз из-под ограды лагеря. Было по-прежнему темно, хоть глаза выколи; я поспешил за факелом и посветил сквозь решетку в загон. Бедняжки были до смерти напуганы присутствием грозно рычавшего дикого льва и жалась в ближайшем к моей палатке углу. Я позвал их тихим голосом, чтобы успокоить, а затем посветил факелом в направлении ограды - так и есть, это Темный! Он стоял, высвеченный огнем факела, величавый и свирепый, и взирал на меня и на троих детенышей. Затем он прошествовал вдоль забора к загону, где содержались львята, и справа от него я увидел нескольких львиц и единственного львенка.

Хотя я знал и любил Темного в течение нескольких лет, сейчас во мне разыгралась ярость - стремление защитить моих львят взяло верх. Я подскочил к ограде, заорав на Темного и его свиту. К моему удивлению, старина не только не обратился в бегство, но и зарычал в ответ в ярко выраженной львиной манере. Я снова поднял крик и направил свет факела в сторону свиты моего гостя - и снова в ответ только угрожающее рычание. Только через некоторое время свита Темного ушла в чахлые

кусты; сам же Темный, однако, остался, а мои три крошки дрожали, сжавшись в желто-коричневый комок. Повернувшись задом к кустам, Темный пустил мощную струю и по-хозяйски поскреб землю могучими задними лапами,

Я не оставлял попыток припугнуть непрошеного гостя. Пока я орал на него, львята, видимо, чуть осмелели, и комок распался. Фьюрейя подскочила к ограде, за которой находился Темный, и тут же, потрясенная, с ворчанием отскочила назад. Однако, к моему изумлению, Батиан тотчас же кинулся в направлении Темного, явно горя желанием защитить свою сестренку. Да, это был подвиг для 17-месячного львенка, в котором весу-то было едва ли половина от веса ветерана!

Когда Темный наконец-то затопал восвояси, я отправился к моим львятам. Рафики, перепуганная больше всех, часто и отрывисто дышала, икая при этом. Я оставался с ними до самого восхода солнца. Затем, гораздо позднее обычного, я вышел из лагеря один и выследил Темного в десяти километрах к югу от лагеря, в глубине Нижнего Маджале - территории, занятой его племенем.

К счастью, подобные визиты Темного были редкостью, а через несколько месяцев, когда Батиан подрос и научился рычать как взрослый, Темный вообще перестал выходить за пределы своей южной территории. Это удивило меня, принимая во внимание как разницу в возрасте, так и по-прежнему сохранявшееся различие в весовых категориях. Но, прямо скажем, это был приятный сюрприз.

Тем не менее еще в течение многих дней после визита Темного Батиан и его сестры боялись оставлять свои пахучие метки, а когда все же снова принялись это делать, то поначалу не слишком явно.

Но за всем этим я как-то подзабыл рассказать о самом госте. Темный был весьма почтенным львом, живой легендой Тули. За многие годы его видели тысячи и тысячи гостей и туристов. В популяции львов, где нормально сложился баланс между самцами и самками, такой лев, как Темный, процарствовал бы каких-нибудь три-четыре года, после чего был бы изгнан другими львами. В этих случаях изгнанники обычно исчезают и редко переживают восьмидесятилетний возраст.

Когда приключился описанный выше случай, Темному было примерно четырнадцать-шестнадцать лет - возраст для льва исключительный. Когда я впервые познакомился с ним в 1983 году, он уже тогда был признанным вожаком прайда Нижнего Маджале и контролировал территорию от семидесяти до ста квадратных километров. Однако судьба его сложилась драматично - его верный товарищ Кгоси, другой вожак прайда, многие из его жен, сыновей и дочерей пали жертвой проволочных капканов браконьеров и пуль южноафриканских фермеров. Сам же Темный странным образом выжил - вот когда подтверждается поговорка о том, что у кошки девять жизней! Но и Темный не раз попадал в опасные передраги: однажды он явился в лагерь с браконьерской петлей из толстой проволоки, охватившей его шею и гриву. Преисполненный воли к свободе, Темный перегрыз проволоку, но при этом острый металл впился в него сверху и снизу. Моему другу, ветеринару Эндрю Мак-Кензи, все же удалось успокоить льва и освободить его от проволоки, но шок, который испытал Темный, когда петля сдавила ему шею, по всей видимости, был значительным.

Когда я начал изучать жизнь львов в Тули в 1983 году, Темный стал одним из первых львов, которых я хорошо узнал. Он поведал мне многие

секреты своего племени и стал для меня едва ли не тотемом. В то время, менее чем через час после той волшебной встречи с Темным, когда странная близость между мной и зверем достигла высшей степени, я написал такие строки:

"Солнце еще не взошло, когда утренний бриз донес до меня его зовущий рев. Он шагал уверенной походкой на юг вдоль высохшего русла реки Маджале, но шаги его заглушались мягкой коричневой почвой. Он снова позвал меня издалека, и я приблизился. Его зов пробудил антилоп, спавших в ожидании восхода солнца, и по всей холмистой равнине на много миль вокруг звери тут же повернули головы туда, откуда раздавалась его призывная песня.

Я отыскал его след, который казался очень большим на шелковой пыли; его еще не успели запятнать многочисленные, занятые своими делами голуби, вытаптывающие на свежей утренней земле диковинные круговые узоры. Отпечатки его лап лежали передо мной, как череда сломанных цветов, его растопыренные пальцы окружали глубоко впечатавшуюся в землю подушечку. Я отправился туда же, куда пошел он - навстречу утреннему свету. Я вдыхал его запах, который кружился в воздухе, несомый порывами ветра мне навстречу. Я направил свои стопы туда, где он залег. Я коснулся веток куста и почувствовал у себя на ладонях его теплую мочу, словно утреннюю росу, - она разбрызгалась на безжалостно сухой под зимним солнцем земле, и от нее остались только темные бурые пятна.

Я ощутил его присутствие явственно и близко. Впереди меня лежал обрушившийся берег, и в нескольких шагах от меня раздавалось жалобное завывание шакала.

Антилопы куду, лежавшие полосатым пятном на травяном ковре, внезапно сорвались с места с шумом, который они издают только при близости льва. Я пошел по его следам и понял, что он, подстерегая куду, вымазался грязью для маскировки.

Я вошел в кустарник. Он наблюдал с близкого расстояния и знал, что я это знаю. Затем он повернул ко мне свою косматую голову и уставился на мою приближающуюся фигуру. Он двинулся вправо и, прежде чем укрыться в кустах, растущих кругом, остановился и посмотрел на меня своими янтарными глазами - с одной стороны, он желал спрятаться, с другой - его разбирало любопытство. Я не видел его целиком, но мне это и не нужно было - я ощутил силу его глаз. Я хорошо знал Темного, и, как ни странно, хотя я знал, что он рядом и наблюдает за мной, я не испытывал чувства страха - только первобытное чувство благоговения, вызванное его присутствием.

Я потерял его следы в переплетении листьев и ветвей и медленным шагом вернулся, туда, где в последний раз их видел. Смотрю, а Темный уже там - высокий, массивный, отливающий серым, стоит и наблюдает. Я присмотрелся к своим оставленным до того следам - и точно, как раз поверх отпечатков моих ботинок легли следы его могучих лап. Я инстинктивно двинулся к более безопасному, более открытому пространству; он же, скрытый за кустарниками, продолжал наблюдать с расстояния в несколько шагов. Я ущея инстинктивно и бессознательно, точно первобытный человек, в безопасные открытые равнины, подальше от темных кустов, которые были его владением.

Темный ничем не потревожил меня. Он видел мое присутствие, но не напал. Он не был агрессивен и отдавал себе отчет в своих действиях.

Из кратковременного путешествия в мир чувств первобытного человека я вернулся в настоящее время. Я пошел к своей машине, а он отправился в свой мир - впрочем, по-моему, он никогда и не покидал его".

Однако в 1986 году, как раз перед тем, как я собирался покинуть Тули и засесть за книжку "Плач по львам", чтобы поведать миру о печальной судьбе Темного и всех львов Тули, необъяснимо как, но неблагодарная тварь все же попыталась на меня напасть.

Случилось это так. Когда я шел пешком по его следам, он напал из своего укрытия, находившегося на расстоянии свыше полутора метров. Когда он меня атаковал, я находился к нему спиной и двигался в противоположную от него сторону, а увидел я его лишь тогда, когда расстояние между нами сократилось до трех десятков метров. Я вынужден был произвести выстрел у него над головой и только этим обратил его в бегство.

Инцидент произошел в самом центре его исконных владений; хорошо зная Темного в течение стольких лет, я понимаю его действия только так, что он хотел вытурить меня из своих владений. По-видимому, у льва, который поведал мне столько секретов своей львиной жизни, были какие-то весомые причины изгнать меня из своих владений. Может показаться несуразным, но я это понимаю так: почтенный царь зверей прогонял меня, как прогнал бы своего подросткового сына искать себе новую жизнь. И странно выглядит, что я через три года, словно молодой лев после стадии кочевья - взросления, учения, странствий вне фиксированных границ, - вернулся в Тули, чтобы основать здесь, где рождалось мое понимание львиной жизни, мой собственный прайд.

Пришло время, и Батиан вырос в доброго самца, достойного быть защитником прайда; меня же он рассматривал как своего товарища - такого же самца. И не случайно Батиан - третье мое плечо - позже едва не стал новым племенным львом в прайде Нижнего Маджале, где правил Темный.

Во львах и леопардах самой природой заложена тяга к соперничеству. Если представляется возможность, львы нападают на леопардов (а также гепардов) и убивают их. В свою очередь, леопарды убивают оставленных без присмотра львят; рассказывают, что они убивают и съедают детенышей гепардов.

Стремление льва нападать на леопарда носит, как я понял, инстинктивный характер, а вовсе не передается при обучении матерью детеныша. Это очень сильная страсть и, возможно, служит утверждению природного баланса между крупными представителями семейства кошачьих. Это поведение львов отнюдь не объясняется голодом: убив леопарда, лев редко поедает его.

В первые дни нового года, когда моим львям исполнилось восемнадцать месяцев и они, по критериям науки, считались хотя и подросшими, но все же детенышами, произошла их первая и самая драматичная встреча с леопардом. В то время Рафики и Фьюрейя весили порядка семидесяти килограммов, а Батиан тянул килограммов на пятнадцать тяжелее каждой из своих сестричек.

Однажды утром, гуляя со львами к востоку от Холма львят, я наткнулся на свежие следы крупного леопарда-самца. Когда я нагнулся, чтобы исследовать эти следы, Батиан подошел поближе и обнюхал все вокруг следов, впечатавшихся в мягкую красную почву. Я с любопытством

наблюдал, как чуть позже вся троица направилась туда, куда вели следы. Поскольку они вели к тенистым деревьям, где мы нередко отдыхали во время наших прогулок, я решил, что львям просто хочется в тень. Но, проскочив участок, заросший этими деревьями, они пошли дальше на поиски леопарда - не только по следу, но и по запаху.

Я последовал за ними и, едва дойдя до высохшего русла, услышал громкое ворчание, а затем грубое рычание. Подняв глаза, я увидел, что Батиан и Фьюрейя собираются влезть на Дерево пастухов, на вершине которого находился леопард. Увидев, что львы не собираются оставлять его в покое, он спрыгнул приблизительно с высоты в четыре метра и дал стрекача. Преследуемый львами, леопард пробежал метров семьдесят и запрыгнул на небольшое деревце мопана, всего каких-нибудь пять метров высотой.

Спрятавшись в кустах, я наблюдал, как львы возобновили свою атаку на леопарда, стоя на задних лапах, грозно ворча и намереваясь влезть на дерево и скинуть врага оттуда. Рев стоял такой, что его наверняка было слышно за многие километры - глубокие, угрожающие звуки отдавались эхом по всей ближайшей долине.

Отчаянно защищаясь, леопард со страху обгадил своих противников, отчего морды у них из рыжевато-коричневых сделались черными. Сцена, свидетелем которой я был, была наполнена борьбой за жизнь, борьбой со смертью - и была исполнена насилия, неотъемлемого компонента жизни дикой природы Африки...

Примерно после двадцати минут борьбы леопард спрыгнул с шатающегося дерева, без особого усилия перескочил через львов, стараясь улететь как можно дальше; приземление его было неуклюжим, но тем не менее он как-то исхитрился вскочить на ноги и рванулся в направлении пересохшего русла. К тому времени, как я туда добежал, леопард, спрятавшийся в низкорослом кустарнике, уже был осажден львами. Жара становилась невыносимой, и вместе с ней накалялся жар сражения. Я видел, как леопард, видимо, исчерпав все прочие средства борьбы, отражал атаки львов, хватая их зубами и молотя лапами. Я решил, что леопард смертельно изранен - особенно после того, как львы, один за другим, оставили его и отправились отдохнуть под тень ближайшего дерева.

Бедняга леопард лежал, едва шевелясь, на дне пересохшего русла. Я присоединился к тяжело дышавшим и окровавленным львам, распластавшимся в тени. К моему удивлению, как только я уселся в тень, леопард перевернулся, встал на ноги и с опущенной головой робко поплелся прочь. Это не ускользнуло от львов, которые тут же вскочили и с новой силой бросились на противника.

Вновь попав в окружение, леопард снова лег на спину. Батиан подскочил к нему спереди и тут же был встречен двумя мощными ударами лап леопарда. Раненый Батиан отплатил обидчику с такой яростью, какой я никогда не замечал за ним прежде, - выпустив когти, он нанес леопарду по голове череду могучих, тяжелых ударов - левой, правой, левой, правой...

После атаки Батиан вновь отступил, оставив противника в явном ошеломлении - его движения были лишены координации, глаза бегали из стороны в сторону. Потом лев улегся в тени, оставив сестер наблюдать за леопардом. Сила, с которой он наносил леопарду удары, была порождена чистой яростью, вызванной раной. Мне представился редкий

случай наблюдать, как Батиан демонстрирует свою силу.

Битва приобрела судорожный характер. Фьюрейе тоже досталось от острых когтей леопарда. Он разорвал ей черную мягкую кожу вокруг пасти, и кровь каплями потекла ей на подбородок и белую грудь. Оставив леопарда Рафики, Фьюрейя отправилась зализывать раны.

Ну а я наблюдал за всем происходящим, спрятавшись в кустах, растущих на берегу высохшего русла. Увидев кровь вокруг пасти и на подбородке Фьюрейи, я тихим голосом подозвал ее из своего укрытия. Фьюрейя обернулась и бросилась ко мне, а затем уселась рядом, глядя в ту сторону, где лежал леопард. Вынув из походного мешка флягу, я набрал воды в ладонь. Фьюрейя, несмотря на то, что была изранена и изнывала от жары, позволила себя погладить, промыть ей раны и осмотреть ссадины и разрывы вокруг своей пасти. Потом она попила воды из моих сложенных чашкой ладоней, которые я наполнял несколько раз. В это время леопард лежал практически без движения на дне высохшего русла, накалившегося словно печь. Я подумал, что он умирает - ведь он был искусан во многих местах, даже в живот. Но вскоре я убедился, что ошибался.

Стоило мне встать и присесть на корточки, чтобы запихнуть флягу обратно в мешок, как леопард, находившийся в тридцати метрах от меня, в первый раз заметил мое присутствие. Фьюрейя, сидевшая рядом, наблюдала за леопардом с берега.

Без предупреждения, одним прыжком, леопард вскочил на ноги и бросился на меня. Я инстинктивно прицелился и вскочил. Леопард уже достиг прыжком берега и был всего в трех метрах от меня, когда Фьюрейя, сверкнув золотом на солнце, бросилась противнику наперерез, опрокинула его на спину и оттащила к берегу.

Я отскочил на три-четыре шага назад, бросив мешок, но держа ружье наперевес. Готовясь в любой момент спустить курок, я продолжал отходить; Фьюрейя и леопард были уже вне поля моего зрения, но я слышал жуткое рычание, доносившееся до меня со дна пересохшего русла. Потом я увидел, как Рафики и Батиан метнулись туда, где схватились Фьюрейя и леопард.

Отдалившись на безопасное расстояние, я увидел, что леопард снова лежит на спине, окруженный всей троицей львов. Я отправился в лагерь за фотоаппаратом, а затем, чуть позже, вернулся к месту схватки. Остановившись в сотне метров, я прислушался, на каких звуках битвы до меня не долетало. Жив леопард или мертв? Желая выяснить, что со зверем, я подозвал Батиана, считая, что если я спущусь на дно пересохшего русла в компании с ним, так будет безопаснее.

Тут же явился Батиан, а с ним и Рафики; оба с энтузиазмом приветствовали меня. Я почувствовал, что они поняли, чего я хочу. Когда я стал спускаться в русло, Батиан шел бок о бок со мной. Потом он двинулся вперед и повел меня в направлении густых кустов. Там он остановился и принялся скрести землю.

В кустах лежал леопард с широко раскрытыми, но невидящими глазами. Он был мертв. Я стал вытаскивать леопарда из кустов на открытую поляну. Батиан мешал мне, вцепившись когтями в шкуру и принявшись оттащить зверя назад.

Рассмотрев леопарда поближе, я понял, что он был в самом расцвете сил - более двух метров в длину и весом не менее шестидесяти килограммов. Смертельным оказался укус в заднюю часть шеи - вероятнее

всего, нанесенный зубами Батиана.

Всласть погонявшись и подравшись с леопардом и в конце концов убив его, Батиан, Рафики и Фьюрейя вдоволь утолили свою львиную страсть - рискуя быть изувеченными, они доказали-таки твое превосходство над леопардом! Да, необычная была встреча, тем более что, насколько я знаю, это был один из первых леопардов, который попался им на пути.

...Когда солнце стало клониться к закату, мы отправились назад в лагерь, оставив леопарда на месте. Когда моя исцарапанная и окровавленная троица жадно лакала из мисок воду в своем загоне, на небе вспыхнул солнечный пожар, знаменуя собой завершение дня. И то сказать, день оказался драматичным, но очень важным - он наглядно продемонстрировал, как идет развитие львов.

В этот вечер Джулия в лагере отсутствовала. Я с нетерпением ждал ее возвращения на следующий день, чтобы поведать ей об успехах моих подопечных.

На следующее утро я, как обычно, вышел на прогулку со львами. Когда они в положенный час улеглись отдыхать, я отправился на место вчерашней схватки.

Вся земля оказалась испещренной следами гиен и шакалов. Я стал искать останки леопарда, но почти все уже исчезло - лишь высохшие пятна крови на камнях и обрывки шкуры на обломках ветвей напоминали о вчерашней трагедии. Арена битвы, на которой четыре зверя демонстрировали свою силу, волю к жизни и волю к победе, которая вчера оглашалась таким страшным ревом, теперь была пуста и безмолвна. Стоя на месте разыгравшейся накануне кровавой драмы, я думал о том, что, если бы Фьюрейя не спасла меня, моя кровь тоже пролилась бы на этих камнях.

Живя столь напряженной жизнью среди львиной стаи, я нередко получал уникальную возможность заглянуть в душу льва - зверя, который, будучи способным на чувства благородства и привязанности к членам своего прайда, в то же время способен и на высшую степень ярости. Такие случаи, как смерть леопарда, заставляли меня сопоставлять мою собственную мораль с множеством граней и обликов смерти в условиях дикой природы. Что поделаешь, ведь ты - член львиной семьи, часть львиного прайда, ну и ставь себя на место львов!

Живя со львами, я был окружен столькими разнообразными проявлениями жизни, но и множество раз наблюдал самые разные аспекты смерти. Это развивало во мне чувство, что колокол может прозвонить и по мне.

Глава пятая. ВСЕ ТЕЧЕТ, ВСЕ МЕНЯЕТСЯ, В ТОМ ЧИСЛЕ ВРЕМЕНА ГОДА

Нельзя сказать, чтобы наше первое Рождество в компании львов в Тули было сплошь радостью - к нему примешивался затаившийся в глубине души налет печали. Конечно, мы с Джулией были счастливы, что проводим этот праздник в столь необычной обстановке, но, по правде говоря, мы больше праздновали успехи наших подопечных, чем сам праздник Рождества.

Рождество вызвало в каждом из нас глубоко переживаемые воспоминания. Джулия подумала о том, как жила ее семья после смерти

отца. Она чувствовала себя виноватой, что не отправилась на Рождество к семье, главной опорой которой теперь стала ее мать. Ей не хотелось оставлять меня в Тули в одиночестве - вот почему она осталась здесь. При всем том, что я был бесконечно благодарен ей за это, по зрелом размышлении мы поняли, что было бы куда лучше, если бы она полетела на этот праздник к семье. Теперь же ее обуревали чувство вины и горечь воспоминаний о том, что случилось ровно год назад.

У меня в памяти тоже вставало предыдущее Рождество - то, которое я провел в компании Джорджа Адамсона и его львят в Кора. Это был последний сезон Джорджа, и я переживал в душе все, что случилось в прошлом году. Как раз год назад, я собирался покинуть Кора, Джорджа и львят. Чем ближе был час расставания, тем глубже закрадывалось чувство, что я никогда больше не увижу Джорджа. Как в воду смотрел.

Отлично помню последнее Рождество в Кора. Особенно то, как Джордж приготовил львьятам праздничный обед, притащив для них целого козла. Устроив львьятам пир, мы сели за праздничный стол сами. Жара стояла жуткая, мы обливались потом, но с наслаждением уплетали рождественскую индейку, ветчину и пудинг, который приготовил старый повар Джорджа по имени Хамиси - на прокопченной сковородке, на простенькой печурке. Прежде чем мы сели за стол сами, Джордж позвал работников, и те торжественно внесли козла, словно жертвенное животное. Рафики, Фьюрейя и Батиан сидели неподвижно, глядя на жертвоприношение, - они явно были ошеломлены и, прежде чем приступить к трапезе, с волнением набросились на него, как бы совершая обряд заклания. Джордж стоял рядом и, посмеиваясь, пыхтел своей трубкой. Никогда за время их короткой жизни львьятам не доставалось столько еды. Целый день и целую ночь крошки ели так, что за ушами пищало, и последующие дни они провалялись кто на спине, кто на боку, словно желто-коричневые детские надувные игрушки на песке, - им явно сделалось нехорошо от обжорства.

В свое последнее Рождество Джордж накормил до отвала и других членов своей семьи - птиц, белок, обезьян и лори, выдав им праздничный двойной паек. После рождественского обеда мы насыпали семян цесаркам, орешков птицам-носорогам и белкам. Обезьянки верветки сами поспешили за ним, чтобы получить свой гостинец. Никогда не забуду, как детеныши обезьянки, уплетая угощение с открытой ладони Джорджа, доверчиво покусывали ему пальцы.

По мере приближения кануна Нового года Джордж все больше и больше уходил в себя. Близилась девятая годовщина убийства его верной сподвижницы Джой. К тому же львы, в прошлом выпестованные Джорджем, - Грей, Одноглазый и другие - не показывались в "Львином лагере" уже почти месяц, что заметно усугубляло его меланхолическое настроение. Был ряд причин, почему он желал вновь увидеть своих львов, но главной была та, что львы подбадривали, в чем он как раз сейчас очень нуждался. Так всегда бывает - люди на склоне лет всякий раз с приближением Рождества задумываются, доведется ли им праздновать этот праздник и на следующий год. Впрочем, эта мысль приходит в голову не только старым людям - этим нездоровым (с точки зрения других) мыслям и я предаюсь каждое Рождество. Возможно, Джордж, оставаясь наедине с самим собой, предавался таким раздумьям, помышляя о собственном бессмертии; но факт остается фактом - его желание увидеть своих львов было недвусмысленным и неприкрытым.

В новогоднюю ночь у нас с Джорджем было трое молодых посетителей.

Весело болтая, мы ждали Нового года. И тут, за десять минут до того, как в старом радиоприемнике Джорджа, настроенном на Лондон, раздался звон Биг-Бена, произошло нечто волшебное и волнующее. Мы с Джорджем почувствовали - еще не видя и не слыша - присутствие льва. Джордж зажег факел и поднес к оградке. Так и есть - за оградой в ночи стояла почтенная львица Грови, спокойно глядя на нас.

В эти предновогодние дни Джордж особенно нуждался в ней. В мыслях он звал ее... и вот она была наяву. Поприветствовав почтенную царицу зверей, Джордж дал ей мяса. Пока она ела, из далекого Лондона донесся бой курантов. С шумом вылетела пробка, и мы все нестройным хором затаили "Старую новогоднюю". Все слова знал только Джордж.

Празднество в обществе Джорджа - ставшее для него последним - было окончено. Грови скрылась в ночной тьме, но ее присутствие ощущалось почти физически. Джордж поднялся с места. Отвернувшись в попытках скрыть слезы, он затем сердечно пожелал нам покойной ночи, а Грови, уходившей во тьму, счастливого нового года.

Джорджу необходимо было побыть наедине с самим собой. Эмоции, которые он только что испытал, были из тех, разделить которые можно только с самим собой. Последнее в жизни Джорджа Рождество, как и другие важнейшие события в его жизни, получило львиное благословение. Для человека, который посвятил всего себя львам, это благословение означало все.

Вот какие воспоминания нахлынули на меня год спустя, когда я в ночь под Рождество сидел в компании львов с Тули и при этом думал - где же теперь Грови?..

х х х

Рождение и возрождение - вот каким смыслом наполнен драматичный сезон летних дождей в заросших кустарником землях Ботсваны. Это - время контрастов и удивления. Перед наступлением сезона дождей земля Тули высыхает настолько, что лишенные листвы деревья выглядят как мертвые, и ветер носит тучи пыли по голой земле. У животных, в частности антилоп, появляется вялость; на некогда лоснившихся боках начинают проглядывать ребра. Дождей не выпадает по пять месяцев и более - вот почему с таким нетерпением ждут здесь летних гроз.

Как только с юга наступают серые и белые тучи и доносится ворчание грома, животный мир Тули охватывает волнение. Чувствуя приближение дождя, звери начинают скакать и прыгать с такой энергией, какую несколько недель назад в них никто не подозревал бы. Но вот наконец наступает долгожданный миг.

Сначала капля, затем другая, а через какие-нибудь минуты бесчисленные мириады их сыплются на землю во все ускоряющемся темпе. Почва насыщается водой, наполняются небольшие овражки, и вода пробивает себе путь к пересохшим до времени руслам. Она поднимается все выше и, кружа, несется к югу, к великой реке Лимпопо, наполняя ее и возвращая ей отблески былой славы.

В ожидании первых за время нашего пребывания в Тули дождей мы с Джулией тоже пребывали в радостном волнении и с первыми каплями выскочили Наружу, чтобы промокнуть до нитки. Ветер обведал наши взмокшие тела, и мы бросались в палатку, в первый раз за все время - торжественно и бодро - стуча зубами от холода. Милосердные дожди

начались!

В эту пору земля напитывалась водой и становилась темной, и в какие-нибудь несколько дней все вокруг зеленело. Если дождей выпадало достаточно, долины Пит-сани сначала покрывались легким оттенком зеленого цвета, и лишь спустя несколько дней распускались тысячи мелких желтых цветов, прозванных "дьяволятами", и еще . недавно дикий, лунный пейзаж долин, покрывался роскошным желто-зеленым ковром, расцвеченным исключительно лютиками.

Животворная дождевая влага пробуждала новые формы жизни - раскрытие цветка, появление молодого листочка, насиживание яиц и вылупление цыплят, рождение множества детенышей млекопитающих. На золотых долинах резвились щенки шакалов, желтыми цветами лакомились детеныши павианов, терпеливо и с наслаждением съедая их по одному.

Мои львы тоже пришли в возбуждение от первых дождей. Помню, как-то раз, когда посыпался град, львы носились вокруг, прыгали друг на друга и, вывалявшись в грязи, становились из желтых темно-коричневыми. Они продолжали свои веселые игры, пока с небес не посыпались крупные льдышки. Как только крупные градины больно ударили по головам и телам, они тут же прекратили возню и дружно полезли в одну из клеток, в которых их три месяца назад перевезли из Кении. Мы с Джулией рассмеялись, наблюдая за тем, как вся троица набивается в клетку, предназначенную для одного льва, и притом на три месяца моложе. Из клетки торчали хвосты и лапы, но тем не менее она оказалась надежным убежищем от града.

Когда первые дожди наполнили водой ближайшее к лагерю сухое русло, львы с любопытством наблюдали за поднимающейся водой, очевидно, видя в пенящемся потоке живое существо. Первым, кто осмелился подойти к бурлящей воде, оказался Батиан. Он осторожно вытянул переднюю лапу, а затем потрогал воду. Его сестрички остались наблюдать и только тогда рискнули подойти к потоку, когда Батиан уже вовсю резвился в нем.

Признаюсь, это я вдохновил его, первым войдя в воду и позвав последовать за мной. Потом уже все трое принялись резвиться в воде, бегать по тем местам, где она была по колено, гоняясь друг за другом и наслаждаясь плеском, производимым их лапами, когда они били по воде.

Тогда-то я вспомнил, как однажды в Кора Джордж рассказывал мне, что ему забавно было смотреть, с какой аккуратностью его львы избегали луж. Если же все-таки кто-то из них промочил лапы, то потом тщательно их отряхивал, словно домашняя кошка. Но при всем этом они, не колеблясь, плавали в реке Тана, иногда переплывая на противоположный берег.

Батиан очень любил бурные потоки и наполненные водой впадины. Очевидно, он считал, что бурлящая вода бросает ему вызов. Как бы в ответ, он снова и снова переплывал поток, вылезал на берег и, прежде чем пуститься в обратный путь, пробовал лапой воду. Да, радостное время принесли всем троим первые дожди!

По берегам речек, ще особенно быстро произрастала молодая поросль, часто можно было видеть детенышей импалы, еще нетвердо державшихся на тонких ножках. Они часто прятались здесь в кустах, пока их матери уходили кормиться. Появление во множестве этих юных антилоп резко увеличило возможности развития охотничьих навыков у моих львов, и я как сейчас помню одну из первых убитых ими импал.

Сперва львы всем скопом выгнали импалу из густых кустов мопана, а

затем Рафики схватила и зарезала ее. Присутствие брата и сестры явно раздражало Рафики, и она больше часу носилась кругами со своей добычей, пока скрепя сердце не смирилась с тем, что брат и сестра находились рядом, и не уселась за трапезу. Но при этом она громко ворчала, и если кто-нибудь из двоих осмеливался подойти слишком близко, бросалась на того. Пока она терзала импалу, Батиан и Фьюрейя смотрели ей в пасть, ожидая возможности присоединиться.

Вообще же у Рафики была самая странная манера кормления. Обычно львы начинают с мягких частей туши, как, например, живот. Рафики же начинала с того, что откусывала ухо и, слолав его, принималась за голову, затем переходила к шее, груди и так далее. Так расправляется с добычей обычно питон, но никак не лев.

Когда от импалы остались только две задние ноги, Рафики неожиданно отпрыгнула в сторону, а Батиан и Фьюрейя тут же подскочили к жалким остаткам добычи. Явно оскорбленный тем, что сестрица оставила ему так мало, Батиан погнался за Рафики и, к ее очевидному неудовольствию, надавал ей по морде передними лапами.

Вскоре после этого случая, в первые недели лета, произошло еще два в высшей степени необычных происшествия: одно с павианом, другое со слоном.

Инцидент с павианом произошел в прекрасное утро, когда мы со львами, вдоволь наигравшись в ручье, продолжали путь вдоль его берегов. Вдруг неожиданно впереди нас раздался тревожный лай стаи павианов. Львы пустились в погоню, и вот уже молодому самцу, которому отрезан путь вслед за удирающей стаей, ничего не остается, как влезть на одинокое дерево. Львы полезли за ним, пытаясь схватить. Похоже, бедняга был обречен - рядом не оказалось дерева, на которое он мог бы перепрыгнуть. Но какое-то время ему все же удавалось удирать от преследователей, перепрыгивая с ветки на ветку.

Устав от охоты, а может быть, от диких криков павиана, Рафики слезла с дерева и медленно отошла в сторону. В этот момент Батиан и Фьюрейя подобрались совсем близко к перепуганному павиану, после чего с тем произошло нечто невообразимое: спрыгнув на самую длинную ветку, он сделал сальто на высоте почти пять метров.

Рафики находилась как раз в той точке, куда должен был упасть павиан, о чем она не знала, не посмотрев вверх. Сейчас я вспоминаю этот эпизод, как если бы видел его в замедленной киносъемке: павиан приземлился точно на макушку Рафики и выглядел словно рослый жокей на крохотной лошадке. Рафики споткнулась, ворча от изумления и, надо думать, от болевого шока. Не менее потрясен был и павиан - он заорал, но как-то в суматохе ему удалось улизнуть. Но испытания бедняги на этом не закончились - спрыгнув с дерева, Батиан и Фьюрейя устремились в погоню. Но павиану удалось-таки спастись бегством, чему я был несказанно рад.

А всего неделю спустя или чуть позже произошел необычный инцидент со слоном. Если бы я не был свидетелем, никогда бы не поверил, что такое возможно.

А случилось вот что. Мы отошли всего километра на два от лагеря, как вдруг заметили стадо кормящихся слонов. Они паслись среди оживленных дождем, до изумления зеленых деревьев мопана. Львы двинулись навстречу слонам гордой походкой, я же, испытывая к этим гигантам куда большее почтение, полез на холм, чтобы быть в

безопасности, если вдруг слоны бросятся атаковать из рощицы.

Как выяснилось, меры предосторожности оказались бесполезными: на холме паслось другое стадо. Я схоронился под толстой веткой, горя надеждой, что слонам не будет резона приближаться к краю обрыва. Сверху я увидел, что стадо, находившееся внизу, почуяло приближение моих львов и стало принохиваться, воздев хоботы. Затем оно с трубными звуками двинулось вперед. До меня доносились страшный хруст ветвей, вопли и трубные звуки, звучавшие все громче. Суматоха стояла такая, что я испугался, не раздавили ли они кого-нибудь из моих львов, и чем больше нарастал шум, тем больше я волновался.

Несколько минут спустя все слоны как один выскочили из рощицы, в то время как те, что были со мной на холме, начали приближаться к тому месту, где я спрятался. Я тут же слез с холма и стал тихо подзывать львов. Слава Богу, никого из них не раздавили! Но день преподнес другую неожиданную находку: я обнаружил слоновый бивень с вырванным нервным корнем. Я понял, что один из слонов, преследуемый львами, каким-то образом потерял его. Пока я рассматривал бивень, Фьюрейя под села ко мне, явно претендуя на находку. Она вырвала бивень у меня из рук и с наслаждением слопала блестящий, похожий на змею нерв.

Оставив Фьюрейю, я отправился посмотреть, как слон мог потерять бивень. Тут я обнаружил, что слон, спасаясь от погони, со страшной силой угодил бивнем между двумя стволами мощных деревьев. От такого толчка бивень выпал из челюсти и свалился на землю. Хорошо еще, что бивень вырвало с корнем: если бы он сломался пополам, то обнажился бы корневой нерв, что причиняло бы слону невыносимые боли.

Оставить бивень на месте я не мог: он неминуемо сделался бы добычей браконьеров. Я должен был передать его правительственным чиновникам, ведающим дикой природой. Только вот в чем загвоздка: пока я нес бивень назад в лагерь, я как бы являлся незаконным владельцем слоновой кости. Поверят ли инспектора из Департамента охраны природы моему сообщению о том, что вина за потерю слоню своего бивня лежит на львах?

Когда я принес бивень в лагерь, Джулия еще больше потрепала мне нервы, потребовав рассказать все без утайки: неужели я подстрелил слона в целях самообороны? Я рассказал ей, как все было, но рассказ прозвучал неубедительным даже для меня самого.

Я попросил Джулию отвезти бивень в ближайший лагерь, где находились охотинспекторы, что примерно в двух часах езды, а сам вернулся на место происшествия и пометил места, подтверждающие правду о случившемся. Я закрыл пятна крови ветками, чтобы защитить их от ветра, и еще раз осмотрел местность, чтобы представить охотинспекторам как можно больше свидетельств, когда они подвергнут меня, неминуемому допросу.

На следующий день охотинспекторы прибыли к нам в лагерь. Неудивительно, что они не приняли на веру то, что накануне рассказала им Джулия, и постоянно повторяли вопрос: "Где же второй бивень?" В то же время, поскольку они были моими друзьями, они не хотели подозревать меня в совершении преступления. Я показал охотинспекторам четкие следы слона, бросившегося вперед, следы от бивня на коре дерева и пятна крови, вытекавшей из челюсти слона, когда он лишился бивня.

Когда все прояснилось, мы все вздохнули с облегчением и дружно рассмеялись - вот, оказывается, каким невероятным образом можно оказаться браконьером поневоле!

Глава шестая. СТАЛЬНЫЕ КРУГИ

Когда Батиану и его сестричкам исполнилось по двадцать месяцев, они уже неплохо научились охотиться, так что теперь я давал им вполтину меньше мяса, чем полгода назад. Поскольку им, как и всем их диким собратьям, полагалось вести по преимуществу ночной образ жизни, я перестал запираť их на ночь в загоне, за весьма редкими исключениями. Раз от раза их охота становилась все успешнее, добыча все богаче.

Однажды вечером я все-таки запер моих львов в загоне, поскольку днем заметил вблизи "Таваны" свежие следы четырех других молодых львов. В ту ночь эта четверка - два молодых самца и две самки - наведались к нам в лагерь. Проснувшись, я услышал, как Батиан пытается из-за ограды загона отогнать непрошенных гостей. Ни он, ни его сестры абсолютно не боялись этих уже почти взрослых львов - во всяком случае, они были разъярены и раздражены тем, что не могли отогнать нахалов. Этот случай показал мне, что наступило время, когда мои львы уже обрели способность утверждать себя на своей территории. Больше я не запираю их в загоне. Теперь они стали полностью свободны.

На следующее утро я в последний раз открыл дверь загона и со смешанным чувством смотрел, как они вышли в дикий мир. Переход произошел. Теперь разве что исключительный случай мог потребовать, чтобы я предоставил им убежище на ночь.

Я с интересом наблюдал, как Батиан бросился к деревьям, на которых были его метки. К раздражению моего героя, накануне ночью непрошенные гости оставили здесь свои. Батиан быстро, но тщательно переметил деревья и повторил эту же операцию вечером и на следующее утро. Это еще раз подтвердило, что в нем крепилось чувство хозяина. Наблюдая за ним, я еще раз убедился, что курс подготовки пройден львами успешно. То есть они чувствовали, что им принадлежит.

Впрочем, в начале апреля произошла прямая стычка между моими львами и четверьмя гостями. Это случилось в одно прекрасное утро, когда я пошел по следам, оставленным моей троицей накануне ночью. Вдруг приблизительно в километре от себя я услышал громкое рычание. Я побежал на эти звуки, куда указывали и следы, оставленные моими львами. Следы вывели меня в открытую долину, где я обнаружил трех молодых львов, спешивших к тому месту, где Батиан уже сражался с самцом чуть постарше себя. Затем я увидел, как на помощь брату спешили Рафики и Фьюрейя.

Вскоре я и сам оказался втянутым в конфликт. Почти бессознательно, горя желанием вступитья, я позвал своих львов. В конце концов четверо против троих - это нечестно! Я просто уравнивал числа. Я позвал своих львов не человеческими словами, а подражая львиному кличу "у-у-ве!", которому я научился у своих львов и которым они звали друг друга. Услышав меня, Рафики и Фьюрейя обернулись в мою сторону и увидели меня как раз тогда, когда их противники бросились к ним.

Отвлечшись от драки в густых кустах, ко мне подскочил Батиан, присоединившись к сестричкам. Последовала краткая приветственная церемония, и весь прайд (без меня) перегруппировался и пошел вперед на

врага. Я побежал за своим трио, и так мы гнались за отступающим противником примерно километра полтора.

Как только дикая орда исчезла без следа, мои подопечные, волнуясь, поприветствовали меня, а затем принялись метить свою территорию, яростно скребя при этом землю. Как тут было не продемонстрировать чувство хозяев! Всю ночь и весь следующий день львы обегали район, где произошла стычка, тщательно метя свою территорию. Я был несказанно горд за своих львов - по завету Джорджа, - диких и свободных.

А надо сказать, что все четверо принадлежали к прайду Нижнего Маджале, что к югу от "Таваны", и, следовательно, были сыновьями и дочерьми Темного. В продолжение нескольких последующих недель мои львы, судя по следам борьбы на почве, имели еще по крайней мере две стычки с потомками Темного и, хорошо поквитавшись с ними, заставили отступить к югу.

х х х

Вскоре после описанных событий в Тули произошел всплеск браконьерства - главного бича дикой фауны Африки. Однажды вечером группа людей, осматриваясь воровато, незаметно пересекла восточную границу заповедника, проходившую по широкому, но безводному руслу реки Шаше. В последующие вечера в заповедник проникли и другие люди и, закончив свою грязную работу, вернулись в Зимбабве, перейдя песчаное русло Шаше. Общим у этих групп людей было то, что они занимались браконьерством и принесли с собой огромное количество проволочных капканов, которые установили в юго-восточной части заповедника.

Капканы ставились на звериных тропах, в глубине кустов акаций, в густой темной поросли по берегам рек с таким расчетом, чтобы их легко было принять за ветки или лозы. Они стояли в ожидании голов и шей жертв. Попалось несколько животных - сперва один куду, потом другой, затем водяной козел и, наконец, импала. Причиной их смерти стал болевой шок. Браконьеры возвращались, становились временным лагерем, разделявали туши, высушивали мясо и уносили к себе в Зимбабве.

Ночью хищники - шакалы, гиены и, конечно же, львы, - привлеченные запахом смерти и тлена, отправились туда, где похозяничали браконьеры. Лев, удушенный капканом, поставленным на копытных, - золотой дождь для браконьера. Шкуру переправляют в Южную Африку и там сбывают по сходной цене, части туши продают колдунам для знахарских надобностей. Среди хищников, привлеченных падалью, оказались и двое потомков Темного из прайда Нижнего Маджале. В темноте они приблизились к капканам - расставленным, правда, не на них, а на тех животных, на которых они сами охотились.

Вдруг один из львов остановился, схваченный капканом. Почувствовав давление вокруг шеи, он рванулся назад. Затем он принялся бороться с проволокой, не спуская глаз со своего брата, который, метнувшись в сторону, тоже попал в капкан.

Их нервы были на пределе, и они стали терзать когтями почву. Вокруг трещали ветки, а проволока сдавливала все сильнее. Неожиданно одному из бедолаг удалось порвать проволоку в том месте, где она была привязана к стволу дерева. С диким ревом лев рванулся с места, еще находясь в состоянии шока. За ним болтался оборванный конец проволоки, поднимая пыль. Второму льву тоже удалось порвать свою проволоку и

бежать. Хорошо еще, что проволока оказалась одинарной - если бы браконьеры поставили капканы из тройной проволоки, львы бы наверняка погибли.

Удивительно, но в несколько дней львам удалось сбросить с себя стальные петли и окончательно освободиться. Это редкая удача - обычно львам приходится вводить транквилизаторы, чтобы можно было снять стальную петлю. Эту задачу в прошлом выполнял мой друг ветеринар, и, надо сказать, ему это приходилось делать слишком часто. Хотя повреждения шейных мышц у обоих львов были значительными, но прошло время, и они полностью выздоровели. Им еще повезло!

Тем не менее браконьерство в этом регионе продолжалось. Животные гибли одно за другим. Никакой регулярной борьбы с браконьерством по всему заповеднику Тули в то время не велось. Иногда велось патрулирование, но - от случая к случаю, беспорядочно и, как правило, не давало никакого эффекта.

Однажды меня вызвал по радио сотрудник заповедника Чартер по имени Силиус. В отсутствие директора Брюса Петти он оставался за старшего и сообщил мне, что найдено несколько капканов. Однако это, как выяснилось, была капля в море - в последующие десять дней было обезврежено примерно 250 капканов. Были пойманы пять зимбабвийских браконьеров, и еще восемь были схвачены местной полицией, которая сразу же прибыла в заповедник по получении сообщения о всплеске браконьерской деятельности. Во временном лагере браконьеров мы нашли останки четырех импал и молодого куду - совсем немного из того, что на самом деле было убито, разделано и отправлено в Зимбабве.

Эти люди занимались браконьерством отнюдь не с целью прокормиться. Они называли себя "торговцами мясом". Двое из арестованных браконьеров рассказывали, что за кусок сушеного мяса в Зимбабве можно выручить два доллара, за куду - как минимум, четыреста. При минимуме риска быть пойманными, судите сами, сколь доходна эта операция. Сколько животных погибло за это время, никогда не будет известно, но по крайней мере ситуация проиллюстрировала, сколь беззащитны были многие регионы заповедника.

Именно в этот период всплеска браконьерской активности произошел случай, который навсегда останется в моей памяти. Когда мы с Силиусом искали капканы, которые могли пропустить в прошлый раз, впереди нас, радуясь жизни, скакало и прыгало целое стадо импал - великолепное зрелище, праздник грации, золотого и белого! Вдруг одно из животных забилось на земле позади стада и неожиданно обмякло. Импала попала в капкан. Мы с Силиусом рванулись вперед. Один, как мог, сдерживал животное, чтобы не билось, другой освобождал его от петли, охватившей спину и мягкий белый живот.

Петлю удалось ослабить, и мы отступили назад. Импала, по-прежнему не избавившись от состояния шока, встала на ноги, а затем в панике с глумом ускакала вдаль. Мы успели вовремя - еще мгновение, и животное погибло бы. Я покачал головой в горестном раздумье - животное-то было спасено, но лишь благодаря тому, что мы оказались рядом. А сколько их гибнет еженедельно из-за хронического недостатка в Тули антибраконьерских отрядов?

...Вернувшись в лагерь, я рассказал Джулии о капканах, которые я видел здесь в прошлом, а также об убийстве слонов из автоматов "АК-47", имевшем место в начале 1980-х. Она кивнула, когда я сказал,

что охрана дикой фауны в Тули не улучшилась. Не удалось достичь даже элементарных принципов охраны. Я помню, как в сердцах сказал Джулии - ну не смешно ли, что иные позволяют себе такую роскошь, как владение частными заповедниками, а обеспечить защиту дикой фауны не могут. Хотя я многим обязан здешним землевладельцам за то, что разрешили мне привезти сюда львов, я не мог удержаться от гнева при мысли о том, что, несмотря на процветание браконьерства в течение уже многих лет, владельцы заповедников до сих пор не удосужились нанять штатную команду для охраны всей территории Тули. И это несмотря на мои многочисленные докладные записки, в которых я бил тревогу, заостряя внимание на необходимости антибраконьерских мер и на ущербе, наносимом браконьерством, в частности, львам Тули.

Теперь, когда я убедился в том, как бесчинствуют браконьеры, стало ясно, почему за годы моего отсутствия поголовье львов не увеличилось, а даже, наоборот, снизилось. Я даже подумал, не отвезти ли моих львов куда-нибудь в другое место. Ситуация была, прямо скажем, щекотливая. Процесс подготовки львов к возвращению в родную стихию шел так хорошо, что замедлять его мне не хотелось, но я спрашивал себя: "А как насчет опасностей, что подстерегают их здесь? Может быть, потерянный рай обретется где-нибудь в другом месте?" Мы посоветовались и решили, что займемся проблемами браконьерства вместе.

Нам с Джулией было ведомо, что при всей ограниченности наших ресурсов задачей номер один было создание и финансирование собственной антибраконьерской бригады, которую мог бы использовать "Тули Лайон-Траст" - наша небольшая природозащитная организация. Понадобилось еще четыре месяца, прежде чем мы смогли добыть средства на наем и обучение антибраконьерской бригады - сначала она состояла из двух человек, потом их число возросло до четырех. Позже охотстанция Тули-сафари, узнав о ситуации, позволила мне использовать нескольких своих сотрудников для патрулирования, так что какие-то результаты все же были достигнуты.

Кроме того, в этот период мы наняли для помощи Джулии по лагерю молодого человека по имени Мафика Маньятса. Однако ему пришлось не по душе изолированная жизнь в "Таване", и после некоторых дискуссий мы решили, что будет куда лучше, если он присоединится к патрулю. Он перешел в один из лагерей заповедника Чартер к двоим сотрудникам, в чьи обязанности входила и антибраконьерская работа, а в дальнейшем возглавил антибраконьерскую бригаду "Тули Лайон-Траст".

В общем, нам удалось достичь того, что жалование антибраконьерской команде выплачивалось и какая-то работа все же велась - уничтожались браконьерские снасти, а иногда задерживались и сами браконьеры. Кроме того, поскольку мы часами исхаживали львиные уголья, после нас оставалось множество следов, которые сами по себе служили сигналом браконьерам, что территория охраняется. Я подозреваю, что по крайней мере в двух случаях зимбабвийские браконьеры видели меня, когда я был в компании львов. В обоих этих случаях я видел свежие человеческие следы, а один раз, когда со мной была только Рафики, она пришла в возбуждение - признак того, что за нами кто-то наблюдает.

К тому времени история моей работы со львами уже стала передаваться из уст в уста по близлежащим зимбабвийским деревням. Не только люди оттуда пересекали границу нашего заповедника, но и наши сотрудники нелегально переходили песчаное русло Шаше - кто навестить свои семьи,

кто к девушкам, а кто закупить крепкого вина, приготавливаемого из сока пальмы млана.

За долгие месяцы, что я патрулировал вдоль берега реки, и благодаря слухам, что распространялись по ту сторону Шаше, я стал известен многим зимбабвийцам и сам познакомился с ними. Встречая меня на середине русла Шаше, они охотно сообщали мне новости о львах и слонах, переходивших русло и заходивших на их территорию, а также информацию о том, где, по их сведениям, могло иметь место браконьерство. Надо думать, эти связи, а также обсуждение моей работы и моих отношений со львами произвели благотворный эффект. Благодаря нашему присутствию между долинами Питсани и "Таваной" - в местах, прежде излюбленных браконьерами, - больше не было случаев браконьерства.

Но сколько бы вреда ни наносило это зло, я по-прежнему с любовью относился к людям, жившим по ту сторону Шаше. Эти люди находились в зависимости от своей реки - даже тогда, когда она пересыхала, под песком все равно находилась вода, которую они добывали для себя и для домашнего скота. Река, как и люди, жившие на ней, представляла собой парадокс - хоть и казалось сухим широкое песчаное русло, а спасало сотни людей и сотни животных - и домашних, и диких. Эти люди с уставшими лицами и в потрепанной одежке издали казались теньями тоски. Но когда они дружно смеялись вместе со мной или когда дети плескались и играли в реке, воскрешенной дождем, они были для меня самой сутью добросердечной Африки, где я вырос.

х х х

Браконьерство было не единственным фактором, угрожавшим львам Тули и всей дикой фауне региона. Был и еще один: легальная охота.

Да, так. Охота на львов открывалась официально в Зимбабве на территории Тули-сафари, именуемой также Кругом Тули, с открытием охотничьего сезона 1990 года. Как мы уже говорили выше, две территории не разделялись никакими заграждениями, так что дикая фауна свободно перемещалась между заповедником Тули в Ботсване и смежным с ним Кругом Тули в Зимбабве.

Мы были в отчаянии. Легальная охота еще больше снизит численность львов в Тули. Не исключено, что и мои львы падут жертвой охотничьей пули в первый же год своей жизни в этом регионе. Как я злился на себя за то, что не потрудился выведать у знающих людей всех здешних условий, прежде чем привезти сюда львов. Мне и в голову не могло прийти, что в соседнем с нашим заповеднике будет легальная охота. Никто не сообщил мне об этом, когда я планировал работу со львами в Тули.

Я впервые узнал об охоте на львов через несколько недель после того, как мы прибыли из Кении. Впрочем, слухи об охоте на львов в регионе Тули-сафари дошли до меня раньше - за несколько месяцев до убийства Джорджа Адамсона и последующей ситуации со львятами. Хотя я в тот момент не работал в заповеднике, я тут же бросился проверять слухи. Если они подтвердятся, мне нужно тут же начинать борьбу за введение запрета на львиную охоту. Через своего друга я получил информацию от начальника Департамента национальных парков и из Управления живой природы Зимбабве, что никакой львиной охоты там нет. Я вздохнул с облегчением и выбросил этот вопрос из головы. Если бы

ответ был положительным, я послал бы в Департамент национальных парков Зимбабве докладную записку о том, как львиная охота ставит под удар исторически сложившуюся и поддерживаемую ныне структуру популяции львов - информацию, которую я три года назад собрал для книги "Плач по львам".

Мы с Джулией знали, что нам нужно действовать безотлагательно, если мы хотим поставить заслон львиной охоте. В одно прекрасное утро, отдыхая со львами в тени кустарников, я настроил длинное письмо в адрес заместителя директора Департамента национальных парков Зимбабве мистера Джорджа Пангети. В этом письме я не только поведал историю своих львов, доставшихся мне по наследству от Джорджа, но и все, что я знал о прошлой и теперешней ситуации со львами Тули. Я подчеркнул, что львы региона Тули-сафари в Зимбабве и заповедника Тули в Ботсване принадлежат к одной популяции и переходят из региона в регион. Я также перечислил все известные мне источники угрозы львиной популяции - капканы, переманивание львов в Южную Африку, где их отстреливают, и другие факторы. Эти факторы угрожали не только львам в Ботсване, но и популяции в целом.

Прошло время, и я получил долгожданные и весьма обнадеживающие новости от мистера Пангети. Предполагалось ввести годичный мораторий на охоту на львов. Я снова вздохнул с облегчением. Мы спасли несколько львиных жизней и выиграло время, но я ясно представлял себе, что мораторий лишь немного отодвигал только одну из угроз, нависших над львами Тули. Был необходим долгосрочный запрет на львиную охоту в сочетании с другими прогрессивными мерами, такими, как эффективные антибраконьерские мероприятия по всему региону и учет хищников на других границах заповедника. Только эти мероприятия помогли бы стабилизировать численность львов, а затем дать ей возможность подняться до уровня, дозволяемого самой природой.

Сезонная охота в Тули-сафари на многие виды животных рассматривается как вид "использования дикой природы". В этом регионе не существует ни одной туристской инфраструктуры, которая могла бы предложить альтернативную форму "использования". Ежегодно Зимбабвийская ассоциация охотников определяет квоту, включающую виды животных, разрешенные к охоте, и количество, признаваемое необходимым для поддержания базиса. Ну и, естественно, для правительства добываются деньги.

Перед тем как истек срок моратория на львиную охоту, мы обратились в Зимбабвийскую ассоциацию охотников, и там решили не возобновлять львиной охоты еще в течение двух лет. Главное, установили контакт. Его так не хватало в прошлом по вине зимбабвийской стороны.

Мне и большинству людей было ясно, почему нельзя охотиться на львов. По тем же причинам - хотя они имели на то законное право - члены Зимбабвийской ассоциации охотников решили воздержаться от охоты на них. Популяция львов была нестабильной и не обеспечивала достаточного воспроизводства, чтобы сделать возможной охоту. Тогда я не мог понять, почему люди, имеющие интересы в Тули, сами не призвали к запрету львиной охоты. Почтенный лев Темный, "туристский лев", которого в течение многих лет видели и фотографировали тысячи туристов, часто заходил в Круг Тули и мог быть легко убит.

Туристы, посещающие Африку, одним из первых желают увидеть льва - животное, символизирующее самобытность и величие Африки. Это желание

конвертируется в доллары и фунты, идущие туристской индустрии и, естественно, стране. Однако в Тули, если не считать наших усилий, сотрудничества с Департаментом национальных парков Зимбабве и значительной поддержки со стороны Зимбабвийской ассоциации охотников, мало что делалось для того, чтобы этот источник привлечения туристов и пополнения казны был сбережен. Смешно было слышать, что в иные частные заповедники и национальные парки юга Африки львы завозятся извне - туристские запросы заставили владельцев заповедников в других регионах наконец понять, что живой лев ценнее, чем в виде шкуры. В последующие месяцы, когда мы пытались привлечь внимание к различным природоохранным аспектам, мы наталкивались на стену критики и вступили в конфликт с некоторыми из тех, кто владеет участками земли в Тули.

Глава седьмая. ДИКИЙ ЗОВ

К июню месяцу мои львы, которые достигли уже почти двухлетнего возраста, освоили территорию примерно в сорок пять квадратных километров. Они по-прежнему регулярно приходили ко мне в лагерь по вечерам. На этой стадии работы, если охота у моих львов была недостаточно успешной, я чаще подкармливал их мясом, чем отказывал.

Однажды львы появились у меня в лагере, а мяса, как на грех, я в тот день не припас. Кляня себя и жалея львов, я вышел к ним погрустить с ними вместе. Как мог я знать, что в эту ночь львам удастся наесться до отвала, и притом самым неожиданным образом.

Около восьми часов я и львы неожиданно услышали шаги со стороны находившегося недалеко русла. Вдруг они внезапно замерли. Воцарилась тишина. Потом зазвучали все громче и громче, как будто кто-то приближался с нарастающей скоростью. Я зажег факел, и в его свете мелькнула гиена. Львов охватило волнение, и они выскочили из загона. И тут я услышал отчаянный рев импалы.

Охотившиеся стаей гиены (на следующее утро я подсчитал по следам, что их было три) поймали антилопу. Я услышал, как мои львы бросились на гиен и явно застали их врасплох. Момент стычки огласился рычанием и ворчанием; потом на несколько секунд все стихло. Затем я в последний раз услышал рев импалы, которая теперь стала добычей моих львов. Две гиены, бежавшие позади, остановились напротив меня и принялись душераздирающе выть: "Уууу-вуп! Уууу-вуп!" Сквозь ночь до меня изредка долетали звуки терзающих свою добычу львов, а под утро они пришли ко мне в лагерь, попили воды и повели меня к остаткам своей добычи. От взрослого самца импалы осталась одна только голова да несколько позвонков.

Вскоре после этого эпизода со "случайной добычей" мне вновь представился случай убедиться, сколь искусными становятся мои львы в науке добывать себе пищу. Как-то ближе к вечеру я отправился по следам львов, стараясь выяснить их местонахождение; судя по всему, следы вели к одному из их излюбленных мест - впадине в русле Питсани, в которой всегда была вода.

Я нашел львов на дороге, ведущей в лагерь, как раз у деревянной

таблички с надписью: "ЛАГЕРЬ "ТАВАНА". ВХОД БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ВОСПРЕЩЕН". Я увидел, что у них у всех морды в крови, и подумал, что они, должно быть, не слишком удачно поохотились и явно не насытились добычей. Как только я появился, они поприветствовали меня и повели к руслу Питсани, до которого было с километр пути. Там они вышли к месту, где просачивалась вода, попили и, к моему удивлению, повели обратно к столбу с табличкой. Впереди бежали Рафики и Фьюрейя, а мы с Батианом ковыляли позади.

Когда мы с Батианом добрались до столба с табличкой, к своему изумлению, я увидел Рафики и Фьюрейю лежащими возле двух убитых самцов импалы. Они им только прокусили животы. И тут я понял, как все было: когда я в первый раз вышел на львов, они отдыхали после того, как им попала редкая двойная добыча. Очевидно, один из самцов находился у себя на территории, а второй был непрошеным гостем, вот между ними и произошла схватка. В подобных ситуациях самцы импалы яростно бодаются рогами; вот эти-то звуки и привлекли львов. Нечего и говорить, что во время стычек, которые обычно длятся несколько минут, импалы забывают обо всем остальном и очень легко становятся добычей хищников. Вот и мои львы воспользовались ситуацией - пришли, увидели, застали врасплох и загрызли обоих.

Когда солнце коснулось горизонта, я оставил львов пировать, а сам вернулся в лагерь и с гордостью рассказал Джулии об их успехе. На следующее утро я отправился на то же место, но застал там только Батиана - несмотря на полное брюхо и жалкие остатки прежней роскоши, он продолжал трапезничать.

Я понаблюдал за ним немного, а затем отправился, на поиски Рафики и Фьюрейи, которых нашел у источника воды на дне русла Питсани. Присев рядом с ними, я стал чуть позже свидетелем забавной сцены: обе львицы, несмотря на набитые животы, пытались погнаться за пробежавшей зеброй. Естественно, охота оказалась безуспешной, и вскоре они вернулись и улеглись отдыхать после еды. Позже к нам присоединился и Батиан, очевидно, оставив объедки жадным шакалам, которые уже ходили вокруг да около.

Меня издавна не покидала вера в то, что между львами существует язык без слов, некое подобие телепатии. Я чувствовал, что он существует между львами и мной, точно так же, как чувствовал его Джордж Адамсон за свою долгую жизнь в компании львов. Как-то так получалось, что его питомцы, не появляясь в лагере по многу месяцев, навевались именно тогда, когда он больше всего беспокоился, где они и живы-здоровы ли.

Во время своего пребывания в Кора я также обратил внимание, что львы приходили именно тогда, когда Джордж больше всего нуждался в эмоциональном подъеме. Проявление телепатии между человеком и львом было впервые отмечено, пожалуй, в отношениях между Джорджем и Эльзой. Был, например, такой случай, когда Джой какое-то время была в отъезде, а Джордж точно не знал, когда она вернется. Но однажды Эльза подошла к дороге, ведущей к жилью Джорджа, и оставалась там целый день. К изумлению Джорджа, едва стало клониться к вечеру, раздалось тарахтение мотора - это возвращалась Джой. Джордж понял, что Эльза каким-то образом предчувствовала ее возвращение.

Я все больше приходил к мысли, что это чувство взаимопонимания развивалось и между мной и моими львами. Я обнаружил, что, когда мне

иной раз случалось занемочь, львы понимали это, и тогда менялось их поведение. За шестинедельный период я дважды болел - в первый раз у меня были симптомы малярии, во второй - серьезный абсцесс в области прямой кишки. В обоих случаях львы не уходили далеко, а держались поближе к лагерю. Они приходили ко мне ранним утром, потом после полудня и оставались в загоне допоздна. Когда я лежал на раскладушке, которую Джулия поставила у ограды лагеря, львы приветствовали меня из-за ограды и залегали по ту сторону проволоки. Как только мне снова становилось лучше, львы немедленно возвращались к прежнему образу жизни - охотились на большой территории, а появлялись в лагере только под вечер.

Это поведение показалось мне странным, но время шло, и подобные случаи наблюдались все чаще. Когда мы были в отъезде, львы редко посещали лагерь (я это заметил по малочисленности их следов снаружи ограды), но, как только мы возвращались, они появлялись снова. В нескольких случаях львы появлялись в лагере сразу же, как мы с Джулией возвращались туда после нескольких дней отсутствия; свежие следы говорили о том, что это первый их визит за время нашего отсутствия.

Вплоть до сегодняшнего дня, когда я пишу эти строки, львы появлялись по утрам в лагере как раз тогда, когда я просыпался - может быть, с разницей в несколько минут. Плеск воды, которую они лакают из приготовленной для них бочки, возвещает об их прибытии. Вот и утром того дня, когда пишутся эти строки, львы, не появлявшиеся в лагере пять-шесть дней, пришли лакать воду как раз тогда, когда я, потягиваясь, встаю с раскладушки - после того, как они попьют, начинается обмен приветствиями.

Хотите верьте, хотите нет, но между мной и Джулией тоже развилось чувство, которым обладают львы. Я пришел к такому выводу, потому что слишком уж много было совпадений. Однажды утром - напоминаю, обычно львы в этот период посещали лагерь только по вечерам, - когда я находился в нескольких милях от лагеря с антибраконьерским патрулем, мне почему-то захотелось вызвать Джулию по рации и спросить, не было ли признаков появления львов в лагере. Как вы думаете, что она ответила? Что, как только услышала мой первый сигнал, сразу увидела приближающихся к лагерю львов! В последующие месяцы и вплоть до нынешнего дня я часто вызывал Джулию по рации, ничего не зная о местонахождении львов, и слышал в ответ: "Как только ты вызвал меня на связь, они тут как тут".

У Джулии развилось сверхъестественное и необъяснимое чувство - придут львы в лагерь сегодня вечером или нет. Прошло время, прежде чем мы начали понимать это. Если я беспокоился о львах, я спрашивал Джулию-как она считает, придут они в лагерь или нет? Ее "да" или "нет" оказывались куда точнее, чем если бы это были просто случайные совпадения.

Была и другая форма чувства - способность распознавать различные настроения львов, понимание, что они чем-то обеспокоены. Это, в общем-то, было легко для меня. Львы, как и люди, - общественные млекопитающие, и их "язык тела" весьма ярко выражен. В результате я мог с достаточной степенью точности читать их чувства.

Ни на минуту не забывая об опасности, исходившей от браконьеров, я всегда беспокоился, если приходил только один лев или два. Однажды Рафики "выразила" мне свои чувства и "объяснила", чего она от меня

хочет. Вечером, в восемь, она появилась в лагере одна. Она взволнованно вбежала в загон, и я понял, что она чем-то расстроена. Она скулила значительно больше, нежели обычно, и снова и снова терлась об меня. Я, в свою очередь, полностью разыграл перед ней приветственную церемонию и постарался успокоить ее, говоря те слова, которые говорил обычно, когда находил львов обеспокоенными.

- Все нормально, все нормально, - произносил я тем тоном, которым разговаривают львы, когда приветствуют друг друга. Я надеялся, что это получилась комбинация человеческих и львиных коммуникативных звуков. Затем я предложил Рафики мяса, и, пока она ела, мы с Джулией раздумывали, где бы могли находиться Фьюрейя и Батиан и почему Рафики выглядела такой расстроенной. Это меня особенно беспокоило потому, что всего за несколько дней до того я с несколькими помощниками снял множество браконьерских капканов, которые были расставлены именно на границе владений моих львов. Эта долина уже успела снискать себе мрачное название "Долины браконьеров".

Я решил позвать двоих недостающих. Сложив ладони рупором, я крикнул:

- Ба-ти-ан, ко мне! Фью-рей-я, ко мне!

Обычно, если львы находились в пределах досягаемости моего голоса и не занимались в этот момент преследованием добычи, они тут же возвращались в лагерь. Каждый раз, когда я повторял клич, Рафики скулила и ворчала. Затем она подошла к ограде, и я вышел вслед за ней за ворота. Выбежав, она снова повернулась ко мне с приветствием, выражающим привязанность, и зашепила в северо-восточном направлении.

Конечно же, я не мог угнаться за ней, потому что луна светила едва-едва, но в попытках как-то успокоить ее я решил ее немного проводить. Она несколько раз останавливалась, позволяя себя догнать, но потом снова спешно бросалась вперед. Стало ясно: она хочет, чтобы я последовал за ней. В последующие месяцы Рафики не однажды использовала этот прием, чтобы я пошел за ней следом.

Ночь была настолько темной, что лучшее, что я мог сделать, - подождать до рассвета, а уж потом последовать туда, куда она меня поведет, - если, конечно, она дождется. Я возвратился в лагерь и, к своему удивлению, увидел, что и она вошла в свой загон и улеглась у той стороны, которая примыкала к моей палатке. Когда я проснулся поутру, она по-прежнему была в загоне - было ясно, что она ждала меня. Не дожидаясь рассвета, я поспешно оделся, помахал на прощание рукой Джулии и последовал за Рафики. Она повела меня, как и вчера - то присаживаясь, чтобы я догнал ее, то устремляясь вперед.

Она вела меня на северо-восток, и, когда я понял, что мы движемся строго в направлении Долины браконьеров, моя тревога за Батиана и Фьюрейю усилилась. Пройдя долину, мы двинулись на север в направлении Круга Тули. Когда мы достигли границы между Ботсваной и Зимбабве, мне пришлось остановиться: переход границы был бы нарушением закона. Как ни странно, Рафики тоже не пошла дальше и улеглась именно на рубеже двух государств. Могла ли она почувствовать, что мне дальше нельзя?

Я оставил Рафики отдыхать и вернулся в Долину браконьеров в поисках следов Батиана и Фьюрейи, но самые свежие были более чем недельной давности. Я удивился, где бы они могли быть, и подумал, что Рафики, скорее всего, вела меня в Круг Тули. Неужели там?! Я уселся в тени у пересохшего русла, и в голову мне лезли мысли одна страшнее другой.

Чуть позже вернувшись туда, где оставил Рафики, я увидел, что она исчезла. След вел отнюдь не через границу, а в направлении лагеря. Через некоторое время я нагнал ее - плетясь в сторону лагеря, она жалобно скулила. Мы двинулись в обратный дальний путь, и, когда достигли лагеря на закате дня, я был до смерти измотан - шутка ли, за день мы прошли добрых тридцать километров пути!

Я вошел в загон вслед за Рафики, которая по-прежнему время от времени поскуливала, и рассказал Джулии о происшедших за день событиях. Вдруг через полчаса до меня и Рафики донеслось знакомое ворчание, и мы запрыгали от радости, когда оба бродяги ворвались в загон. Когда мы обменивались приветствиями, я обратил внимание, как они лоснились - надо полагать, охота в тот день удалась у них на славу.

На следующий день я отправился выяснить, куда же все-таки их занесло. Я нашел следы на границе с Кругом Тули, где они вернулись назад в Ботсвану, - вблизи того места, где мы с Рафики останавливались накануне. Если бы я мог перейти вместе с Рафики на территорию Круга Тули, мне, возможно, удалось бы распутать все дело; но своими действиями в этот день и выразительностью своих жестов она ясно дала мне понять, что она чувствует; возможно, мое присутствие стало хоть каким-то утешением для нее. Я не стал особенно размышлять над всем этим, а просто плюхнулся на раскладушку - до того был измотан. Но я был счастлив, что никто из моих львов не оказался в опасности и, когда я закрывал глаза, все трое мирно отдыхали рядом.

х х х

В мае я впервые услышал, как Батиан рычит. Львиный рык сам по себе - выразитель духа диких африканских земель и их величия. Но только в июле, будучи рядом с Батианом, я услышал его рев именно как сигнал для ему подобных.

Июль оказался переломным во многих отношениях - не только потому, что Батиан, хотя ему исполнилось всего лишь два года, уже достаточно уверенно чувствовал себя, чтобы заявить как взрослый, что эта территория - его. Но и это не все - у него наконец появилась грива. Поскольку она у него так долго не отрастала, я-то думал прежде, что он будет "львом без гривы" - явление это хоть и редкое, но встречается в разных частях Африки. Подобного льва я знал в Тули в 1985 году. Возможно, самый знаменитый такой лев был убит в конце 1898 года полковником Р.-Дж. Паттерсоном в Кении, после того как львами были растерзаны свыше ста рабочих-индийцев, тянувших железную дорогу от Момбасы до Найроби.

Время, когда Батиан впервые зарычал как взрослый, было переломным еще и потому, что у Рафики и Фьюрейи впервые появились признаки течки. Юные львицы вступали в отроческий период.

Возвращаясь к рычанию Батиана, я должен, в первую очередь, объяснить, как в действительности рычит лев. Лев набирает полные легкие воздуха, напрягает мышцы живота, сжимая воздух, и выдыхает, заставляя колебаться голосовые связки, издающие могучий звук, слышимый за многие километры. Рычание начинается громким стоном, а затем усиливается и превращается в череду ревуших звуков, за которыми следует почти столь же громкое ворчание.

Для некоторых африканских народов и, разумеется, для меня львиное рычание означает: "Кто владыка этой земли?.. Кто владыка этой земли?.. Я... я... я... я..."

Однажды июльским утром, когда я шел с Батианом и Рафики вдоль пересохшего русла, Батиан начал свой призывный рык. Звуки были столь оглушительны, что, казалось, все вокруг - скалы, деревья, сама земля - сотрясались от Батианова зова. Однажды Батиан начал свой зов, когда моя рука коснулась того места между его плеч, где пробивающаяся грива суживалась в узкий хохолок.

Звук и обстановка были всепоглощающими. Я находился в самом сердце древнего львиного мира - той жизни, что была ключом на просторах великих африканских саванн в то время, когда человечье племя еще только училось ходить на двух ногах.

И вот сегодня мы трое находились посреди дикой саванны. Слушая призывное рычание Батиана, я думал, какие же парадоксальные изменения произошли во взаимоотношениях между человеком и львом. Взаимоотношения между первобытными людьми и этими животными носили характер соперничества на равных. Но прошли времена, и эти отношения переросли - как оно в большинстве случаев происходит и доныне - в беспощадное преследование человеком своего бывшего соперника, ведущее к разрушению львиного "мира". Вслушиваясь в зов Батиана, я воображал, как мог слушать его первобытный человек, и думал об общих прошлых корнях моего и львиного племени. Как это говорится у почтенного зоолога Георга Шаллера: "Наше общее прошлое по-прежнему преследует нас. Когда мы слышим львиный рев, мы вздрагиваем, как вздрагивал наш первобытный предок. И вместе с тем радуется сидящий в нас хищник, видя огромные стада дичи..."

Зов Батиана, который я слушал этим утром, знаменовал собой и то, что полностью состоялось возвращение львов в родную стихию, в тот мир, с которым они были разлучены из-за действий человека. Эти львы смогли вновь открыть для себя родной дом, осознать свое положение и роль в дикой природе.

Я любил слушать призывный львиный рев, находясь со львами рядом. В эти моменты моя душа моментально наполнялась чем-то необъяснимым, без чего она казалась опустошенной. Но вот смолкал рык, куда-то в небытие закатывалось эхо - и душа снова ощущала необъяснимую неполноту...

В любом случае, когда я слушал зов Батиана, на душе становилось светлее. Помню, однажды, когда Батиан начал свой зов, к нему подкралась Рафики, а затем прыгнула на него. Он воспринял это как умаление своего достоинства... Я неоднократно замечал, что призывный звук, издаваемый Батианом, был слишком громким даже для него самого, и после каждого сигнала он тряс головой из стороны в сторону - раскатистый рев явно причинял некоторый дискомфорт и ему самому...

х х х

Как я упоминал выше, в этот период я впервые заметил, что у сестричек Батиана начиналась течка. Однажды утром Рафики прибежала в лагерь одна, отколовшись от Фьюрейи и своего брата. Я обратил внимание, что сегодня она тянется ко мне больше, чем обычно, и притом не так, как в тот раз, когда она хотела, чтобы я следовал за ней. Она провела в лагере весь день, требуя моего внимания. Джулия заметила,

что я в этот день дважды отлучался из лагеря и Рафики громко и протяжно скулила. Когда же я возвращался, она тут же кидалась ко мне. Ее поведение сначала озадачивало меня, а потом я сообразил, что ее действия вызваны течкой.

Впоследствии, по мере взросления, ее поведение во время течки становилось все более изощренным и ревнивым. Она терлась задом о мои ноги, при этом зловеще ворча, с опущенными ушами, показывая, что требует любви! Я и поныне чувствую себя неловко, когда у Рафики начинается течка...

Недавно мой приятель так прокомментировал этот сюжет: "Ну, теперь-то она наверняка поняла, что от тебя как потенциального партнера толку нет, и требовать у тебя любви - только время зря терять".

И все-таки всякий раз, когда у нее начиналась течка, Рафики, в отличие от Фьюрейи, прежде чем уходить на поиски самца, сперва кидалась ко мне. Порой, поприветствовав, она обдавала мою грудь фонтаном мочи или же просто спокойно поливала одну из моих ног и оба ботинка. Да, любопытная ситуация! И так каждый раз...

Однажды Джордж рассказал мне, что и он не раз попадал в такие щекотливые ситуации. Он рассказал, как несколько лет назад (когда ему уже перевалило за семьдесят) одна чересчур уж игривая львица с такой настойчивостью пыталась завести с ним знакомство, что бедняга принужден был залезть на дерево и сидеть там полдня, пока она окончательно не ушла.

х х х

Рев Батиана вкупе с течкой у его сестер снова зазвали к нам непрошеную компанию. Одним июльским утром мы с Джулией спали под открытым небом возле ограды лагеря, когда Батиан начал свою утреннюю песню. Мы проснулись и вдруг заметили в сумерках, в двадцати шагах от себя, проходящих львов. Поскольку их было трое, то я решил, что это мои львы, пока не появился четвертый. Сев прямо и прогнав сон со своих глаз, мы увидели, что двое из этой четверки были самцами, похожими на Батиана. Это была та самая четвёрка из племени Темного, которую я не видел уже много недель. Вдруг с севера со стороны Круга Тули, также донеслось рычание - я предположил, что это два молодых самца, с которыми я недавно встречался. Потом я назвал их Близнецами. Как только рев прекратился, раздался ответ с юга. "Темный", - подумал я. Наблюдая за четверкой из племени Темного, принявшей к Батиановым кустам, я стал подсчитывать, сколько же львов находилось в поле нашего зрения и слуха близ "Таваны" и в долинах Питсани. Считая с моими, получилось десять, принадлежащих к трем различным прайдам. Ни до, ни после в окрестностях "Таваны" никогда не насчитывалось столько разных львов сразу. Через некоторое время, с восходом солнца, четверка отважных из племени Темного ушла, зовы с севера и юга прекратились, и я удивлялся, куда делись мои львы.

Час спустя, когда солнце уже вошло высоко, я вышел из лагеря поискать следы моих львов. Найдя их, я двинулся туда, куда они вели, полагая, что мои львы ушли подальше, чтобы уменьшить вероятность столкновения с обитавшими в этом регионе другими львами. След вел в направлении возвышенности на восток.

На подходе к этому месту я был испуган вызывающим рычанием льва, повторившимся несколько раз. В лучах солнца с востока я увидел силуэт Темного - он зловеще приближался ко мне. Я заорал на него в надежде, что он отойдет назад и даст мне возможность спокойно отступить. Как бы не так! Темный продолжал наступать, грозно рыча. Я заорал на него; в ответ он прорычал нечто оскорбительное, но на какое-то время остановился.

Я медленным шагом отступил назад, пытаюсь скрыться в рощице мопановых деревьев и исчезнуть из поля зрения. Он - за мной. Я снова гаркнул на него, он же излил на меня свою ярость рычанием. "Кажется, он хочет проводить меня, до самого лагеря. А кто знает, может, у него на уме худшее?" - пробормотал я про себя.

Я уже изготавился прибегнуть к предупредительному выстрелу в воздух, но, к счастью, до этого не дошло. После заключительного обмена мнениями (я криком, он рычанием) Темный милостиво разрешил мне отойти. Но, даже подходя к спасительной ограде, я постоянно оглядывался назад - вдруг он тихонько крадется за мной где-нибудь в кустах? Такое поведение Темного было крайне необычным - с тех пор, как я знаю этого царя саванн, он ни разу не преследовал меня.

Тем же утром конфликт с участием Темного случился с южной стороны. Темный отступил на свою территорию Нижнего Маджале. Когда я поехал в этом направлении, мой друг, егерь Дэвид Марупане, сообщил, что Темного гоняли молодые самцы из его прайда и он, в свою очередь, пытался обратить их в бегство. Все это происходило неподалеку от "Таваны", но в пределах территории Нижнего Маджале.

Вскоре я нашел свою компанию и, понаблюдав за ситуацией, понял, что произошло. Судя по всему, у одной из молодых львиц была течка, она-то и привлекла внимание старика. А двое его сыновей не давали своему отцу подступиться к львице.

Поскольку Батиан теперь регулярно возвещал своим рыком, кто здесь хозяин. Темный редко посещал "Тавану". Но один из его последних визитов запомнится мне навсегда.

Однажды утром я был разбужен шорохом у "Батианова куста" - его любимого мопанового дерева, растущего возле ограды. Он метил его особенно часто, скребя при этом землю. Накануне ночью мои львы были недалеко от лагеря; увидев за ветвями и деревьями желто-коричневую голову, я встал с раскладушки как был, в костюме Адама, шагнул в направлении льва и позвал:

- Батиан... Батиан...

Я был всего в одном шаге от ограды, отделявшей меня от дерева, и вдруг из-под него показалась могучая голова и густая массивная черная грива - Темный! И тут же из палатки до меня донесся встревоженный голосок Джулии:

- Ты думаешь, это наши, Гарет?

Не знаю, кто из нас испытал больший шок - я или Темный. Я завопил на него и отскочил назад; он тоже прыгнул в сторону и дал деру.

Оказывается, он - я не знал этого - метил Батианов куст и был напугал моим внезапным появлением. Джулия наблюдала за развитием всего сценария и теперь, когда от сна у нее не осталось и следа, покатывалась со смеху; но у нее сделалась почти истерика, когда я, потрясенный неожиданной встречей, поспешил в палатку и стал спешно натягивать шорты. А что вы хотите? Когда всего в одном ярде от тебя

стоит огромный взрослый лев, ты, как никогда, почувствуешь себя голым!

Глава восьмая. КЛЫКИ И КОГТИ ПРОТИВ РОГОВ И КОПЫТ

Начиная с июля у Рафики и Фьюрейи уже регулярно была речка. Тогда они всякий раз убегали на север в поисках самцов и часто находили их. Похоже, половая зрелость у львиц наступает, по крайней мере, на полгода раньше, чем у самцов. Видимо, обе сестрицы признали Батиана неподходящим партнером и уходили на поиски более зрелых.

Фьюрейя удалялась от лагеря на больший срок, чем Рафики, ища компании то одного, то другого из Близнецов, обитавших в южной части Круга Тули. После брачного периода она снова появлялась в "Таване", терлась об меня шеей и задом - обычный у львов знак выражения привязанности, - и по запаху, которым от нее несло, было ясно, что она побывала у самца. При ее появлении приходили в возбуждение Батиан и Рафики, если они находились рядом, и принимались так тщательно обнюхивать ее, что ей приходилось отскакивать в сторону с коротким ворчанием, дабы избежать их вопрошающих носов.

В этих случаях она всегда бросалась ко мне, выражая свою привязанность. Обычно она садилась ко мне как можно ближе, чтобы избежать бесцеремонного любопытства брата и сестры. Я всякий раз тщательно осматривал ее: нет ли признаков беременности. Всякий раз, когда Рафики и Фьюрейя отправлялись на поиски контакта с Близнецами, мы с Джулией принимались обсуждать, как нам быть, когда у наших "детей" неизбежно появятся свои.

К сожалению, этот волнующий период был омрачен. Надвигалась другая проблема, заключающая в себе прямую угрозу как моим львам, так и остальным львам Тули: нашествие домашнего скота из Зимбабве. Тамошние безводные земли не могли прокормить даже те немногочисленные стада, что были у местного населения, и каждый год с наступлением зимы пастухи перегоняли через песчаное русло Шаше домашний скот - коров, коз и овец - на территорию соседней страны, Ботсваны, и притом на земли, предназначенные для обитания дикой фауны.

В последние годы эта проблема особенно досаждала землевладельцам и управляющим заповедниками Тули. С приходом сезона дождей скот, нелегально находившийся на территории Ботсваны, перегоняли назад в Зимбабве, где он мог спокойно пастись в течение нескольких месяцев, и о проблеме забывали. Но с наступлением зимы цикл начинался сначала.

Ущерб от нелегальной пастьбы сотен голов домашнего скота год за годом на территории заповедника был жестоким. Во-первых, ценный зимний корм, которым могли бы питаться дикие виды животных, поедал домашний скот. Во-вторых, стада неизбежно становились объектом атаки львов, леопардов и гиен - отсюда конфликт между диким зверем и человеком как владельца скота. Если львы загрызали корову, пастух отгонял стадо подальше, а сам ставил вокруг зарезанного животного побольше капканов, поджидая возвращения львов. Те возвращались к добыче и, в свою очередь, рисковали погибнуть страшной смертью в капканах.

Конфликт между хищным зверем и скотоводом из года в год был причиной снижения численности хищников до минимума в регионе вдоль

Шаше. "Око за око, зуб за зуб" - таков был закон скотовладельцев. Продолжающийся из года в год конфликт имел результатом только то, что теряли все. Погибал скот, гибли львы, и когда в регионе вдоль Шаше львов оставалась лишь горстка - на место убитых приходили другие, соблазненные легкой добычей.

Зимой 1990 года, когда мои львы, ныне почти полностью независимые от меня, осваивали новые территории, проблема скота обострилась. Воспользовавшись ситуацией, браконьеры проникали в заповедник под видом пастухов и ставили еще больше капканов на диких животных. Правда, их действия вызывали гнев самих же пастухов, потому что немало домашнего скота также попадалось и гибло в капканах.

Помню, как-то утром меня вызвал по радиации мой друг Мафика, в прошлом мой помощник по лагерю, ныне сотрудник заповедника Чартер, ведающий антибраконьерской работой. Он сообщил мне, что обнаружил близ Шаше пятнадцать капканов, в два из них попались коровы: одна погибла, другая была еще жива. Я тут же сел в машину и поехал в указанном направлении. Там мы вместе с другими сотрудниками освидетельствовали ужасную сцену. Корову, которая осталась жива, к счастью, схватило за ногу, и мы без труда вызволили ее. Другая корова, стельная, уже вздулась. Определить, как она погибла, было нетрудно: когда она попала, то принялась отчаянно бегать вокруг дерева, к которому был привязан капкан, наматывая на ствол проволоку виток за витком, пока не оказалась прочно примотанной к стволу. Корова гибла медленной смертью, исторгая из себя теплившуюся в ее чреве жизнь. Смерть коровы наступила в тот момент, когда прорезалась голова теленка. Плод умер в момент рождения.

Обилие легкой добычи в виде домашнего скота плюс то, что регион Шаше не являлся территориальной собственностью какой-либо единственной стаи львов, привлекало сюда других львов Тули. Шел месяц за месяцем зимы, все больше скота гибло. Мои львы тоже подались на восток, в холмистый регион Шаше, то есть в самую опасную зону. Из страха за их безопасность я тратил много времени, выслеживая их, и если находил в восточном секторе, по вечерам громко скликал их, призывая спуститься с холмов в более безопасный район - долины "Таваны" и Питсани.

И вот настал день, которого я так боялся: мои львы зарезали корову близ Шаше. Я увидел, как трое зимбабвийских пастухов отгоняли львов от добычи. Я тут же вызвал Мафику и других сотрудников, и мы застigli пастухов, когда они разрубали тушу, чтобы унести в свою деревню хотя бы мясо. Мы вовремя застукали зимбабвийцев - промедли мы хоть чуть-чуть, и они успели бы расставить капканы, с расчетом, что мои львы вернутся к остаткам добычи и поплатятся за гибель коровы...

Я расспросил зимбабвийцев, как все произошло. Они рассказали мне, что видели из своей деревни по другую сторону Шаше кружащих над нашей стороной грифов, что сигнализировало о смерти. Они перешли Шаше - выяснить, в чем дело, и увидели, как трое львов - один молодой самец и две самки - пожирали одну из их коров. Зимбабвийцы накричали на львов, которые обратились в бегство при их появлении, и принялись разрубать тушу на части. За этим занятием мы их и застали. Мы отвезли зимбабвийцев на пограничный пост Понт-Дрифт и там передали властям.

Мы вернулись в регион Шаше на поиски моих львов и нашли их отдыхающими в двух километрах от остатков коровы. Было уже половина пятого пополудни, и я решил до темноты вывести их из опасной зоны. А

там уж, под покровом ночи, пускай идут по своим делам.

Я попросил Мафику оставить меня, отогнать машину назад в лагерь и сообщить Джулии, что я постараюсь до темноты пройти со своими львами расстояние в четырнадцать километров, отделявшее нас от "Таваны". Как только машина ушла, я позвал львов, которые куда-то удрали. Они выскочили из-за кустов и двинулись ко мне поприветствовать, явно несколько удивленные моим появлением. Окончив приветственные церемонии, я зашагал на запад, приглашая их за собой. Доверяя мне, они без звука последовали за мной; мы шли, а солнце садилось. По дороге я обнаружил несколько расставленных браконьерами капканов и, стиснув зубы, снял их.

Потом, когда солнце превратилось в раскаленный шар, нависший над самой линией горизонта, я понял, что нам необходимо бежать, если мы хотим поспеть в лагерь до полной темноты. Мы были уже далеко от долины Шаше; я побежал трусцой, время от времени окликая львов. Я добрался до лагеря уже в кромешной темноте и попал прямо в объятия Джулии, поджидавшей меня у ворот. Мафика сообщил ей о ситуации, и, дожидаясь меня, она волновалась тем сильнее, чем ближе было к ночи. Теперь мы уже вместе стали поджидать львов. Всего через десять минут после моего возвращения появились и они - уставшие, измученные жаждой, но снова в безопасности.

На следующий день в непосредственной близости от того места, где мои львы зарезали корову, было найдено свыше двадцати браконьерских капканов. По мнению Мафики, они были расставлены два дня назад. Безграничное доверие моих львов ко мне спасло их, но у других-то львов в этом регионе не было никого, кто постоянно присматривал бы за ними и не дал бы попасть в беду.

Через две недели в капканы попала одна из обитавших, в Тули львиц. Один капкан сдавил ей шею, другой лапу. Она была одной из львиц, принадлежавших к прайду Нижнего Маджале; ее привлекло в долину Шаше обилие скота. Невероятно, но она сломала оба капкана, хотя это стоило ей тяжелых ран. Прихрамывая, она заковыляла на юго-запад, к Нижнему Маджале, до которого было много километров пути.

Мне сообщили, что ее заметили и пытались поймать, но безуспешно. Я же был стеснен в своих поисках, так как владельцы некоторых частных заповедников не давали мне разрешения на право прохода по их территории. Примерно через неделю меня информировали, что ее видели в одном из таких заповедников, но, как мне сообщили, управление этого частного заповедника настолько занято с туристами, что у них нет времени на отлов и лечение несчастной львицы! Услышав это, я впал в отчаяние. У меня в голове не укладывалось столь равнодушное отношение к дикой фауне в некоторых заповедниках Тули.

К счастью, впоследствии львицу отловили и вылечили. Мне рассказывали, что проволока опутала ее лапу, как тугая пружина. Это было жуткое зрелище, и боль, которую она при этом испытывала, была, надо думать, нестерпимой.

х х х

По вечерам скот, нелегально перегоняемый на территорию Ботсваны, угоняли обратно за песчаное русло Шаше. Порой ночью туда же уходили и львы - ведь они охотятся обычно ночью. Обитатели зимбабвийских

деревень стали терять скот по ночам на своей территории - вот как аукнулось то, что днем они пасли его на чужой! Несколько животных было зарезано львами в непосредственной близости от деревень, и их жители, понятно, пожаловались зимбабвийским властям. В середине августа из Зимбабве пришло сообщение о том, что любой лев, обнаруженный за пределами Тули и в пределах сельскохозяйственных территорий Шаше, будет отстреливаться с целью предотвращения гибели скота. К счастью, человек, нанятый для выполнения приказа, не взялся рьяно за это дело из боязни, что под пулю угодит какой-нибудь из львов Адамсона. Более того, он проинформировал нас о ситуации и дал нам возможность выиграть время для принятия мер, за что мы глубоко благодарны ему.

Первое, что я сделал, услышав тревожащие новости, - связался с Джорджем Пангети из Департамента национальных парков и охраны природы Зимбабве. Я сообщил ему, что крайне взволнован возникшей проблемой, и рассказал о ситуации со львами. Он представил меня региональному управляющему этой территории Зимбабве. В своем разговоре со мной он согласился, что какое-то время следует воздержаться от отстрела львов, чтобы иметь возможность поискать решения проблемы.

В продолжение нескольких последующих недель мы имели встречи с различными должностными лицами и обращались с ходатайствами в соответствующие департаменты правительства Ботсваны. В своих обращениях мы ставили в центре внимания корень проблемы - нелегальную пастбу зимбабвийского скота на территории заповедников Ботсваны. Мы предложили рассматривать ситуацию под более широким углом зрения-популяризировать среди жителей региона Шаше идею создания буферной зоны для дикой фауны. Долгосрочный проект включал бы перекачку воды на тридцать километров в глубь страны для снабжения ею территорий, которые некогда являлись традиционными местами пастбищ здешних жителей, - нехватка воды и вынудила их покинуть эти регионы и поселиться вдоль реки Шаше. Мы решили сотрудничать в этом проекте с другими борцами за сохранение природы: ведь этот проект послужит благом как людей, так и дикой фауны и снизит остроту проблемы. Но все это в перспективе, а краткосрочное решение проблемы нужно было найти именно сейчас.

Я устроил встречу с участием представителей владельцев заповедников Тули, ботсванской полиции, Департамента охраны природы, иммиграционного департамента, ветеринарного департамента и представителей скотовладельцев Шаше, инспекторов по охране дикой фауны и местного племенного вождя. Встреча состоялась на территории региона Шаше, и, словно бы в насмешку, во все время нашей долгой дискуссии скот ходил у нас на глазах то в Ботсвану, то обратно. Возглавлял нашу ботсванскую делегацию мой хороший друг, начальник иммиграционной службы, уроженец Тули Бане Сеса. Он был очень обеспокоен проблемой - не только в аспекте сохранения дикой природы, но и тем, что из-за ситуации со скотом множество зимбабвийцев постоянно нелегально пересекают границу Ботсваны в ту и другую сторону.

Встреча закончилась тем, что зимбабвийцев попросили, в первую очередь, вывести свой скот с территории заповедника. Они сказали: мол, знаем, что поступаем неправильно, но и скоту надо как-то жить. Впрочем, присутствовавшие на встрече зимбабвийцы выразили интерес к долгосрочному проекту обводнения своих традиционных пастбищ, и мы пообещали, что продолжим работу над этим весьма сложным предложением.

Переговоры имели лишь частичный успех. Скот был выведен, и теперь территория Тули на какое-то время могла вздохнуть свободно. Мы продолжили изыскание более эффективного краткосрочного решения проблемы; в этом нам помогали ботсванские власти. И через полтора года проблему удалось всерьез взять под контроль.

Но, пока нам это удалось, мы пережили напряженные времена. Зимбабвийские власти вынесли новое предписание об отстреле львов, и мы начали "львиное дело" вновь. К тому времени я решил на то, чтобы надеть на своих львов идентификационные белые ошейники, и проинформировал об этом человека, нанятого для отстрела львов. Я также сообщил, что готов платить компенсацию, если будет неопровержимо доказано, что именно мои львы резали домашний скот на зимбабвийской территории. Никаких возражений не последовало.

С тех пор мне приходилось много раз уводить своих львов подальше от Шаше. Каждый раз, когда они уходили на восток, у меня от ужаса леденела кровь. К счастью, до отстрела львов дело не дошло. Во первых, благодаря тому, что куда меньше домашнего скота из Зимбабве попадало на территорию Тули и, следовательно, куда реже теперь львы заходили на территорию Шаше, а во-вторых, благодаря тому, что наш зимбабвийский знакомый отнюдь не рвался отстреливать львов, при том, что имел на это одобрение правительства, - своим выживанием львы во многом обязаны его сочувственному отношению.

Как и в истории с легальной львиной охотой, присутствие в регионе спасенных Адамсоном львов спасло жизни многим другим львам.

х х х

В начале октября 1990 года, когда приближалась первая годовщина нашего совместного со львами пребывания в Тули, столбик термометра устремился ввысь. Начиналось типичное изнуряющее лето, обещающее вместе с тем долгожданные дожди. Решительно, Тули - страна контрастов: в течение большей части года в ней царствует строгая красота засушливой местности, но на краткие месяцы сезона дождей ее оживляют потоки воды, пробуждение новых листьев и цветов. Дождь всегда непредсказуем. Никогда не забуду, как летом 1990 года у нас в "Таване" прошел сильнейший ливень, когда за какой-нибудь час выпало 96 миллиметров осадков - треть годовой нормы для этого региона.

Ливень случился ночью, а днем я поехал встречать Джулию, которая на несколько дней ездила в Йоганнесбург. Встретив Джулию на исходе дня в Понт-Дрифте, я повез ее назад в "Тавану", и мы с изумлением глядели на сгущавшиеся над нами грозовые тучи, громоздившиеся, словно небесные неприступные крепости. Едва мы достигли лагеря и разгрузились, до нас долетели раскаты грома. Живя в столь засушливой зоне, мы знали, что гром и тучи далеко не всегда несут с собой дождь. Снисхождение с небес столь необходимой животворной влаги - в этом регионе вещь непостоянная и ненадежная. Нередко бывает так: надвигается шторм, начинает бешено кружить и затем стихает ветер, блеснет молния - и вот мы уже слышим и видим стучащий дождь, порой приходим в неопишуемый восторг; но все стихает: облака уходят куда-то прочь, небо очищается, а нас охватывает жестокое разочарование.

Но в тот вечер мы с Джулией и представить себе не могли, какой всемирный потоп нас ожидает, да и позже в нашей жизни больше не было

такого. Ветер усиливался, а мы паковали целые полки книг и картотеки в водонепроницаемые пластиковые мешки и завязывали их теми же веревками, которыми мы привязывали палатки. Капли дождя застучали по палатке, когда, закончив предгрозовые приготовления, мы растянулись на раскладушках и взволнованно болтали. Пока мы беседовали, дождь припустил, и под шум, раздававшийся над нами, мы заснули в нашей палатке в три метра длиной, два с воловиной шириной.

Чуть позже проснулась Джулия и, слыша, что дождь усиливается, вышла посмотреть, что же творится в лагере. Следующее, что я запомнил, - расстегнутую молнию на входе в палатку и отчаянный крик Джулии, требовавшей, чтобы я сейчас же встал. Мы зажгли фонарь и были потрясены: вода около фута глубиной бурлила прямо в палатке! Мои ботинки плавали в бушующем потоке, сдерживаемые стенкой палатки; там же кружили пластмассовая чашка, журнал и промокшие остатки блокнота с дневниковыми записями. Казалось, будто палатку вынесло на середину бурлящей реки! Тут я услышал истошный крик Джулии:

- Гарет! Река вышла из берегов! Вода заливает кухню и подбирается к джипу!

Теперь от сна не осталось и следа. Я мигом схватил ботинки, надел их, и мы вместе с Джулией поскакали к кухне. Вода, лившая как из ведра, бушевала по земле, была везде - и справа, и слева, и под, и над! Когда я добежал до кухни, то увидел, как вода бушевала как раз под низко посаженным мотором джипа, и я боялся, что он уже залит водой. Сквозь гул дождя я крикнул Джулии, что нужно перегнать машину на более высокое место. Я попробовал завести мотор, да куда там! Мы вместе принялись толкать машину, выбиваясь из сил, но поскольку толкать приходилось вверх по склону, все наши потуги были напрасны, и мы то и дело падали в грязь и воду. Вымокшие до нитки, мы продрогли до костей и были по уши в грязи. В отчаянии я снова попытался запустить мотор, потом снова - и как только я подумал, что мотор бесповоротно отказал, он неожиданно завелся с рассерженным ворчанием. Я прыгнул за руль, вывел машину из воды и вкатился на более высокое место - хотя там тоже бушевала вода, но все-таки было куда мельче.

Поставив машину, я помчался туда, где оставил Джулию. Та сидела на корточках в воде, одной рукой держа фонарь и светя им вправо-влево, а другой хватая предметы. Она пыталась спасти хоть что-нибудь из нашей кухонной утвари, тарелок и чашек, уносимых бушующей водой.

...Позже, подойдя к дождемеру, мы были ошеломлены, увидев, сколько выпало дождя. Наконец дождь начал стихать, и мы вернулись в палатку - хотя мы по-прежнему были по щиколотку в воде, но она уже начала спадать, и, вконец обессиленные, мы вновь уснули.

Утром нас разбудило сладкоголосое пение птиц. Казалось, их песни звучали как само совершенство в освеженном и очищенном от пыли воздухе. Солнце сияло ярко, и небо было совершенно чистым. Однако в нашей палатке царил некто невообразимое. Густая грязь лежала на полу толстым слоем, а выйдя наружу, я, к своему удивлению, увидел темную "полосу наводнения", нанесенную волнами на наружной стороне палатки. В прошлую ночь вода поднялась примерно на полметра над уровнем берега. Выйдя из палатки, мы принялись собирать и разыскивать вещи, унесенные потоком. Я вышел за территорию лагеря пройтись вдоль берега и находил то тут, то там чашки, бутылки и прочий хлам, в том числе один из моих башмаков - другой я нашел много недель спустя и гораздо ниже по

течению. Мы потратили целый день, возвращая лагерь к нормальной жизни после стихийного бедствия, доказавшего в который раз, что Тули - земля контрастов и крайностей.

х х х

В середине лета этого года русло реки Питсани было заполнено чистой водой, медленно струившейся на юг, к Лимпопо. В самые жаркие дни, когда температура в тени переползала за сорок, мы с Джулией шли к Питсани. Там, в тени огромного дерева машату, нависавшего над речушкой, мы сбрасывали с себя все и, ступая в реку, испытывали любимое до боли удовольствие от воды, обжигавшей и пощипывавшей нам обожженную кожу. Вдоволь насладившись водой, мы сидели или лежали рядышком, наблюдая за другими водяными жителями, например пресноводными черепахами с твердыми панцирями, опутанными водорослями. Заметив нас, черепахи в испуге ныряли в воду, где оставались подолгу, потом выныривали на поверхность подышать воздухом и ныряли снова. Пресноводные черепахи - преимущественно хищные рептилии, питающиеся другими обитателями воды, например насекомыми, лягушками, головастиками и любой падалью, какая им может попасться. У Джулии был врожденный интерес к любым формам жизни, но я давно предупреждал ее не быть излишне любопытной и не брать в руки водяных черепах. У этих черепах имеются железы, выделяющие секрет с отвратительным запахом, - это одно из защитных средств этих рептилий. Запах держится на пальцах и руках долго, как ты их ни мой. К разряду курьезов можно отнести то, что этот запах напоминает запах льва, которым он метит кусты, но только гораздо сильнее. Я слышал, что запах пресноводных черепах отпугивает лошадей и ослов, которые принимают его за львиный.

Когда кожа наших пальцев и ступней морщилась от продолжительного пребывания в воде, мы выходили, а затем по нескольку минут просто стояли в густой тени, чтобы остудиться как можно больше, впитывая в себя прохладу, прежде чем приступить к неизбежному одеванию и возвращению в пекло автомобиля.

К тому времени Рафики и Фьюрейя практически достигли независимости - в том смысле, что могли прокормить себя сами. Особенно наглядно я убеждался в этом, когда, отправляясь на север искать общества львов-Близнецов, они отсутствовали по неделе и более, но неизменно возвращались сытыми, холеными и, как правило, с набитым брюхом - видно было, что они поохотились всласть. Когда же у них начиналась течка, они обычно направлялись к постоянно действующему источнику в регионе Тули-сафари, почему-то прозванному "Новая Англия" и находившемуся в самом сердце владений львов-Близнецов.

Не знаю, кто дал источнику столь необычное имя, только слышал, что это был кто-то из первопроходцев конца 1890-х годов, прокладывавших себе путь на север в направлении земли, получившей название Родезия. Видимо, уж больно приглянулся этот источник путешественникам - он был редким оазисом в этой сухой, сожженной земле. Вода струилась на поверхность, заполняя несколько углублений под старым фиговым деревом, разделявшимся на два ствола, дающих круги густой тени.

Эпоха первопроходцев давно прошла. Теперь источник с названием "Новая Англия" чаще всего поит диких зверей - исконных обитателей этой земли. За много миль вокруг к этому оазису ведут следы диких зверей -

тысячи лап и копыт пробили в красной почве тропы, словно колеи. Вот почему львы-Близнецы сделали источник центром своих владений - здесь неплохое место охоты. Антилопы, приходящие к источнику издалека утолить жажду, часто находят здесь свой конец: они гибнут, давая жить львам и другим хищникам.

Когда Батиан пытался последовать за своими сестрами в северном направлении, между ним и львами-Близнецами непременно вспыхивали конфликты. Стычки происходили обычно около источника или вблизи него. После этого Батиан в отчаянии, жестоко поцарапанный и покусанный, плелся на юго-восток, ко мне в "Тавану". Он появлялся в лагере (либо я находил его по пути); вид у него был жалкий: бока истерзаны глубокими ранами, задние ноги испачканы его собственными испражнениями. Львы, как и леопарды, также испражняются, когда вступают в отчаянную схватку с себе подобными. Мое сердце сжималось от жалости к Батиану, который поначалу всегда проигрывал в этих сражениях; но и вины его в том не было - каждый из Близнецов, с которыми он поочередно схватывался, был старше его на шесть-восемь месяцев и значительно крупнее. После таких схваток я целые часы уделял Батиану, зная, что он видит во мне не только источник успокоения и поддержки, но и товарища по прайду. Тем не менее первоначальные поражения в схватках то с одним, то с другим из Близнецов отнюдь не убавляли мужества в Батиане. Пробыв несколько дней на своей территории, он, часто в моем сопровождении, отправлялся на север, посылая свои громкие позывные туда, где его сестрички предавались любовным утехам с Близнецами.

Но время шло, Батиан записывал на свой счет все больше схваток, и Близнецы стали уважать его "собственность" и редко заходили на его территорию - в долины "Таваны" и Питсани. Не нужно забывать, что Батиан не был одинок в своих территориальных притязаниях: его притязания поддерживались обеими его сестрами. Последние искали общества львов-Близнецов только в период течки, а в остальное время не испытывали к ним ни малейшего интереса. Даже наоборот - в их отношении преобладали антагонизм и чувство собственности над территорией.

Иногда схватки между моими львами и Близнецами происходили непосредственно на территории "Таваны" и при моем участии; это было в то время, когда львы, в том числе и Близнецы, были еще очень молоды. Однажды рано утром мы с Джулией проснулись от рычания дерущихся львов. Тогда с нами еще работал Мафика. Я вышел за ворота лагеря выяснить ситуацию; а Джулия направилась в кухню, где Мафика мыл тарелки; Разве могли они знать, что через несколько минут окажутся в центре театра военных действий между моими львами и львами-Близнецами?!

Через несколько минут после того, как я вышел за ворота лагеря, я заметил, как Рафики кинулась ко мне. За ней неслась Фьюрейя, а последним Батиан. Все трое были крайне возбуждены. Они поприветствовали меня и принялись лихорадочно метить все вокруг, и тут я обратил внимание, что у всех троих тела здорово поцарапаны, хотя и без серьезных повреждений.

"Где же Близнецы? - подумал я. - Наблюдают?"

Тут из-за небольшого холмика в непосредственной близости от хозяйственной части нашего лагеря раздалось приглушенное рычание; и я, и мои львы тут же обернулись. Моментально вся троица, словно свора охотничьих собак, бросилась туда, откуда доносились звуки. Я, естественно, за ними. На бегу я уже слышал, как впереди меня

начиналась встреча двух львиных команд - и вот уже львы со страшным шумом несутся ко мне. Я попробовал различить, кто бежит впереди, но был моментально ослеплен ярким утренним солнцем. Впрочем, я разглядел силуэты трех львов, приближающихся ко мне.

На кухне Джулия и Мафика с тарелками и кухонными полотенцами в руках неожиданно увидели Батиана, преследуемого одним из Близнецов; затем мимо них промелькнули силуэты других львов. Через несколько мгновений за ними промчался второй из Близнецов; он гнался за Батианом, а за Близнецом - Рафики и Фьюрейя. Мафика и Джулия наблюдали за всем этим, не будучи в силах сказать ни слова, тогда как я надорвал глотку, зовя своих львов и гоняясь вокруг, так как я в этой каше потерял их из виду.

Впрочем, вскоре схватка утихла. Близнецы ушли к себе на север, я - назад в лагерь; после того, как мы обсудили все увиденное, Джулия и Мафика закончили работу по кухне. Не правда ли, несколько нетипичное начало повседневных домашних забот?!

х х х

Через несколько месяцев у нас в лагере произошла другая стычка со львами-Близнецами. Однажды ночью, когда мы с Джулией мирно отдыхали у себя в палатке, до нас неожиданно донесся страшный шум дерущихся львов. Похоже, скандал разразился где-то возле ворот лагеря. Пробегая мимо палатки Мафики, стоявшей невдалеке от ворот, я не услышал оттуда ни звука. Или он спал без задних ног, так что даже свалка львов, происходившая всего в пятнадцати-двадцати метрах, не могла его разбудить, или же он вознамерился продемонстрировать высшую степень мужества, делая вид, что его хата с краю!

С фонарем в руке и с ружьем наготове я вышел за ограду; тут ко мне подлетели Батиан и две сестрички. Когда я шагнул им навстречу, услышал справа от себя такой рев, что меня бросило в дрожь. Засветив фонарь, я увидел Близнецов, у которых были пока еще небольшие, но очень грязные гривы. Они отступали, по-прежнему ворча, за небольшой холмик. Исполненный стремления поддержать свой прайд, а заодно продемонстрировать "мужскую дружбу" Батиану, я во всю глотку заорал на Близнецов. Те зарычали еще более зловеще. Мне ничего не оставалось, как сделать предупредительный выстрел в воздух. Это заставило Близнецов пуститься наутек. Мои львы бросились за ними, но конфликт улегся, не успев разгореться. Проводив пришельцев восвояси, мои львы вернулись и направились туда, где я стоял. С торжеством победителей они терлись об меня телами и головами, и в ответ я ласкал и гладил их.

Впрочем, Джулия, как вскоре оказалось, была отнюдь не в столь блестящем настроении. Лежа на раскладушке, она слышала, как я выходил за ворота. Потом до нее донеслось рычание, затем мои крики, выстрел, шум финальной краткой свалки - и тишина. Схватив фонарь, она выскочила из палатки, прямо как и была, в костюме Евы, проскочила мимо палатки Мафики, откуда по-прежнему не доносилось ни звука, и выбежала к воротам. Как раз в этот момент я медленным шагом возвращался в лагерь. Услышав шум у ворот, я поднял фонарь, и яркий свет озарил Джулию - она стояла голая, с вытаращенными глазами. Похохотав над этой сценой, я объяснил ей, как все произошло, после чего она побежала обратно в палатку.

В палатке Мафики по-прежнему стояла тишина. Я подошел и позвал его, желая рассказать, как все было.

- Мафика! - повторил я.

Из глубины палатки послышалось недовольное бормотание.

"Плохо спал, бедняга", - подумал я.

Потом из палатки показалась голова хозяина. Слегка протирая глаза, он принялся уверять меня, что ничего не слышал - ни львов, ни моих криков, ни выстрела, ни то, как Джулия пробежала мимо его палатки.

"Сочиняет", - подумал я, но, не подав виду, что не верю, пожелал ему спокойной ночи. Возвращаясь к себе в палатку, я подумал, что только человек в коматозном состоянии мог все это проспать, ни на что не среагировав. Видно, сработал его кодекс поведения: осторожность - лучшая составляющая мужества.

Остаток ночи прошел без событий. Близнецы, как я обнаружил наутро, ушли в одном направлении, мои львы - в другом, на охоту. В эту ночь в долине им досталась импала.

Глава девятая. ОХОТНИКИ И ПРЕСЛЕДУЕМЫЕ

Отличительные ошейники, которые я надел своим львам из-за конфликта, дали целый ряд выгод. В ошейник Фьюрейи был вмонтирован радиопередатчик, что позволяло мне быстро обнаруживать львов и наблюдать за их передвижением. С помощью радио я стал узнавать несравненно больше об их перемещениях и результатах охоты. Со временем благодаря радио мне удалось установить, что территория, контролируемая моими львами, достигла ста пятидесяти квадратных километров - обычная площадь, контролируемая львиным прайдом в Тули. Кроме того, я открыл, что мои львы добывают гораздо больше дичи, чем я изначально думал, иногда гораздо больше, чем, по моим расчетам, необходимо было им для пропитания. Я отнес это на счет того, что некоторые виды, на которых они охотились, в частности куду, были больными и добыть их было куда легче. Совершенно необязательно, чтобы они добывали преимущественно больных - я обнаружил, что в действительности они добывали самых различных животных в самом разном состоянии.

Так, за пятидневный период наблюдения за львами с помощью радио мне удалось установить, что они добыли одну взрослую самку куду, одну самку антилопы канна, одного бородавочника, одного взрослого самца антилопы канна и одного крупного быка из Зимбабве, который имел неосторожность несколько недель назад притащиться сюда для пастбы в долине, в восточной части территории, контролируемой моими львами.

После этой пятидневки я обнаружил, что Фьюрейя, охотясь в одиночку, завалила огромного самца антилопы канна. К тому времени ей было только 29 месяцев и весила она около 90-100 килограммов. Канны - самые крупные африканские антилопы, а самец, которого она добыла, был в самом соку и весил 700-800 килограммов, высотой же был в один и семь десятых метра. Я обнаружил ее около добытого ею гиганта; получив с края долины четко слышимый сигнал, я туда и отправился. Там я обнаружил Фьюрейю - она лежала на земле, тяжело дыша, в нескольких метрах от самца канна, которого завалила как раз перед моим приходом.

Когда я приблизился; Фьюрейя вяло поднялась, поприветствовала меня, а затем снова плюхнулась на землю - она была явно измотана долгой борьбой с антилопой. Когда я подошел к ее добыче, она отнюдь не протестовала.

По следам на почве и на самой антилопе я смог вычислить, как это Фьюрейе удалось завалить животное в семь-восемь раз больше собственного веса. Львица застала его врасплох, когда он скакал к водопою - к речке, протекавшей по небольшой долине. Когда он подскочил к берегу, Фьюрейя тут же вцепилась ему в бок, и тут, судя по следам на земле, между ними началось великое побоище. В ходе битвы Фьюрейе удалось поменять позицию и схватить его за морду, так что нос и рот животного оказались зажатыми между ее челюстей. Смерть антилопы наступила от удушья. Судя по всему, Фьюрейя, отправившись на поиски кого-нибудь из Близнецов, отделилась от брата и сестры и вышла на антилопу одна. Впрочем, на следующий день брат и сестра отыскали ее (при небольшой помощи с моей стороны) и присоединились к пиршеству. Фьюрейя, набившая себе брюхо до отказа, не протестовала.

В другом случае я обнаружил львов по радио на берегу реки Питсани. Они спокойно залегли на берегу, чего-то ожидая. Я подошел к ним и был удивлен тем, что они не встали меня поприветствовать. Тут я понял: они залегли треугольником вокруг старой норы земляного волка. Там, в глубине норы, наверняка что-то было. У меня не было ружья, потому что то, которое я брал с собой прежде, мне одолжили, а теперь пришлось его вернуть, так что я теперь патрулировал заповедник, вооруженный... одним копьём!

Взяв копьё на изготовку, я решил топнуть ногой возле отверстия. И тут же, как из пушки, оттуда вылетел крупный бородавочник. Фьюрейя прыгнула, и я был потрясен, как она поймала его прямо в воздухе - ее челюсти цепко впились в его тугую серую шкуру. Я, не раздумывая, тоже прыгнул вперед и вонзил копьё в грудь бородавочника, пытавшегося вырваться из цепких челюстей Фьюрейи: должно быть, во мне разыграл первобытный инстинкт хищника. После этого я отступил назад, а мое место заняли Батиан и Рафики. Я наблюдал за тем, как Фьюрейя меняла позицию и вцепилась бородавочнику в глотку, силясь ее перегрызть. Так он и умер. Я ожидал, что львы при виде загрызенного бородавочника кинутся на него и примутся за трапезу, соревнуясь друг с другом. Этого, однако, не произошло. Уважая преимущественное право рычащей Фьюрейи на добычу, Батиан и Рафики отошли в тень и стали наблюдать за ней. Она принялась терзать мягкие части тушки бородавочника, но позже, когда солнце стало нещадно палить, она тоже захотела уйти в тень. Тут Рафики метнулась к остаткам добычи и уволокла под куст мопана, но, поев немного, потеряла интерес и ушла. И то сказать, львы в то утро были уже сыты - они славно поохотились накануне ночью.

Теперь вся троица с наслаждением валялась в тени, я же пошел осмотреть бородавочника: у нас с Джулией давно не было свежего мяса, да в конце концов разве я не такой же полноправный член прайда, как и львы?! Вытащив нож, я принялся сдирать с тушки шкуру. Вы не поверите, что дальше было! Узрев мою возню около львиной добычи, Батиан поднял голову и взглянул на меня сонными глазами. Вдруг он вскочил, потянулся, зевнул и поскакал в мою сторону, не выражая, однако же, агрессивных намерений. Добавлю, что он достиг меня прежде, чем я успел отрезать хоть сколько-нибудь мяса. Я встал и принялся наблюдать за

тем, как он, наклонив голову, схватил тушку, лежащую около моих ног, и медленно уволок туда, где отдыхали его сестрички. Спрятав отвоеванную добычу под кустами, он с довольным вздохом завалился на землю и закрыл глаза.

Улыбнувшись тому, чему стал свидетелем, я зашагал назад в лагерь. Когда в конце того же дня я вернулся на то же самое место, то, к своему удивлению, обнаружил, что от бородавочника остались хвостик да ножки. Прошло всего несколько часов, а львы, насытившиеся утром, успели проголодаться и с жадностью набросились на бородавочника. Нам же с Джулией на ужин пришлось опять есть консервы.

х х х

Снова наступил сезон летних дождей - время рождений. Когда берега рек опять покрылись высокой зеленой травой, оживленной дождем, появилось множество детенышей импалы. Эти крошки особенно часто становились добычей самых разнообразных хищников. Из поднебесья на них камнем падает степной орел; пятнистая гиена сперва вынюхивает их, а потом исподтишка нападает; гепард хватает их живьем и приносит детенышам, чтобы те учились их загрызть. Питоны, имеющие в пасти язык, буквально пробуют на вкус все вокруг себя, не обходя стороной, конечно, детенышей импалы; ну и, разумеется, львы не упускают случая поживиться легкой добычей - однажды утром я стал свидетелем того, как с такой крошкой расправилась Рафики.

Услышав зов Рафики к востоку от лагеря, я вышел и увидел, что она движется на юг. Я догнал ее, и мы пошли вместе. Только мы вышли в открытую местность, как Рафики остановилась и подняла голову; задрала уши, она прислушалась. Я посмотрел туда же и увидел шакала, носящегося кругами вокруг молодой импалы. Несколько раз он чуть было не поймал детеныша, начавшего отчаянно кричать. Было ясно, что матери нет рядом, иначе она или вожак стада откликнулись бы на крики, поспешили бы на помощь и отогнали шакала.

Детеныш был обречен, только причиной его гибели стал отнюдь не шакал. Рафики двинулась вперед и помчалась рысью. Я наблюдал за тем, как шакал, увидев несущуюся на него львицу, сам издал отчаянный вопль и, растеряв в доли секунды все свое шакалье достоинство, дал стрекача, не желая превращаться из охотника в преследуемого. Подбежав поближе, я увидел, как Рафики готовится к прыжку на детеныша импалы, который явно выдохся и по-прежнему был в состоянии шока. Странное и не укладывающееся в голове зрелище - сильная львица против крошечного, беззащитного существа! В течение нескольких минут Рафики играла с еще живой добычей, как домашняя кошка с еще не удушенной мышью или птичкой. После этого, к моему облегчению, Рафики загрызла импалу и принялась завтракать.

Зрелище, как Рафики "играла" с беззащитным существом, всколыхнуло меня. Я, конечно, понимаю, что эта моя реакция может кому-то показаться странной - особенно после случая с бородавочником, когда я наравне со львами принимал участие в охоте. Размышляя над тем, как по-разному я реагировал на две различные ситуации, я понял, что в двух этих случаях источником моих эмоций явились два различных инстинкта. Когда львы охотятся на "взрослую" дичь, это в порядке вещей: дичь обречена умирать, чтобы хищники могли жить. Но такие случаи, как с

детенышем импалы, у меня в голове не укладывались, если рассуждать уже по-человечески. Я несколько раз вмешивался в подобные истории - например, когда мои львы "играли" с детенышами павианов.

Один такой случай я запомнил четко. Однажды, гуляя со львами, мы застали врасплох большое стадо павианов. Те бросились врассыпную, но двое самых крошечных отстали - видимо, запутавшись в ветках небольшого дерева. Львы окружили дерево, отрезав крошкам путь к отступлению. Стремясь убежать от наскоков львов, детеныши прыгали, дико крича, и на каждый крик стадо павианов отвечало взрывом лая. Более того, они стали приближаться к тому месту, где я находился вместе со львами.

Одного детеныша схватила Фьюрейя и тут же умертвила, а другого сшиб на землю Батиан и стал с ним играть. Наполовину выпустив когти, он дергал и цеплял его. Меня потрясли вопли и крики детеныша, равно как и протестующий против такого издевательства лай остальных членов семейства.

Держа в когтях детеныша, Батиан уставил окаменелый взгляд сперва на него, потом на меня; его взгляд преследовал меня. Допустить продолжения пытки я больше не мог. Шагнув к Батиану сбоку, я взял камень и прекратил муки жестоко изувеченного существа.

Батиан не ответил агрессивно, хоть я и нарушил правила, ввязавшись в его игру с добычей. Он просто обнюхивал детеныша, катая туда-сюда лапами по песку..

Мучения детеныша закончились. Я понимал, что большего я для него сделать не мог. Спасти его из когтей Батиана не представлялось возможным. Во-первых, это могло оказаться опасным, во-вторых, в действиях Батиана не было злого умысла. Это была инстинктивная реакция.

Впрочем, когда львы имеют дело с крупной добычей, они стараются умертвить ее как можно быстрее. Я открыл, что когда мои львы всем прайдом охотятся на крупную дичь (например, антилопу канна), они сперва обездвиживают ее "решающим укусом" в позвоночник, как раз позади лопаток. Осматривая раны, я всегда думал: если бы я не знал, что это львы, наверняка счел бы, что крупнокалиберная пуля раздробила животному позвоночник. Эти "решающие укусы" наглядно показывают, какой мощью и силой обладают самые крупные кошачьи, хотя на практике они редко применяют всю силу и мощь.

х х х

К тому времени у нас уже сложилась хорошая антибраконьерская команда, во главе которой стал мой бывший помощник по лагерю Мафика Маньятса. Мафика и его команда делали важнейшую работу, патрулируя не только территорию, освоенную моими львами, но и смежные уголья. Они стали стражами земли и дикой фауны, которым в прошлом не уделялось должного внимания. Много было обезврежено проволочных капканов, устроено засад и задержано браконьеров. Мафика вел дневник, в который заносил все подвиги команды; в свою очередь, я использовал его дневник для разделов о браконьерстве в своих ежемесячных докладных записках в адрес Департамента национальных парков.

Однажды утром, когда я вышел в поход с нашим новым гвардейцем, чтобы показать ему долину, ведущую к реке Шаше - куда что-то зачастили браконьеры, - мы услышали далеко впереди себя львиный зов, и я

заинтересовался. Пройдя еще несколько километров, мы остановились у густого кустарника, и наш новый боец отошел от меня на двести метров влево, чтобы посмотреть, нет ли там капканов. Вдруг до меня донеслось удивленное ворчание льва, и из кустов, куда только что вошел наш сотрудник, выскочил молодой самец и помчался позади меня широкими прыжками. Поскольку я наблюдал из-за могучего железного дерева, он меня не заметил. Когда лев скрылся, я пошел искать коллегу и наткнулся на него, когда он выходил из кустов. Позвав его, я увидел, что он еще не оправился от шока. Еще бы: столкнуться нос к носу со львом на второй же день службы! Успокоив молодца, я расспросил его, как все было. Оказывается, когда он вошел в кусты проверить, нет ли там капканов, то натолкнулся на дремлющего льва. Зверь проснулся и... обратился в бегство. Так часто случается, когда львы видят внезапно появившегося в кустах человека.

Мы продолжили путь к лагерю, где планировали сделать кратковременную остановку. По пути я спросил парня, не заметил ли он на льве ошейника. Тот ответил, что нет. Я успел понять только то, что это молодой лев одного с Батианом возраста и размера, но он улепетывал с такой скоростью, что я не мог рассмотреть, есть на нем ошейник или нет.

Когда мы достигли лагеря, я все же не утерпел и решил один вернуться на то место, где мой новый друг спугнул льва: мне хотелось абсолютно удостовериться в том, что это был не Батиан. На месте я обнаружил на земле следы панического бегства. Двинувшись туда, куда они вели, я дошел до густых кустов и остановился, насторожившись.

Я подумал, что если бы львом, которого спугнул мой новый друг, оказался Батиан, то он ответил бы и высунулся из кустов. Я позвал: "Батиан, Батиан, выходи!" - и стал ждать.

Ответа не последовало.

Я снова позвал.

Ни звука.

Я начал чувствовать, что у меня едет крыша. Ведь мы с моим новым гвардейцем совершенно точно видели молодого льва. Я уже собрался было уходить, когда услышал тихое ворчание, и тут же голова Батиана комично высунулась из кустов. Я снова позвал его, и он выполз из кустов, страшно нервничая и оглядывая все вокруг. Он искал взглядом, нет ли других человеческих существ. Потом с чувством преданности, смешанным с чувством облегчения, он кинулся ко мне с приветствием, а затем без усилия вскочил на высокий термитник, чтобы оглядеть местность и удостовериться, что источника страха, а именно человека, рядом нет. Хотя он был напуган, столкнувшись с моим гвардейцем, мне пришлось по душе его реакция: он отреагировал так, как в похожей ситуации отреагировал бы и дикий лев.

Но, помимо активных действий нашей антибраконьерской команды, другой антибраконьерской работы на всей остальной территории заповедника практически не велось. Трагедии с животными, попадавшими в капканы, случались снова и снова. Один из самых печальных случаев произошел с молодым жирафом в конце ноября.

Гиды из охотстанции Тули-сафари доложили мне, что неоднократно видели молодого жирафа с петлей, глубоко врезавшейся в нижнюю часть его шеи. Ему каким-то образом удалось порвать проволоку, которой

капкан был привязан к дереву, и конец ее волочился за ним по земле. Капканы-то не выбирают жертву - по высоте он был поставлен на импалу или на куду. Каким-то образом жираф - животное, обычно не являющееся мишенью такой формы браконьерства, - оказался головой и шеей в петле: должно быть, когда объедал листья с нижних ветвей. Проволока сдавила ему шею, и от боли его охватила паника.

Я попросил моего друга-ветеринара из Южной Африки Эндрю Мак-Кензи приехать в Тули и попытаться освободить жирафа. К счастью, как раз в тот день, когда мой друг приехал, гидам по заповеднику удалось выследить животное, а отловить его было делом техники: Эндрю выстрелил в него транквилизирующим зарядом, и он быстро затих.

Как только жираф оказался на земле, мы бросились к нему и подняли верхнюю часть туловища, при этом держа шею вертикально. Увидев, сколь серьезной была рана, мы пришли в ужас. Капкан содрал широкую полосу кожи, пока не врезался в шею животного. Петля-была изготовлена не из одинарной, а из тройной проволоки, на которой можно буксировать автомобиль. Как это жирафу удалось порвать ее, невозможно было себе представить.

Несмотря на серьезность ранения, Эндрю выразил уверенность, что при соответствующем лечении у жирафа есть шанс полного выздоровления. Он снял петлю, промыл рану, посыпал антибиотиком, а также ввел жирафу инъекцию антибиотика и вещества, останавливающего действие транквилизатора. Животное тут же вскочило на ноги и убежало.

Время от времени я натыкался на этого жирафа в буше. Рана у него зажила хорошо, только шрам от врезавшейся в живую плоть браконьерской петли останется навсегда. Эндрю сказал, что, если бы мы не вылечили его, он прожил бы максимум шесть недель и умер от заражения крови.

х х х

Попавшийся в капкан жираф был не самым печальным случаем в нашей с Эндрю практике, когда мы вместе пытались помочь жертвам браконьерства. На столе, стоящем напротив того места, где я сижу, находится череп львицы. Он вызывает у меня в памяти самую грустную историю, связанную с браконьерской охотой на львов в Тули. Это история львицы, которую я назвал Дженьесса. Это ее череп находится у меня на столе.

Дженьесса принадлежала к прайду Нижнего Маджале, во главе которого стоял Темный. Вскоре после того, как я впервые приехал в Тули в 1983 году в качестве тогда еще молодого гида, она попала в браконьерскую петлю. В это время она к тому же была беременной. Нам с коллегами удалось выволить ее из петли, глубоко врезавшейся ей в шею. Она выздоровела и, когда подошел срок, родила троих детенышей. Десять месяцев спустя все трое погибли. Первый погиб во время конфликта между его матерью и самцом, второй умер от тяжелых ран, полученных во время того же инцидента, а третья - самочка - судя по всему, была покинута Дженьессой, ибо больше ее никто не видел.

Двадцать два месяца спустя Дженьесса угодила в старый проволочный капкан. Этот капкан был много времени назад сброшен на землю пасущимися слонами и, как и другие подобные капканы, давно забыт поставившими его браконьерами. Проволока обвила ей лапу, и несчастная, должно быть, боролась с капканом, как с живым существом, кусая не только проволоку, но и собственную лапу. Работая и челюстями, львица

как-то освободилась, но лапа, из которой хлестала кровь, была жестоко изувечена. Все четыре пальца были вырваны, лишь кости торчали из алеющего мяса с остатками истерзанной кожи и шкуры.

Я много дней искал Дженьессу, но однажды утром я увидел на песке четкие следы от изувеченной лапы. Двинувшись туда, куда они ведут, я обнаружил львицу у впадины, заполненной водой. Увидев меня, она медленно ушла.

Эндрю был штатным ветеринаром заповедника Тули, и когда я выследил Дженьессу, то вызвал его из машины по рации и кратко объяснил ситуацию. Эндрю и другие сотрудники заповедника не заставили себя ждать. Теперь нужно было поразить львицу наркотическим зарядом. Как только заряд достиг цели, львица, к потрясению моего друга и к моей радости, обратилась в бегство. Она бежала, несмотря на изувеченную лапу! Мое сердце исполнилось надеждой, что в результате надлежащего лечения и ухода она выживет.

Как только наркотик начал действовать, мы осмотрели львицу и принялись обсуждать ее дальнейшую судьбу. Один высказал мнение, что изувеченную лапу следует ампутировать, другой - что ей нужно давать лекарства, а там пусть решает природа: выживет - хорошо, а нет, так что ж. Наш руководитель предложил эвтаназию [умерщвление], но я категорически запротестовал.

...Но последнее слово все-таки осталось не за мной и не за Эндрю. От этого решения у меня по сей день тяжело на сердце. Я чувствовал, что, сколь бы серьезной ни была рана, надо было оставить животному шанс выжить. В большинстве ситуаций последнее слово следует оставлять за природой и не вмешиваться: и все же, если животное оказалось изувеченным по вине человека, человек снова должен вмешаться и попытаться обеспечить выживание и выздоровление этого животного.

В тот день я уехал в лагерь, еще не зная, каковым будет окончательное решение, оставив львицу на попечение Эндрю и других сотрудников заповедника. Взглянув на львицу в последний раз, я почувствовал, что предаю ее. Позже я узнал, что было принято решение умертвить ее, - решение, в котором, как в зеркале, отразился конфликт человека с природой и, в конечном счете, с самим собой.

Эндрю произвел осмотр тела львицы. Было открыто, что кроме нескольких ребер, которые она сломала, когда впервые попала в капкан, у нее была тогда же сломана еще и шея. Порвалась связь между первым шейным позвонком и осью позвоночника. И несмотря на это, как ни странно, с течением времени все срослось. Открытие Эндрю показало, какие чудовищные раны могут выдерживать львы - и не только выдерживать, но и жить нормальной жизнью.

...Теперь ее череп глядит пустыми глазницами у меня со стола. Эта львица и ее судьба не забыты. Череп по-прежнему напоминает мне о необходимости вести нещадную борьбу с браконьерами, убеждать других в необходимости сострадания, которого так не хватает.

х х х

Однажды вечером в конце января 1991 года мы с Джулией сидели и мирно беседовали, когда вся наша троица, отсутствовавшая в течение нескольких дней, нагрянула вдруг, как с неба. Я вышел и выставил им бочку с водой; они с жадностью попили. Как обычно, они радостно

поприветствовали меня; отталкивая друг друга, они тянулись ко мне за лаской.

Но во время приветственной церемонии я вдруг увидел, что из влагалища у Рафики свисает большая, наполненная жидкостью мембрана. Поначалу я подумал, что она на ранней или средней стадии беременности и ей угрожает выкидыш. Я был крайне встревожен - ведь следствием выкидыша могла стать потеря крови или сепсис.

Иногда она принималась лизать выпавшую мембрану, но было похоже на то, что ничто больше не беспокоило ее. Она побежала за двумя остальными, растворившимися в сумерках. На следующее утро я вышел на ее поиски, но без успеха. Во второй половине дня я возобновил поиски и неожиданно нашел ее в одиночестве недалеко от лагеря: она просто-напросто вышла мне навстречу. Я тут же заметил, что больше не было следов ни свисающей мембраны, ни признаков кровотечения, и облегченно вздохнул. Она даже показалась мне необычно пышущей здоровьем, но неохотно шла за мной в лагерь - напротив, она явно звала меня за собой на одном только нам двоим понятном языке, состоящем из звуков и прыжков. Я пустился было в путь за ней, но солнце садилось, и я неохотно повернул назад, чтобы до темноты успеть в лагерь. Когда я вернулся, Батиан был уже там. Чуть позже подошла и Рафики. Она стала нам обоим подавать знаки, что зовет за собой.

В эту ночь Рафики и Батиан спали у самой ограды, в непосредственной близости от моей палатки. Мы с Джулией думали-гадали, что бы все это значило, но не пришли к единому мнению. Мы оба подозревали, что она выкинула, но не могли понять, почему она зовет за собой и меня, и Батиана.

Я проснулся спозаранку; только Рафики увидела меня, как принялась повторять свое вчерашнее приглашение на языке прыжков и звуков. Что ж, мы с Батианом тронулись в путь. Около часа мы шли за ней в западном направлении. Каждый раз, когда мы отставали - в особенности когда Батиану хотелось прилечь и отдохнуть, а таковое желание у него возникало всякий раз, когда мы проходили мимо любой сколько-нибудь примечательной тени, - Рафики возвращалась назад и звала за собой. Она привела нас к западному плато и направилась там в густые кусты, растущие вдоль небольшой расщелины. За ней последовал Батиан, а потом я увидел, как она спрыгнула со скалы в кусты, спряталась там и принялась жалобно выть. Батиан поглядел туда, где она лежала, постоял немного и наконец лег рядом.

Теперь настал черед спускаться мне. Я взглянул в кусты и увидел, как Рафики, уютно свернувшись в своем укромном местечке, держала между лапами прекрасно сложенного, но неживого детеныша. Я подошел к ней на несколько футов, присел на корточки и разглядел детеныша. Его тельце было совершенно чистым, не было ни крови, ни последа, ни признаков других детенышей. Меня охватило странное смешение чувств - мне стало до смерти жаль Рафики, но я почувствовал облегчение, убедившись, что сама львица вполне здорова.

Чуть позже Рафики принялась поедать тельце своего детеныша, как обычно поступают львицы, у которых детеныши родились неживыми или умерли вскоре после появления на свет.

Час спустя я оставил Рафики в компании Батиана и, вернувшись в лагерь, поделился увиденным с Джулией. Мы принялись обсуждать, как мог погибнуть детеныш, и сошлись на том, что он родился неживой. Соски

Рафики не набухли ни до, ни после родов, тогда как в нормальных условиях соски у львиц тяжелеют перед самым окотом. И то сказать, Рафики была еще слишком юна, чтобы производить потомство. Ей было всего тридцать месяцев от роду. Обычно первая беременность у львиц наступает примерно в возрасте сорока трех месяцев. Впрочем, заглянув в записи, мы нашли, что Джордж зафиксировал рождение двумя его львицами детенышей, когда им было соответственно тридцать семь и сорок один месяц.

Через восемь дней после родов у Рафики снова началась течка, и она сошлась с более крупным из львов-Близнецов. Я зафиксировал, что в этот период встречи происходили трижды: в конце января, в начале февраля и на третью неделю февраля.

Когда Рафики в последний раз ушла на свидание, я как-то утром выехал вслед за ней на машине. Отъехав на два километра к северу от лагеря, я услышал влюбленное рычание. Там, на обочине дороги, разделяющей Ботсвану и Зимбабве, я увидел одного из Близнецов, а позади него Рафики. Увидев, как Близнец припал к земле, я медленно приблизился, соблюдая при этом меры предосторожности, так как самцы иногда бывают агрессивны во время брачного периода. Повернув машину назад, я оставил обоих влюбленных.

Во второй половине того же дня я решил (как оказалось, весьма опрометчиво) вернуться туда. Я взял с собой Джулию, чтобы она засняла сцены ухаживания и свидания. Я рассчитывал, что в такую жару Близнец едва ли будет агрессивен, если я буду держаться от парочки на почтительном расстоянии. Плохо же я знал этого грубияна! Что ж, хороший урок не помешает никогда.

Мы с Джулией засекали парочку возлежащей в густой тени как раз там, где я оставил их несколько часов назад. Я сбавил скорость своего открытого джипа где-то в восьмидесяти метрах от них и поставил машину так, чтобы Джулия могла четко обозревать сцену и начать съемку, если они начнут ласкаться. И что же? Не успел я заглушить мотор, как увидел, что Близнец угрожающе наклонил голову и затем поскакал в направлении машины. Я завел мотор и развернул машину так, что моя сторона оказалась к нему лицом. Он явно не шутил: он беззвучно несся на большой скорости. Все произошло в какое-то мгновение. Я понял, что мне ничего не остается, как погнать джип прямо на него, так как удрать не было никакой возможности.

Я нажал газ изо всех сил. Когда между нами оставалось каких-нибудь два метра, он отскочил в сторону, а затем забежал за машину. Я заорал на него не своим голосом и снова что есть силы нажал на газ. Когда я отъехал, он остановился, но я повернул голову назад в ожидании, что он погонится за нами. Вместо этого лев глядел в сторону Рафики, убегающей легкой трусцой. Ее движение отвлекло его, и только это помогло нам с Джулией удрать.

Когда мы оказались вне опасности, Джулия повернулась ко мне и со странным спокойствием - по-моему, неестественным для существа с горячей кровью - сказала:

- Гарет, ты же совсем поседел!

Я и в самом деле был потрясен случившимся. Наше желание заснять свидание Рафики с Близнецом могло стоить нам жизни. Я не сомневаюсь, что, если бы я в отчаянии не погнал джип на Близнеца и если бы затем его не отвлекла Рафики, он запрыгнул бы в мой драндулет. Ну как тут

было не поседеть?!

...Несколько недель спустя, когда я нашел Рафики к югу от "Таваны", я обратил внимание на ее шкуру. Возможно, что она снова была сукотной. К тому же она в этот период не искала встреч с Близнецами. Я был просто уверен, что она снова забеременела. Надо было проверить это.

В тот день, вернувшись в лагерь, я поделился своими размышлениями с Джулией. Вечером мы заглянули в наши записи, где было отмечено, когда Рафики в последний раз встречалась с самцом, и начали подсчитывать, когда следует ожидать окота. Период беременности у львов длится всего сто десять дней.

Прошло еще несколько дней, и, к моему полному удивлению, Джулия сказала мне, что тоже чувствует себя беременной!

На следующий день я планировал съездить в Понт-Дрифт для переговоров по телефону. Там, сидя в сарае, куда убрали вагончик канатной дороги, окруженный другими людьми, я позвонил своему другу-ветеринару Эндрю Мак-Кензи. Я хотел сообщить ему о начальной стадии беременности Рафики. За разговором я понял, что с ним можно проконсультироваться и по поводу возможной беременности Джулии: он был не только блестящим Айболитом, но и примерным отцом. Похоже, сначала он опешил, когда я стал рассказывать ему о наших подозрениях, но потом, посмеиваясь, сообщил, каких признаков мы должны ожидать. Разумеется, он консультировал меня не как ветеринар, а как образцовый папаша.

Еще через несколько дней в Джулии окрепла уверенность, что она носит под сердцем ребенка. Это, вкупе с беременностью Рафики, наполнило меня эмоциями, какие, должно быть, испытывают все будущие отцы. Мы с Джулией не состояли в законном браке. И самое интересное - и, пожалуй, самое невероятное - было то, что возможная беременность Джулии не стала темой наших с ней разговоров. Во всяком случае я не припомню, чтобы кто-то из нас заводил об этом речь. Позже Джулия отправилась в Йоганнесбург на прием к врачу. Осмотрев ее, врач сказал, что все внешние признаки налицо.

Груди Джулии стали больше; живот, обычно плоский, несколько выпятился. Потом, уже в "Таване", Джулия каждую ночь с гордостью показывала мне свой животик. Я тщательно осматривал его в пламени свечи и говорил, что он и впрямь сделался больше! Неужели у нас будет свой ребенок?! Джулия выглядела счастливее, чем когда-либо.

Но покупать приданое для новорожденного мы не решались: еще не было ясного ответа на вопрос, беременна Джулия или нет. Мы обсуждали наши предположения лишь с горсткой друзей из ботсванской части Тули, которые в прошлом так часто спрашивали, почему мы не заводим детей. Когда мы сообщили им о наших предположениях, у них на лицах заиграли широкие счастливые улыбки.

Мы решили показать Джулию врачу в Питерсбурге. В зале ожидания мы были как на иголках. Наконец вызвали Джулию, и мы вошли вместе. Я смотрел на экран монитора в ожидании, что сегодняшняя хитроумная техника все сама скажет. Доктор проводил осмотр, мы с Джулией не отрывали глаз от экрана, пытаясь угадать, что же вырисовывают эти загадочные формы. И вдруг врач объявил, что беременности у Джулии нет! Я спросил его, почему же тогда все внешние признаки были налицо, и он ответил, что речь идет о так называемой ложной беременности. Мы вышли от врача спокойные, но каждый из нас думал о своем.

На обратном пути мы стали обсуждать, было или не было случайным совпадением то, что у Джулии появились признаки беременности одновременно с беременностью Рафики. Да нет, конечно: мы были так взволнованы перспективой появления детенышей у львицы, что вечерами только об этом и говорили. Разумеется, наши волнения и эмоции нашли отклик и в организме Джулии.

Признаки беременности Джулии быстро сошли на нет. И все же эта странная ситуация заставила меня почувствовать, что мы сами еще недопонимаем, до какой степени переплелись наши и львиные жизни - видите, даже признаки беременности! Кто знает, может, я ошибаюсь. Но в любом случае странно, что и у Джулии, и у Рафики почти одновременно появились признаки ранней беременности.

Глава десятая. ОХОТНИКОВ ЗА БИВНЯМИ - ПОД СУД!

Нельзя прожить жизнь в Африке, не проникнувшись нежной привязанностью к слонам. В конечном счете, их огромные стада - последний оставшийся среди нас символ свободы.

Ромейн Грей. Корни рая

Хотя наша книга посвящена прежде всего львам и нашим взаимоотношениям с ними, я чувствую, что мой рассказ был бы неполным, если бы я умолчал о том, чем больше всего славится Тули - своими замечательными стадами слонов, ставших как бы "серыми духами" земли Тули. В африканских слонах, с которыми мы с Джулией сталкивались почти ежедневно, пожалуй, даже больше, чем во львах, отразились проблемы дикой фауны по всему Африканскому континенту.

У слонов немало общего с человеком. Они, как и мы, - общественные животные, живут, как и мы, сплоченными семейными группами. Самки становятся половозрелыми примерно в том же возрасте, что и молодые женщины. У слонов, как и у людей, горячая привязанность и любовь к своим родным. Они плачут горючими, солеными слезами, если попадают в травмирующую ситуацию или в неволю. Они, как и мы, понимают, что такое смерть, и скорбят об умерших. Как мы ходим на кладбища помянуть усопших, так и они приходят туда, где починут их сородичи, и трогают голые кости покойных.

Возрастание нашего понимания слонов, их житья-бытья помогает человеку осознать, что, в сущности, мы не так-то уж и отличаемся от других форм животной жизни. Именно комплекс нашей человеческой неполноценности, а не доказанные факты внушили нам мысль о существовании огромного разрыва между тем, что есть животное начало, и тем, что есть человеческое.

В начале 1980-х годов, когда я попал впервые в Тули, самым большим вопросом здесь были периодические всплески браконьерской охоты за слоновой костью. Автомат "АК-47", в прошлом символ борьбы Африки за независимость, теперь стал символом террора. Этого оружия по-прежнему полно, и его легко достать из-под полы по сходной цене. "АК-47" сыграл

роковую роль в судьбе слонов и многих других животных. По оценкам на конец 1970-х годов, число слонов на континенте доходило до одного миллиона двухсот пятидесяти тысяч. Теперь же их едва шестьсот пятьдесят тысяч.

Слоны Тули тоже гибли от "АК-47". Помню, когда в 1980-е годы я ходил с патрулем вдоль реки Питсани, мы нашли пять лишенных бивней погибших слонов с раскроенными черепами. От мертвых слонов тянулся едва заметный след браконьеров, но, пока я занимался расследованием, они успели уйти куда-то в глубь Зимбабве или затеряться среди скотоводческих ферм. Среди погибших слонов была беременная самка; во тьме ночи здесь всласть попиروвали гиены, и я увидел почти доношенного слоненка, истерзанного зубами хищников. Порой я становился свидетелем страшного зрелища, когда браконьерские пули только ранили слонов, и быстрая смерть была бы для них избавлением от мук.

Как-то утром, сопровождая по заповеднику группу гостей, я наткнулся на крупного самца. Его движения показались мне какими-то скованными, и я подъехал поближе выяснить, в чем дело. Оказалось, он был тяжело ранен браконьерскими пулями. Почуввав наше присутствие, он явно хотел атаковать, но на его движения жалко было смотреть. Я поставил в известность инспекторов, но найти слона в этот день не смогли.

Два дня спустя я отыскал его в кустах. Он был мертв и уже истерзан хищниками. Мучения, которые выпали на его долю, не поддаются описанию.

...С тех пор вступил в силу международный запрет на торговлю слоновой костью, но тревоги борцов за охрану природы во многих странах юга Африки на этом не закончились. В голове у многих прочно засела идея "использования" дикой фауны. В национальном парке Крюгера, расположенном примерно в двухстах восьмидесяти километрах от Тули, по-прежнему практикуется "выбраковка", точнее, плановый забой слонов. По моему мнению - просто убийство. Жажда экономической выгоды плюс мысль о том, что численность слонов в национальном парке должна поддерживаться на "соразмерном" уровне, - и вот уже вертолеты гонят слонов целыми семьями на поля для отстрела. Находящиеся в страшном шоке животные собираются в оборонительные группы - слонят в середину, взрослых вокруг, - и тут по ним стреляют лекарством, расслабляющим мышцы. Иногда детенышей щадят, но эта милость страшнее смерти. Ведь на глазах детенышей люди расстреливают пулями их матерей, братьев и сестер, которые видят и понимают все, но не могут спастись, потому что наркотик парализовал им мышцы. Кто в этой ситуации больший зверь - человек или животное, - уж вы решайте сами.

Потом детенышей увозят для продажи. До самого недавнего времени их продавали циркам и зоопаркам, то есть обрекали на пожизненное заключение. Теперь, правда, вошла в практику продажа их другим заповедникам - "для восполнения поголовья". Но и это - дополнительная травма для детенышей, только что переживших бойню на кровавых полях. В результате они делаются крайне пугливыми - едва слышав шум машины, они удирают прочь и, как правило, уходят жить в самые недоступные для человека уголки заповедника. Это все равно как взять человеческих детей, на глазах которых расстреляли родителей, и отвезти жить туда, где не будет ни заботы, ни защиты, ни ласки взрослых... Душевные раны при этом такие, что затянутся не скоро. Между прочим, в заповеднике Крюгера было случайно открыто, что в результате плановых "выбравок" самки начинают приносить детенышей в более молодом возрасте - как бы

стремясь восполнить убыль...

Знаменитая "приемная мама" осиротевших слонят и детенышей носорогов Дафна Шелдрик, которая впервые успешно принялась выкармливать осиротевших вскоре после рождения слонят и детенышей носорогов, научила меня (как в устной форме, так и по переписке), что необходимо детенышам. Подвиг Дафны и ее кенийских коллег наглядно показал, что в крупных заповедниках слоны - это не "живые бульдозеры", как их описывают некоторые - мол, сметают все на своем пути и разрушают среду обитания, - а подобны "стражам Эдема".

В течение уже свыше сорока лет в огромном национальном парке Цаво Дафна и ее коллеги наблюдают за воспроизводством и восстановлением поголовья слонов в дикой природе. Примерно раз в сотню или более лет природа естественным образом регулирует численность слонов - наступающая засуха вызывает естественную убыль слонов. Слоны держатся около берегов рек и, естественно, не могут обеспечить себя достаточным кормом. Дафна рассказывала мне, как они, слабея, все больше спят и однажды не просыпаются. С засухой, случающейся примерно раз в сто или более лет, изменяется и среда обитания. Потом травяной покров восстанавливается - а благодаря уцелевшим слонам восстанавливается и растительный мир: проходя через кишечник слона, семена деревьев прорастают, падают на землю вместе с навозом, - и здесь за дело принимаются навозные жуки: они закапывают в землю семена вместе со своими личинками. Таким образом, сотни тонн навоза попадают в землю, удобряя ее. Природа никогда не бывает безрассудна.

Вернемся к слонам Тули - вопрос "браковать или не браковать" часто обсуждается в кругах землевладельцев. К счастью, международный запрет на торговлю слоновой костью устранил финансовую мотивацию "выбраковки" слонов Тули, а "оправдание", с экологической точки зрения, самоустраняется, если поверить в философию Дафны Шелдрик. Как я уже упоминал, она открыла мне глаза и просветила насчет потребностей детенышей слонов. Это стало частью моей общей "переподготовки". Поскольку я долго работал в условиях юга Африки, мне внушали, что "манипулирование" дикой природой - вещь нужная и необходимая. А когда есть только одно мнение и нет возможности выслушать другую сторону, поневоле поверишь. А Дафна Шелдрик открыла глаза на многое.

В настоящее время слоны Тули осваивают куда большую территорию, нежели заповедники на территории Ботсваны и Зимбабве общей площадью 1200 кв. км, - идет реколонизация ими территорий, где когда-то жили их предки и откуда они, преследуемые людьми, уходили в Тули. Инспекции слоновьих стад с воздуха, проводимые в последние десять лет, показали, что за это время число слонов на ботсванской части территории Тули не возросло, а держится постоянно на уровне около шестисот пятидесяти.

Другое указание на симбиоз слонов с окружающей средой Тули был открыт моим другом Крайзом Стайлсом. Крайз побывал в "Таване", когда работал над магистерской диссертацией - он изучал различные аспекты влияния крупных животных на растительность. У некоторых людей при виде сломанного или ободранного дерева возникает одна мысль: слоны виноваты. Отсюда - "слишком много слонов", "пора отстреливать"! Крайз пошел дальше этих рассуждений, и ему многое открылось. Например, в Тули есть большие территории, где происходит задержка роста деревьев мопана. В этом обвиняли "разрушительное влияние слонов". Крайз открыл, что и антилопа канна также повинна в низкорослости деревьев мопана.

Они просто объедают их сверху, так что они никогда не вырастают до высокого уровня и выглядят как стриженная живая изгородь. Более того - в этом, оказывается, заключен не негативный, а позитивный смысл. Крайз открыл, что в конце зимы, как раз перед зимними дождями, когда земля находится в самом бедственном положении, эти "укороченные" деревья неожиданно покрываются листвой гораздо раньше, чем высокие деревья мопана, - а это богатый и доступный источник корма для истощавших за зиму листопадных.

Будущее слонов Тули так же неопределенно, как и во всей остальной Африке. Нет гарантий, что вновь не возобладает идея выбраковки, да и вспышки браконьерства можно ожидать в любое время. Поскольку во всех частных заповедниках Тули отсутствует штатная антибраконьерская работа (только в заповеднике Чартер основанная нами команда регулярно патрулирует большую территорию), слоны в Тули находятся под угрозой. Правда, к счастью, в заповеднике расквартирована бригада Сил обороны Ботсваны - в случае появления браконьеров она может быть усилена самолетом-разведчиком.

И наконец еще один сюжет о браконьерстве. Вот что мне рассказали о страшном случае, происшедшем всего несколько месяцев назад.

Туристы, находившиеся в лагере, почувствовали сильный запах тлена. Источник запаха оказался на некотором расстоянии от лагеря - это был огромный слон-самец, возможно, самый крупный во всем регионе. Он страдал от невыносимой боли. Держа хоботом ветку дерева мопана, он постоянно чесал ею свою громадную голову. Его голова гноилась от абсцесса, в ней уже кишели черви. Слона пришлось пристрелить, и при исследовании оказалось, что причиной его страданий были браконьерские пули - попавшие в голову, но не дошедшие до мозга.

Я боюсь за будущее слонов Тули. Если браконьерская охота за костью примет организованный характер, то из-за легкой досягаемости этой территории много их будет перебито, прежде чем удастся навести должный порядок.

Глава одиннадцатая. И ВОТ НАСТАЛО ВРЕМЯ СЛЕЗ

...У Природы, чьи сладкие дожди одинаково падают на праведника и на грешника, всегда найдутся расщелины в скалах, где я смогу спрятаться, тайные долины, в тиши которых я смогу поплакать и не буду никем потревожен. Она навесит надо мною звездную ночь, чтобы я мог под покровом тьмы уйти, но не споткнуться на дороге, освещаемой луной. Она найдет ветер, который занесет мои следы, чтобы никто не смог найти меня и причинить мне боль.

Оскар Уайльд

К маю 1991 года у нас с Джулией были все основания гордиться

результатами наших усилий как в львиной программе, так и в работе по заповеднику в целом. В первые пять месяцев года финансируемая и обученная нами антибраконьерская команда обезвредила свыше 5900 ловушек и капканов, немало и самих браконьеров было арестовано и передано в руки полиции. В свою очередь, численность львов в Тули достигла новой вершины: если восемнадцать месяцев назад в Тули было всего двадцать пять львов, то к маю 1991 года, по моим оценкам, их число возросло до сорока трех, включая детенышей.

К этому времени Рафики и Фьюрейя полностью достигли независимости, были счастливы, и обе носили детенышей. Батиан, превратившийся в прекрасного златогривого принца, регулярно уматывал на север, на зимбабвийскую территорию Тули: он наконец нашел себе подругу. Возвращаясь с амурных походов, усталый, но довольный Батиан особенно сердечно приветствовал меня, терся желто-коричневой головой и сладко ворчал от удовольствия. Глядя на царапины, оставленные его нежной подругой, я улыбался.

Сцена ухаживания у львов начинается с резкого отпора со стороны самки, которое в дальнейшем сочетается с ярко выраженным флиртом. Молодой и, возможно, особенно жаждущий любовных утех Батиан получал когтистой лапой куда больше, чем можно было бы ожидать от львицы. Но ни удары, ни царапины, наносимые возлюбленной, по-видимому, не беспокоили его.

В общем, у нас с Джулией началась блаженная пора среди дикой природы Тули. Но недолго продолжались эти денечки: черное облако, принесшее скорбь и смерть, затмило их.

Первый удар настиг нас однажды ранним утром в конце мая. Когда небо окрасилось в оранжевый цвет и солнце вот-вот должно было показаться из-за горизонта, я услышал с востока грозное рычание дерущихся львов. Сначала я подумал, что это наша тройка решила пошуметь из-за добычи: пошумят и успокоятся. Тем не менее скандал продолжался, становясь все более глубоким и напряженным. В львином реве слышались ярость, отчаяние и чувство опасности. Я схватил ружье и со всех ног кинулся туда, откуда доносились зловещие звуки. До меня долетел еле слышный голос Джулии, призывавший меня быть осторожнее. Я ничего и слышать не хотел: мне страшнее всего было за львов.

Едва я достиг берега реки, протекавшей где-то в двух сотнях ярдов от лагеря, мне навстречу бросились две золотые фигуры - это были мои львицы. У обеих были окровавленные морды и набитые до отказа животы - значит, они только что отобедали. Не забуду, как я - преждевременно! - вздохнул с облегчением, когда они стали взволнованно об меня тереться. "С ними все в порядке", - подумал я тогда.

Пока львицы терлись об меня, мои мысли вернулись к Батиану. Словно угадав, о чем я думаю, Рафики и Фьюрейя закончили свои приветствия и пошли в том направлении, откуда пришли. Я в тот момент не понял, что обе сестрички ведут меня туда, где лежал их израненный брат.

Я последовал за львицами и несколько минут спустя увидел впереди себя среди низкорослых мопановых деревьев трех шакалов. Как ни странно, львицы принялись ходить кругами вокруг того места, где, как я думал, лежала их добыча. Львицы повели меня в холмы, когда с южной стороны до меня издали донеслось ворчание двух львов. Услышав эти звуки, Фьюрейя и Рафики остановились, прислушались, а затем бросились в северном направлении. Я не стал следовать за ними. Я был уверен, что

только что произошла схватка между моими львами и теми, что забрели в самую глубь их территории. В душу мою закралось подозрение, что Батиан попал в переделку и потом ушел именно туда, где я видел шакалов и где осторожно ходили кругами львицы.

Я вернулся на старое место и снова увидел ошивавшихся там шакалов. При моем появлении они дали деру. И тут я увидел льва. Он лежал на земле в тридцати метрах, с приподнятой головой, но незрячими глазами.

Я остановился, ошарашенный, думая об одном: только бы не самое худшее! Но увы, это был Батиан. Его рассудок был помутнен, а черты искажены тяжелейшим шоком и физическим увечьем. Я вошел в тень, где лежал мой лев, мой Батиан, склонил перед ним колени, нежно зовя по имени, глядя по голове, - и разрыдался! Сквозь слезы я видел, сколь чудовищны были раны. Хвост у него был откушен и валялся невдалеке на каменистой почве. От него остался только кровоточащий огрызок в восемь дюймов, весь покрытый глубокими следами зубов.

Я аккуратно откинул Батианову гриву и увидел на задней стороне шеи следы от глубоко вонзавшихся в нее клыков, оставивших месиво из оголенных рваных мышц. Его желто-коричневое тело было исполосовано длинными кровоточащими порезами, косыми ранами.

Вскоре я понял, что произошло. Мои львы, поедая добычу, были застигнуты врасплох двумя молодыми самцами. Львицы удрали, а Батиан - один против двоих - сцепился в непродолжительной, но яростной схватке. Потом он инстинктивно отступил перед превосходящими силами противника, чтобы защититься от смертоносного укуса в нижнюю часть позвоночника, который, очевидно, намеревались нанести ему нападавшие. В этой короткой схватке Батиан явил невероятное мужество, свидетельством чему был хотя бы тот факт, что он вышел из борьбы живым. Но, вступив в схватку один против двоих противников, каждый из которых был равным ему по силе, он обрек себя на тяжкие увечья.

Львы, атаковавшие Батиана, быстро вернулись на юг, откуда пришли, - возможно, их смутило мое появление, а возможно, они просто неуверенно чувствовали себя на чужой территории. Это их короткие позывные тогда донеслись до меня из долины. Против ожидаемого, они больше никогда не углублялись на территорию, освоенную моими львами, - это доказывает, что причиной инцидента явились не территориальные споры, а просто жестокость природы.

Я долго сидел около Батиана, пытаюсь его успокоить и собираюсь с мыслями, потом встал и помчался в лагерь. Джулия хлопотала по кухне. Сбиваясь, я поведал ей обо всем, что произошло, и слезы снова застлали мне глаза. Не забуду, как я сказал ей в отчаянии:

- Боюсь, что он умрет.

Но в самую злую из горьких минут судьба повернулась нам навстречу. Мой друг-ветеринар Эндрю Мак-Кензи оказался в это время в лагере, с которым у нас была радиосвязь. Пока Джулия вызывала Эндрю на помощь, я сунул в мешок миску и канистру с водой и со всех ног поспешил назад к Батиану. Эндрю немедленно отозвался и сообщил, что скоро будет у нас и захватит все необходимые антибиотики.

Когда я вернулся к Батиану, я попытался уговорить его попить, но безуспешно. Впрочем, его глаза выглядели не столь уж остекленевшими, и я почувствовал, что, хотя он все еще находился в шоке, он понял, что я рядом.

Потом, услышав, как к лагерю подъехала машина, я бросился туда

встретить Эндрю. Когда я вкратце рассказал ему, что за раны получил Батиан, его лицо нахмурилось. Эндрю и Джулия сели в наш пикап, а я шел пешком, показывая дорогу к Батиану.

Сначала Эндрю изучил состояние Батиана в бинокль. Он приготовил шприц с дозой антибиотиков и сообщил Джулии, что усыпить и отвезти его в безопасное место, то есть в загон в лагере, будет небезопасно. При таком шоке применение наркотика окажется фатальным.

Эндрю вручил мне шприц, и я медленным шагом направился к Батиану. Ласково разговаривая с ним, я ввел ему большую дозу антибиотиков; похоже, он и не почувствовал иглу. Кроме того, я посыпал антибиотиком раны на его шее и обрубок хвоста. Потом я натянул над ним старую палатку, чтобы создать густую тень и тем самым предохранить его организм от обезвоживания под палящими лучами солнца. Покончив с этим, я стал уговаривать Батиана попить: конец, если его организм окажется обезвоженным. Я поставил ему миску у самой пасти, и он чуть-чуть полакал. Чтобы ему было хоть чуть попрохладнее, я побрызгал водой ему на голову и на тело, мягко поглаживая шерсть, чтобы вода растеклась по шерсти и по шкуре.

Во второй половине дня Батиан, несмотря на увечья, показал, что дух его не сломлен. Он встал, подрагивая, на свои некогда сильные лапы и проковылял несколько шагов к ближайшим мопановым кустам. Но там он рухнул на землю, тяжело дыша - должно быть, от страшной боли.

Эндрю сказал мне и Джулии, что он вернется через несколько дней, чтобы ввести Батиану транквилизатор - это даст возможность доставить его в лагерь и прооперировать. Но сначала нужно, чтобы Батиан вышел из состояния шока.

В этот вечер я отправился к Батиану дежурить около него. Я боялся, что беспомощный зверь привлечет внимание гиен или что вернутся эти два молодца. Когда спустилась ночь, я зажег бензиновую лампочку, которую поставил недалеко от себя, чтобы мне было видно Батиана. В эту ночь я неоднократно предлагал моему истерзанному другу попить из пластмассовой миски. Ни львы, ни хохочущие стаи гиен не появлялись, только стадо слонов немного побеспокоило меня во мраке ночи. Я услышал совершенно внезапно, как это часто бывает, что они вокруг меня обрывают листья с деревьев мопана невидимыми хоботами, переговариваясь резонирующими в воздухе звуками. Слоны подошли неслышно и стали кормиться неподалеку от того места, где находился я. Я сидел тише воды ниже травы, и у меня отлегло от сердца, когда стадо столь же неслышно ушло прочь. Если бы они почуяли наш запах и напали, нас с Батианом ничто не спасло бы. К счастью, стадо вскоре снялось с места, и я стал поклевывать носом.

Когда занялась заря, я оставил Батиана и вернулся в лагерь. Джулии пришлось провести ночь одной, но это не беспокоило ее: все мысли ее были со мной и Батианом, находившимися посреди дикой природы.

Позже Джулия отправилась в Понт-Дрифт, а оттуда в городок Оллдейз, чтобы закупить мяса для Батиана и кое-каких припасов для нас. Я же провел день подле Батиана, который успокаивался все больше и больше и хоть иногда лакал из миски.

Во второй половине дня, побыв немного с Джулией, вернувшейся из шестичасовой поездки, я попытался уговорить Батиана поесть мяса, но он не проявил к этому ни малейшего интереса. Я заметил собирающихся на окружающих кустах крупных зеленых мух с металлическим отливом и

содрогнулся. Эти мухи откладывают яйца в открытые раны и в гнилое мясо. Яйца быстро превращаются в алчных личинок, которые устраивают пиршество и в результате достигают полудюйма в длину. Я осмотрел Батиана и обнаружил кладки желтых яиц возле круглых порезов в области шеи и в других местах. Я принялся вычищать яйца, но некоторые прочно засели в Батиановой гриве.

Спустилась ночь, и я сел рядом с Батианом поговорить с ним, чтобы утешить. Я говорил ему о стольких страницах своей жизни, которые разделил с ним. Я нежно шептал ему, сколько подвигов он совершил, прежде чем стал прекрасным принцем; о том, как мы с ним ходили на север и как я слушал его зов, растекающийся по долинам "Таваны" и Питсани; о том, как наши патрули оберегают его владения, его земли. Потом я ненадолго уснул; проснувшись около двух ночи, засветил фонарь, чтобы осмотреть Батиана. Направив свет на его тело, я, к своему ужасу, обнаружил множество белых личинок, копошащихся в его ранах. Зрелище было отталкивающим. У меня в мешке был бренди, и я понемногу обработал им каждую рану. Затем с помощью ножа принялся вычищать личинок, но успех оказался лишь частичным: многие остались глубоко в ранах.

На следующее утро Джулия снова пустилась в шестичасовую поездку в поисках лекарства против заражения личинками. Накануне ночью Рафики, которая была уже на сносях, пришла в лагерь и утром еще находилась поблизости. Когда Джулия уехала, я повел львицу туда, где находился ее брат, с надеждой, что, увидев сестру, Батиан хоть чуточку воспрянет духом. Но, увидев братца, Рафики занервничала. Он не только изменился внешне, но и утратил способность изъясняться языком движений. Из-за этого Рафики оказалась насторожена и немного порывивала. Потом она легла и устала на меня, когда я уселся рядом с Батианом.

Поездка Джулии увенчалась успехом - она привезла отличный порошок от личинок. Я посыпал этим серым снадобьем раны Батиана, и тут же личинки стали выпадать, извиваясь в Батиановой шкуре, прежде чем упасть на землю. Но перед тем, как я привел снадобье в действие, Батиан смог встать и даже попробовал потянуться всем своим ноющим телом. Затем он лег и принялся облизывать раны - все признаки, что шок проходит.

Этой ночью я снова уговаривал его попить и с помощью шприца впрыскивал ему в рот смесь регидрационного раствора с водой. На заре он поплакал немного воды и даже поел печенки, сердца и почек. Весь следующий день я вливал ему в рот регидрационный раствор. Чаще всего он проглатывал жидкость, но когда он слабел, жидкость вытекала из пасти и образовывала влажные круги вокруг того места, где лежал его подбородок.

Эндрю должен был вернуться на следующий день, и мы с Батианом провели последнюю ночь вместе. Я хотел только одного - чтобы быстрее текли ночные часы, но утро все никак не хотело наступать. Я так волновался за Батиана, что у меня стали сдавать нервы.

Мое нетерпение явилось отчасти результатом усталости и волнения, но в большей степени виной тому был страх потерять Батиана. Он был мне как сын-первенец.

Согласно инструкциям, полученным от Эндрю, когда заря наконец взошла, я не предпринимал попыток кормить Батиана до тех пор, пока ему не будет введен транквилизатор. Эндрю прибыл в наш лагерь в компании Филадельфии, фотографа дикой фауны, который должен был выступить в роли

ассистента. Обменявшись приветствиями, мы выехали на нашем пикапе к Батиану. Эндрю снова вручил мне шприц, на этот раз наполненный транквилизатором, и я сделал Батиану укол. Тот впал в глубокое бессознательное состояние. По моему сигналу Эндрю подал машину. Мы перекатали зверя на расстеленное одеяло; каждый из нас взялся за угол, и мы, хоть и не без труда, но погрузили его в кузов и вернулись в лагерь.

Эндрю пробурчал, что состояние хвоста Батиана крайне тяжелое. Но глаза страшатся, а руки делают - в течение двух с половиной часов Эндрю оперировал Батиана в кузове нашего пикапа. Много из того, что еще оставалось от Батианова хвоста, пришлось ампутировать: он был гангренозным. Очевидно, Эндрю не хотел тешить меня ложной надеждой. Я знал, что состояние Батиана критическое, и Эндрю откровенно заявил мне об этом, добавив, впрочем, что он делает все возможное. Три литра раствора глюкозы было влито в моего вконец обезвоженного льва, и я желал, чтобы каждая капля придала ему сил. Удалив два позвонка Батианова хвоста, Эндрю тщательно зашил рану и занялся остальными.

Эндрю трудился напряженно и кропотливо. Чем дальше, тем он больше хмурил брови, что меня крайне беспокоило - я чувствовал, что это могло означать. Когда работа была полностью окончена, мы отнесли Батиана в тот же самый загон, где он вместе с сестричками, подрастая, резвился полтора года назад, и оставили отходить от действия наркотика. После операции я почувствовал больше оптимизма. У меня была колоссальная вера в Батианово мужество и желание выжить.

На следующее утро глазам Эндрю предстало зрелище, которого, я чувствую, он не забудет никогда. Я спозаранку вошел в загон и позвал Батиана. К нашему изумлению, этот отважный, закаленный в боях бесхвостый лев поднялся и, хотя лапы у него дрожали, все же вдохновенно шагнул навстречу и поприветствовал. Я увидел за оградой загона реакцию Эндрю и Джулии, наблюдавших за сценой. У Джулии, не говоря уже об Эндрю, лицо сияло от счастья, как и у меня.

Я обнял своего истерзанного друга; он же, со сгорбившейся спиной, несмотря на ноющее тело, направился туда, где у него всегда стояла миска с водой, и принялся с жадностью пить. Затем он впервые с начала кризиса по-настоящему поел мяса. Так повторилось и на следующий день, и даже ночью он отыскал приготовленный для него кусок мяса - я специально повесил его для Батиана, так что в эту ночь он впервые отыскал мясо самостоятельно.

Однако на третий день после операции его состояние ухудшилось. Сиявшая в нем яркая искра жизни померкла. Он почти не пил и совсем отказался от еды. Даже появление Рафики в тот вечер у дверей загона не слишком-то подняло его дух. В отчаянии, чтобы как-то поддержать Батиана, я смешал в миске шесть яиц и влил ему в рот, памятуя, что он, будучи детенышем, почему-то обожал яйца. К моему изумлению и облегчению, он принялся жадно лакать и быстро покончил с содержимым миски. Я отдал ему все яйца, что у нас были, а на следующий день Джулия снова пустилась в шестичасовую поездку - за яйцами.

В эту ночь Рафики снова появилась в лагере. Попив воды, она кратенько поприветствовала меня и тут же умчалась, дав понять, что следовать за ней не нужно. В эту прохладную ночь она родила четырех детенышей. Я не видел ее еще четыре дня: она с малышами укрылась в тщательно подобранном месте менее чем в двух километрах от "Таваны".

За эти дни здоровье Батиана значительно улучшилось. Ночью он слопал почти все мясо, что я положил на одеяло, которое я постелил для него после операции. Рождение детенышей у Рафики и улучшающееся самочувствие Батиана - все это несло нам надежду.

Рафики не появлялась в нашем лагере в общей сложности пять дней. Но вот утром я услышал, как лев пьет из миски. Поначалу я подумал, что это Батиан - у него уже не было необходимости оставаться в загоне, и он мог отходить на короткие расстояния от лагеря. Выйдя на звон миски и плеск воды, я увидел Рафики - похудевшую, с сосцами, отягощенными молоком!

Я тут же вышел к ней и поначалу удивился, что она очень кратко поприветствовала меня, а затем быстро помчалась на север. Чуть позже она остановилась, обернулась, посмотрела на меня и вновь поприветствовала - на этот раз от всего сердца, как всегда. После приветственной церемонии она не возражала, чтобы я последовал за ней посмотреть малышей. Пока мы шли в северном направлении, она время от времени останавливалась и оглядывалась, позволяя себя догнать. Но когда мы дошли до пересохшего русла, она затерялась где-то в зеленых и желто-коричневых прибрежных зарослях.

Осмотревшись, я тихонько позвал ее по имени и услышал с правой стороны, как она мне тихонько отвечает. Рафики была там, на дне ямы, под защитой колючего кустарника. Я спустился к ней, сел рядом и застыл в восхищении: она показала мне изящно сложенного, очаровательного львенка.

Я не задержался у нее долго и, исполненный волнения и гордости, вернулся к Джулии и все рассказал. Мы оба не смогли сдержать слез - как долго мы ждали этого момента, момента одной радости на двоих! Позже я вернулся к Рафики и, тихо усевшись наблюдать, увидел еще двоих детенышей, глаза которых были плотно, закрыты. Рафики, сидевшая с ними рядом, была само совершенство.

Вот отрывок из моего дневника - строки, записанные в этот особый для меня день, когда я был на вершине блаженства: "Кому еще достанется привилегия сидеть на берегу реки и без страха, но с гордостью наблюдать за львицей и ее детенышами. И какое невероятное чувство охватывает меня, когда Рафики, оставив своих детенышей, бежит приветствовать меня. В этом - какое-то волшебное переплетение наших жизней".

Когда на следующий день я пошел навестить Рафики, то увидел, что на самом деле детенышей было четверо, но один был неживой. Я наблюдал за тем, как Рафики постоянно лизала его крапчатую спинку и маленькое белое брюшко. Должно быть, этим она думала воскресить его.

Я помню, как пятью месяцами ранее, родив неживого детеныша, она съела его. Впрочем, сначала она повела меня и Батиана к тому месту, где он родился. Вспомнив об этом, я ожидал, что Рафики сегодня же съест и этого, но ошибся. Вечером, когда я покинул ее, она по-прежнему лизала ему тельце. Я принялся думать, что запах привлечет к месту, где у нее лежали детеныши, других хищников, и в первую очередь леопарда. Если леопард учует оставленных без внимания детенышей, то он их всех слопает. Назавтра, едва забрезжило утро, я поспешил к Рафики и ее детенышам. Когда я приблизился к руслу и уже хотел спускаться, я услышал справа над собой странный звук. С соседнего дерева спрыгнул

небольшой леопард. Едва коснувшись земли, он прыгнул через высохшее русло и исчез, словно вспышка молнии.

Я испугался, не случилось ли самого худшего: близость леопарда к месту рождения львят предвещала беду. Я пошел быстрым шагом к устроенному Рафики материнскому гнездышку, опасаясь больше не увидеть там детенышей. Но какова была моя радость, когда я увидел там Рафики и неуклюже цеплявшееся за нее потомство. Я уселся рядом и увидел, что мертвого детеныша она по-прежнему держит в лапах. Потом она встала, потянулась всем своим затекшим телом и вышла мне навстречу.

Вернувшись, она опять стала лизать мертвого детеныша.

Час спустя она все-таки принялась его пожирать. Зрелище было хоть и печальным, но вполне естественным. Детеныш был частью Рафики - он возрос внутри нее, и, съев его, она возвратила затраченные на него соки. Кроме того, она предотвратила появление хищников, которых мог бы привлечь запах тлена.

Хотя от мертвого львенка не осталось и следа, я по-прежнему боялся возвращения увиденного мной леопарда. Было ли случайным его появление, или же он нашел материнское гнездышко Рафики по запаху мертвого львенка? Что, если он вернется и будет терпеливо ждать, пока Рафики отлучится на охоту, чтобы полакомиться беззащитными существами?! К счастью, опасный зверь больше не возвращался, а львята подрастали не по дням, а по часам.

В это время Батиан после операции поправлялся и становился сильнее. Впрочем, раны на задней части шеи по-прежнему гноились, и каждый день я их дезинфицировал. Но никто так не способствовал их заживлению, как сам Батиан. Он часами лежал на спине белым пузом вверх, комично раскинув задние лапы по обе стороны. Я чувствовал, что он знает, что эта поза благотворно подействует на исцеление его шеи, так как гнойная жидкость сама будет вытекать. Хотя аппетит у Батиана существенно улучшился, я по-прежнему давал ему ежедневно болтушку из девяти яиц, и он вылизывал ее из миски, которую я держал под его белым подбородком.

Однажды вечером, после того, как я выдал Батиану порцию этого целительного лакомства, в лагере появилась Фьюрейя - она еще не разродилась и была по-прежнему на сносях. Она с энтузиазмом приветствовала меня, но на Батиана взглянула по-иному. К счастью, ему удалось разогнуться из неподвижного, скрюченного положения и приковылять к любимой сестре. Но как только он шагнул вперед, она припала к земле, шипя и обнажив свои могучие клыки. Ясное дело, причиной такой реакции Фьюрейи была изменившаяся внешность Батиана и невозможность прежнего поведения. Но Батиан двигался ей навстречу. Фьюрейя зашипела сильнее. Я отошел назад, и она тоже ретировалась и прижалась ко мне. Это был напряженный момент. Я попытался было успокоить Фьюрейю, чтобы она, чего доброго, не бросилась на своего и так покалеченного братца, но как раз в этот момент я услышал шум подъезжавшей к лагерю машины. "Кого там черт принес?" - пробурчал я про себя.

Из-за особого характера нашей работы со львами к нам в лагерь редко кто приезжал, не уведомив об этом предварительно, да так оно и было нужно. Тем более, когда ситуация в лагере и вокруг него была особенно напряженная: Рафики только что родила, Фьюрейя была на сносях, а Батиан только-только выкарабкивался из тяжелейшего состояния. Короче, время для визитов было самое неподходящее, разве какое срочное дело

привело к нам гостей.

Фьюрейя по-прежнему шипела у моих ног, а я попросил Джулию, наблюдавшую из-за ограды лагеря, - кто бы ни приехал, разъяснить ситуацию и потребовать удалиться. Что касается меня, то я буду рад назначить гостям встречу на берегу реки Питсани, как только ситуация со львами это позволит.

Джулия направилась к воротам, встретила машину и передала мое сообщение. Я ждал, что машина отъедет, но вместо этого голоса ее пассажиров зазвучали еще громче. К тому же я опасался, как бы между Батианом и Фьюрейей не разразился скандал, и это едва не вывело меня из себя. Тут вернулась Джулия - я чувствовал, что увижу ее взволнованной, да так оно и оказалось.

- Это мистер Ю (член Комитета землевладельцев Тули) и его друзья. - сказала она. - Я разъяснила ему ситуацию, а он настаивает: "Сообщите Гареу, что приехал мистер Ю и хочет поглядеть на Батиана".

Я был вне себя от ярости. Уже сколько времени, как было оговорено, что процесс работы со львами предусматривает сведение к минимуму контактов между ними и людьми, кроме нас с Джулией. Между тем Батиан продолжал продвигаться вперед, шипение позади меня усиливалось, и я попросил Джулию объяснить господину Ю, что ввиду сложившейся ситуации допустить его с друзьями в лагерь нет никакой возможности, и повторить, что, как только позволят обстоятельства, я буду рад встретиться с ним на берегу реки Питсани. Наконец машина уехала прочь, Джулия вернулась ко мне. Вид у нее был хмурый.

Видимо, из-за сорвавшегося визита в "Тавану" этот важный господин из Йоганнесбурга уронил свой авторитет в глазах друзей, оттого и уехал злой как черт. Этот инцидент подлил масла в огонь обиды, которую землевладельцы Тули затаили на нас с Джулией. Время было вдвойне напряженное, так как Комитет землевладельцев Тули навязал мне условия, по которым, прежде чем опубликовать любую работу о заповеднике (включая публичные интервью и обращения к правительству Ботсваны), я должен был сперва согласовать это с Комитетом - такова была реакция Комитета землевладельцев на мои прочувствованные апелляции к общественности, призывающие обратить внимание на положение дел в Тули!

х х х

Примечательно, что уже на четвертую неделю после кровавой драки и операции Батиан снова стал на целые дни уходить далеко от "Таваны". Его опасные раны хорошо заживали, он снова набрал вес, и мускулы его сделались, как прежде, отчетливыми и упругими.

Кое-кто подумывал, что Батиан уже никогда не сможет адаптироваться к жизни дикого льва; были и такие, кто внушал мне, что потеря хвоста сильно уронит его авторитет среди других львов.

Тем не менее Батиан адаптировался к нормальной жизни. Пришло время, и он уже мог бегать быстро и без затруднения. Впрочем, один из негативных эффектов потери хвоста вскоре стал очевиден: ему больше нечем стало сгонять со своей спины назойливых мух. Мухи наседали, а он мог только беспомощно вертеть обрубок, от которого толку было чуть. Не в силах видеть, как мухи мучают несчастного льва укусами, я, стиснув зубы, сгонял их сам.

Тело Батиана заживало быстро, и я не уставал удивляться его

мужеству. Ни неравный бой, ни травма не расшатали ему нервную систему, не подорвали дух, не разрушили в нем чувство хозяина своей территории - ведь после таких передраг иные львы со страхом глядят на забредающих на их территорию соперников. Напротив - как только его раны затянулись, он снова стал громко рычать, оповещая всех на многие километры о своем присутствии, и снова стал метить любимые кусты, восстанавливая владение долинами "Таваны" и Питсани.

Я с гордостью и облегчением наблюдал за его поведением. Своей отвагой в бою, выздоровлением после травмы и смелой борьбой за восстановление территориальных прав он учил меня мужеству - подлинному мужеству, которое через каких-нибудь несколько месяцев поможет мне совладать с накатившимся на нас горем и скорбью...

Но вернемся к сестрам моего славного друга. Однажды вечером, когда Батиан ушел в северном направлении - не иначе как на поиски своей львицы, - я повел Фьюрейю туда, где находилась Рафики с детенышами; я решил, что, поскольку Рафики меня так хорошо приняла, то она так же примет и остальных членов прайда. Но когда мы подошли к материнскому гнездышку Рафики, я заметил, что Фьюрейя стала недвусмысленно отставать от меня, с опаской осматриваясь вокруг. Первое, что я подумал - что она, возможно, почуяла леопарда, и я сделал к ней несколько шагов назад. Тут я увидел, как Рафики глядит на меня из своего логова. Я тихо подал ей знак голосом и сел на землю. Тут я увидел позади себя Фьюрейю, которая по-прежнему нервничала. Едва сел я, уселась и она. Я понял, что она нервничала именно потому, что подходила к чужому материнскому гнездышку. Мы вместе подошли к тому "наблюдательному пункту" на берегу русла, откуда я вел наблюдение за детенышами Рафики. Когда мы пришли на место и я уселся для наблюдения, Фьюрейя, к моему удивлению, разлеглась прямо у меня в ногах. Рафики не спускала глаз со своей сестры и пару раз поднимала верхнюю губу, корча гримасу, которая на львином языке означает: оставьте меня в покое, как вы мне надоели! Я понял, что, согласно львиному этикету (или только с точки зрения Рафики), даже сестре не следует навещать свою сестру, когда детеныши такие крохотные. Мы с Фьюрейей встали и удалились. Фьюрейя шла и терлась о мои ноги; перед уходом она даже не бросила сестре прощального взгляда. Она была явно рада, что мы уходим. Только когда мы уже достаточно далеко ушли, ее поведение изменилось и она снова стала веселой и доверчивой, как всегда.

х х х

К счастью, как только Батиану стало лучше, отношение сестер к нему изменилось. Все шипенья и ворчанья - в архив! Снова возобладало здоровое и игривое настроение. Как-то вечером я с радостью наблюдал, как Батиан приветствовал Фьюрейю. Она потерлась головой о его лоб, затем игриво дала шлепка и тут же прыгнула на огромную косматую голову. Потом она отпрыгнула в сторону, но не настолько далеко, чтобы он не мог догнать. Потом они катались по земле, обнюхивали друг друга и играли, словно вспоминая об отрочестве. В другой вечер я наблюдал такую сцену: как только Рафики припала к земле и принялась пить воду из миски, он уверенным шагом двинулся к ней и, к моему потрясению, попытался оседлать. Та, в перерыве между алчными глотками (у нее два дня ни капли воды во рту не было), прыгала, шипела, отталкивая братца

мокрым подбородком.

Фьюрейя родила месяц спустя после Рафики. Как и следовало ожидать от ее независимой натуры, она устроила себе гнездо не вблизи лагеря, а примерно в восьми километрах к востоку от него. Она появилась в лагере примерно через пять дней после рождения детенышей, как совсем недавно Рафики - похудевшая, но томящаяся от жажды и с сосцами, полными молока. После того как я два дня проискал ее материнское гнездышко, она сама меня к нему сводила. Я пошел за ней следом к восточному откосу, потом через самое высокое место Долины браконьеров, потом по скалистому плато, с которого открывался вид на широкую долину Шаше. Там я потерял ее след на устилавших в этом месте землю оранжевых камнях. Битый час я безуспешно всматривался в овраги и расщелины. Вдруг неожиданно я услышал, как она меня зовет, и увидел ее на открытом пространстве примерно в полутора метрах от себя. Мы встретились, и она повела меня в другой каменный овраг, останавливаясь в пути, как и Рафики, чтобы я мог догнать ее. Мы спустились в овраг, и теперь я уже шел за ней, не отставая. Повернув вправо, она шагнула на ветки - это и было гнездышко с ее детенышами. Лучи золотого света играли на их маленьких крапчатых фигурках, и, расшалившись, трое львят явно давали понять, что обрадовались возвращению своей мамы.

Гнездо Фьюрейи многим отличалось от гнезда Рафики - в этом тоже отразились главные различия в характерах обеих сестер. В отличие от гнезда Рафики гнездо Фьюрейи не было полностью затенено, и детеныши лежали не на мягкой почве, как у Рафики, а на камнях и высохших ветках. Однако общим было то, что оба гнезда были хорошо замаскированы.

Фьюрейя, как и Рафики, полностью приняла мое присутствие. Я наблюдал с расстояния в три шага, как она, сидя на неудобных камнях, принялась вылизывать детенышей, которые, несмотря на то что им не исполнилось и недели, начали громко протестовать. После гигиенической процедуры они подползли к ее животу, насосались и уснули - три золотисто-коричневых комочка прижались к матери, возле которой чувствовали себя в полной безопасности...

х х х

К июлю Батиан полностью оправился от ран и, к моему изумлению, все чаще стал убегать в южном направлении через долину Питсани на территорию прайда Нижнего Маджале, где в последние десять лет безраздельно властвовал Темный. Темный продержался во главе прайда необыкновенно долго. Да, это был особенный лев, но тот факт, что Батиан все больше стал интересоваться его владениями, указывал на то, что царствование пожилого монарха подходило к концу и мой принц искал пути занять его место во главе правды.

Жизнь Темного была окутана тайной. Каким-то образом он столько лет избегал пуль южноафриканских охотников и бесчисленных браконьерских капканов. Порой он казался бессмертным - столько его спутниц, дочерей и сыновей погубил человек, а он все жил. Постоянно ускользя от опасностей, старина прожил много долгих лет.

Исчезновение Темного было так же окутано мраком, как и его жизнь. Не нашли даже его останков - он просто исчез, и больше его никто не

видел. Когда это случилось, Батиан мог без страха странствовать по всем его бывшим владениям. Возможно, в конце концов охотники из Южной Африки переманили Темного за реку с помощью приманок и подражания звукам кормящихся львов, которыми они годами заманивали львов, чтобы отстреливать. Впрочем, я предпочитаю думать, что старина Темный просто умер своей смертью. К 1991 году ему было около шестнадцати лет - невиданный возраст для самца в условиях дикой природы. Большинство самцов - не без участия человека - погибает или исчезает где-то в возрасте восьми лет. Возможно, Темный просто тихо заснул где-нибудь в укромном месте на территории Тули. Но после него осталось большое наследство - его кровь текла в большинстве львов, ходивших по просторам Тули, большинство из них прямо или косвенно приходились ему родней. Даже детеныши Рафики и Фьюрейи были его потомками: ведь их отец - кто-то из двоих Близнецов - был, по всей вероятности, сыном Темного.

Когда Батиан наносил визиты в "Тавану", то подвергался скрупулезному обнюхиванию со стороны сестер. Фьюрейя и Рафики обнюхивали его с пристрастием, выведывая по запаху, с кем это он общался и любезничал.

Но чем больше я радовался за Батиана, стремившегося занять трон Темного, тем больше мной овладевал страх за него. Южная граница территории, занимаемой прайдом Нижнего Маджале, проходила по пересыхающей большую часть года реке Лимпопо, а по ту ее сторону начиналось царство человека - охотничьи хозяйства и меткие ружья. Обуреваемый страхом за своего питомца, я ходил его искать всякий раз, когда он уходил в сторону Лимпопо. В этих случаях я обычно находил его растянувшимся под Деревом пастухов. Когда я подходил к нему, он горячо приветствовал меня. Затем я садился рядом с ним в круглой тени дерева, пока солнце не начинало клониться к закату и воздух не начинал холодеть. Тогда я вставал, гладил его по огромной голове, и мы вместе шли на север, в направлении "Таваны". Мы шли на север по широким долинам, покинув опасный мир человека, лежавший на юге.

Иной раз, когда я находил следы Батиана на юге, я въезжал на машине на верх невысоких холмов и звал его, двигаясь в то же время на север. Поздней порой, отвечая на мои призывы, он появлялся в лагере, и теперь уже я просыпался от его зова, выходил к нему, гладил по голове и думал про себя: только бы его снова не потянуло на юг, где опасность! Какое там! Настоящему мужчине свойственно искать самок. Его действия были инстинктивной реакцией на создавшуюся вакансию вожака прайда. Природа не терпит пустоты, и Батиан, стремясь на юг, хотел спасти ее от формирующегося в этом месте вакуума.

х х х

...Но вот в конце июля небольшая группа львов, принадлежавших к прайду Нижнего Маджале, неожиданно перешла русло Лимпопо и оказалась в Южной Африке. У меня не было никаких сомнений в том, что не обошлось без приманок и звуков кормящихся львов, передаваемых южноафриканскими охотниками по громкоговорительным установкам. Мне доложили о том, что молодую львицу насмерть переехало машиной, а один лев был незаконно отстрелен. Я тут же связался с соответствующими лицами и представителями власти в Ботсване и в Южной Африке и в спешном порядке

предложил немедленно отловить оставшихся львов из этого прайда и организовать их возвращение на территорию Тули.

Утром я узнал, что нескольких львов видели в охотничьем хозяйстве в десяти километрах ниже по течению Лимпопо. Я тут же связался по телефону с управляющим этого хозяйства и попросил его дать мне время на организацию их возвращения. Он согласился.

А вечером того же дня он вместе с владельцем хозяйства застрелил молодого самца, которого приманили тушей осла.

Батиана застрелили насмерть.

"У льва не было хвоста", - эти слова преследуют меня и будут преследовать до конца моих дней. Дальше мне подтвердили, что у льва не было хвоста.

Я не могу описать свалившееся на нас горе. Эта боль не утихла и сейчас.

Когда я узнал, что погиб именно Батиан, я вышел из лагеря и направился туда, где сливались две реки - туда, где росло могучее дерево и находилась небольшая котловина, где всегда была вода. Здесь мы всегда отдыхали во время прогулок со львами, сидя лицом к западу и наблюдая заход солнца.

С этим спокойным местом было связано много воспоминаний. В тот день я вырыл яму под двумя деревьями и собрал со дна русел рек самые красивые камни. У меня не было тела моего льва, только одеяло, на котором он лежал, поправляясь после схватки. Я положил это одеяло в яму и сложил пирамиду из камней. На следующий день я принес туда плиту из песчаника, на которой мы с Джулией выгравировали надпись:

БАТИАН

ИЮЛЬ 1988 - ИЮЛЬ 1991

Ему было всего три года, когда он погиб.

...Почти через год, когда его убийцы были признаны виновными в незаконном отстреле льва и наказаны ничтожным штрафом, и после того, как я столько обивал пороги бесчувственных чиновников из природоохранных учреждений Южной Африки, требуя выдать останки Батиана, я наконец перевез его к месту успокоения. В этот день после полудня мы с Джулией отправились к поминальной пирамидке из камней, туда, где я положил одеяло, и похоронили череп и шкуру Батиана. Слезы застилают мне глаза, когда я пишу эти строки, но я должен писать, чтобы всем стала понятна бессмысленность и жестокость, с которой убивают львов по всей Африке - ради спортивного интереса, на потеху человеку. Это происходит и тогда, когда вы читаете эти строки.

После смерти Батиана я каждый день приходил к пирамидке и садился рядом. Я задавал себе вопрос: чего стоит моя работа, если, несмотря на все мои усилия, львов Тули продолжают убивать, если я не смог предотвратить гибели от рук человека моего льва, моего Батиана?! Но именно у могилы Батиана я однажды получил ответ на свой вопрос.

Однажды вечером Фьюрейя, прежде чем возвращаться к своим детенышам, пошла со мной на могилу Батиана. Когда на западе занялся закат, я сел по одну сторону пирамиды, а Фьюрейя по другую. Было необычно тихо, и, я думаю, мы оба ощущали присутствие Батиана. С запада на восток проскочило стадо импал, но они не заметили ни меня, ни Фьюрейю. Львица подняла голову, и мы оба стали наблюдать за пробегающим стадом. Когда

стадо удалилось прочь, мы встали и медленно двинулись навстречу лучам заката.

На следующий день я пришел к могиле Батиана один. Я неожиданно увидел возле нее следы львицы и детенышей.

Накануне ночью здесь проходила Рафики с детенышами. Я сел у основания пирамиды и всмотрелся в крошечные следы львят, окружавшие меня. Я трогал маленькие отпечатки на земле, и на душе у меня стало светлее. Ответ на мой вопрос был написан этими следами на этой земле. Я глядел в будущее. Будущее, в котором будут жить львы - и эти львята, и их еще не рожденные дети. Я так нуждался в мужестве, чтобы продолжать свою работу со львами, - и этому мужеству научил меня мой великолепный лев, которого звали Батиан.

Глава двенадцатая. НАДВИГАЕТСЯ ТЬМА

Он соорудил Батиану памятник и просиживает там почти все вечера. Сердце кровью обливается, когда он выходит за ворота, - я знаю, что он идет к Батиану, чтобы побыть рядом с ним. Но, видно, мне дано испытать лишь долю того чувства, что испытывает он.

(Из дневника Джулии)

Вечерний путь к поминальной пирамидке стал почти ритуалом. Тихо выходя за ворота лагеря, я глубоко задумывался над всем, что произошло. Дойдя до пирамидки, я садился рядом, плакал - когда немного, когда в голос, - затем вставал и уходил. Как ни странно, пребывание у поминальной пирамидки меня успокаивало и даже возвращало мне силы.

О гибели Батиана широко писали в прессе - сначала на юге Африки, а потом и по всему свету. Мне не хотелось рассказывать о его гибели, но я был вынужден. Я был вынужден привлечь как можно больше внимания к убившим его негодяям в надежде, что, когда людям станет известно, какой смертью он погиб, это убережет от подобной смерти других львов. Но пока мое послание дойдет до всех, пройдет немало времени. Желание убивать, стремление ощутить свое превосходство над львом, странная жажда тщеславия, выражающаяся в страсти убить символ Африки, прочно укоренились в сознании иных людей.

Нечего было и думать, что убийцы Батиана раскаялись. Они разговаривали с представителями прессы наглым, вызывающим тоном. Они чуть ли не с гордостью говорили о том, как убили Батиана. Но всем этим они заклеили себя еще до того, как состоялся суд.

Вот интервью, данное убийцей:

- Плевать я хотел на все ваши слезы и эмоции! Если я снова увижу, как какой-то лев крадется к моей дичи или угрожает ей, я его шлепну.

В другом репортаже было процитировано следующее:

- Если я увижу льва в буше, я не стану говорить: мол, миленький, подожди здесь, я схожу в природоохранные органы и выхлопочу разрешение

тебя убить. Я даже не считаю это нужным.

В конце концов владельцу охотхозяйства и его управляющему было инкриминировано следующее: охота на льва без разрешения; недонесение о содеянном; незаконное использование приманки, а именно туши осла, для привлечения львов.

В это время я часами висел на телефоне на берегу Лимпопо, отвечая на вопросы журналистов. Как только средства массовой информации распространили сведения о случившемся, общественность была ошарашена. Мы получили множество сочувственных писем из Южной Африки и других стран.

Я стремился сосредоточить свои усилия на судьбе львов Тули, которые еще оставались в Северном Трансваале, и следил за сообщениями о том, где их видели. Точное число львов определить не удалось, но я знал наверняка, что на том берегу реки по-прежнему находились две пожилые львицы из племени Темного и три львенка. Я снова сообщил чиновникам из Департамента охраны природы Трансвааля о своей готовности организовать отлов оставшихся львов и доставку их назад в Ботсвану. Но чиновники ответили мне, что дадут добро на это только при полном согласии со стороны землевладельцев, на чьей территории обнаружены эти львы, - а таковыми были тот самый владелец охотхозяйства, который убил Батиана (этот согласился), и компания "Де Бирс", владеющая заповедником "Венеция". Управление "Венеции" воспротивилось выдаче львов для возвращения в Ботсвану, изъявив желание сохранить их в своем заповеднике (исконно обитавшие в этой части Северного Трансвааля львы были истреблены свыше пятидесяти лет назад).

На мой взгляд, такое отношение управления заповедника "Венеция" не было продиктовано ничем иным, кроме эгоизма. Как вновь образованное предприятие они хотели иметь львов у себя в заповеднике, потому что львы входят в "большую пятерку" самых престижных зверей (включающую львов, леопардов, бизонов, слонов и носорогов). При этом они не могли гарантировать львам полной защиты, и именно поэтому я чувствовал, что они не смогут работать в интересах львов. Я был расстроен, когда они информировали меня, что не согласны с моим предложением, но сообщили, что соорудят на границах заповедника ограду, которая предотвратит миграцию хищников туда, где они могут быть убиты и где уже гремели выстрелы.

Но такую ограду нельзя построить за одну ночь, и я чувствовал, что может произойти, когда львы покинут территорию заповедника "Венеция".

Увы, мой страх за львов оказался не напрасным. Через какие-нибудь три недели после гибели Батиана тот же землевладелец, что убил его, совершил новое злодеяние. "Владелец охотфермы застрелил еще двух львов. На сей раз убийца Батиана действовал по разрешению" - кричал заголовок с газетной полосы. В голове не укладывается, но чиновники из природоохранных инстанций Трансвааля выдали убийце Батиана разрешение на отстрел двух львов. Я слышал, что владелец охотхозяйства наткнулся на пятерых львов у водопоя на своей территории, был "атакован одним из львов и принужден был стрелять", как сообщил мне генеральный директор Департамента охраны природы Трансвааля. Убийце Батиана были выданы разрешения на отстрел львов, потому что "хищники представляли серьезную угрозу его средствам к существованию". И это несмотря на мои предложения по безопасной доставке львов назад в Тули. Я был вне себя от ярости.

Тот же генеральный директор, как писала пресса, сообщил, что осуществление моего предложения об отлове львов и доставке их в Тули не представлялось возможным, так как "определить их (львов) местонахождение чрезвычайно трудно: они бегают на большие расстояния". Это было, мягко говоря, неверно: львы подпускают к себе человека, не пугаются машин, поддаются перевозке, и, исходя из моего опыта, их легко было бы отловить. Перед тем как совершился отстрел по разрешению, я предупреждал чиновников, что в случае отстрела взрослых львиц погибнут и детеныши, не способные прокормить себя. Несмотря на мои предупреждения, разрешение на отстрел было выдано.

Убийца Батиана застрелил одну львицу в упор, а другая, как писали в прессе, "раненная, уползла в буш под защиту охотничьего хозяйства "Де Бирс". Охотник подстрелил львиц с полного благословения природоохранных чиновников.

Вот на скольких людей я затаил обиду: на чиновников Трансвааля, на управление заповедника "Венеция" (за то, что они не дали добро на возвращение львов) и на некоторых людей в самом Тули. Управляющий одного из крупнейших заповедников в Тули, чей бизнес во многом зависел от львов как средства привлечения туристов, заявил буквально следующее: "По-моему, весь этот шум возник под влиянием не чего иного, как эмоций". Не горькая ли насмешка, что эти слова так похожи на те, что бросил убийца Батиана, назвав реакцию на свое злодеяние "эмоциями"...

Батиан погиб. Одну львицу, как утверждается, "переехала машина". Еще одна застрелена. Третья ранена. Детеныши остались сиротами. А управляющий заповедником и убийца Батиана пренебрежительно называют реакцию на случившееся одним и тем же словом - "эмоции"... "Как же природоохранное дело докатилось до этого? Какие люди им заправляют?" - в сердцах спрашивал я себя. Я снова сталкивался с чопорным, прагматичным, бездушным отношением, преобладающим в Южной Африке. К тому же я не получил поддержки предложения о доставке львов назад в Тули от большинства самих же землевладельцев Тули. В этот период они словно воды в рот набрали. Возможно, их молчание носило "дипломатический" характер - им просто не хотелось конфликтовать с компанией "Де Бирс", с которой они вели переговоры о продаже ей слонов Тули для восстановления поголовья в заповеднике "Венеция", да еще с доставкой их туда вертолетами.

Публичные заявления ряда южноафриканских природоохранных деятелей были столь же хладнокровны, как и те, что приходили из Северного

Трансвааля и Тули. Сообщалось, что уполномоченный Южно-Африканского общества дикой природы (насчитывающего огромное число членов из числа общественности) сказал, что ему понятно, на каких основаниях выдаются разрешения и что "львы не являются исчезающим видом". Газеты сообщали, что он заявил следующее: "Конечно, я не в восторге от того, что львов убивают, но я считаю, что власти действовали весьма ответственно". По иронии судьбы, как раз перед тем, как были убиты львы, в журнале, издаваемом Обществом дикой природы, была опубликована передовая статья, посвященная "проблемным животным", вывод которой гласил, что если продолжится огульное уничтожение хищников, то это ясно докажет, что проблемой в конечном счете является сам человек. Я чувствовал, что попал в Зазеркалье, как Алиса.

Хотите увидеть последствия "весьма ответственного" подхода к такому щепетильному делу, как охрана дикой фауны? Зайдите в мастерскую таксидермиста(*4) в городке Оллдейз на севере Трансвааля. Там вы увидите чучело львицы. Девять тысяч рандов. Когда-то эта львица была подругой Темного, матерью его детей, потом с ней искал дружбы Батиан - она и погибла, как он. Некогда эта львица свободно рыскала по залитым лунным светом долинам Питсани, как когда-то ее предки. Теперь ее нет в живых. Осталось лишь странное подобие, сделанное человеком. Некое факсимиле, представляющее не то, чем она была, а то, как иные люди воспринимают ее саму и ее племя.

Горестно, что история повторяется. Пять лет назад львов в Тули убивали так же, как и теперь. Лев, которого я знал с двухнедельного возраста, был застрелен, подобно Батиану и многим другим, и его чучело выставлено в той же самой мастерской. Тогда я написал следующее:

"Его морде был придан пугающий оскал, его тело искажено и недвижно застыло... Если оболочку льва можно оценить в денежном выражении, то живой лев, конечно же, ничего не стоит. Кажется странным, что к шедевру, созданному человеком - возьмем для примера античную скульптуру, - человек относится как к священной реликвии. Зато шедевр, созданный самой природой, форма жизни гораздо более старшая, чем человеческая раса - лев, - и ныне нещадно уничтожается ради удовольствия. Странное отношение иных людей".

Эти прочувствованные слова - всего лишь эхо прошло-то, эхо того, что чувствовал и о чем писал Джордж Адамсон за тридцать лет до этого. А писал он вот что:

"Однажды вечером нам встретилась величественная львица, восседавшая на скале и озиравшая долины. Она была слеплена лучами заходящего солнца, как если бы она была частью гранита, на котором лежала. Я подумал: сколько же львов лежало на этой же самой скале в продолжение бесчисленных столетий с тех самых пор, когда человеческая раса была еще в колыбели. При мысли об этом я задумался: почему цивилизованный человек, тратя несметные богатства на сохранение старинных зданий и произведений искусства, созданных рукой человека, уничтожает эти существа, которые являют собой само совершенство неуязвимой в веках красоты и грации. И делает он это не ради чего иного, как ради хвастовства своей доблестью, силой оружия, изобретенного человеком для убийства человека же".

Проходили недели, и противостояние продолжалось. Я и директор Департамента охраны природы Трансвааля были приглашены на диспут, устроенный Южно-Африканским телевидением. Как видно, два наших интервьюера предвкушали напряженную битву, и порой наша дискуссия действительно доходила до точки кипения. Наиболее острым моментом в нашем споре было различие мнений относительно роли хищников и различие взглядов на индустрию охотничьих хозяйств в целом. Директор начал с того, что хотя лев и утратил свое жизненное пространство, но благодаря индустрии охотничьих хозяйств дикой фауны живет теперь больше, нежели в прошлом. Когда же ему указывали на то, что в результате конфликта с владельцами охотничьих хозяйств гибнут и самые близкие к исчезновению виды - гепард и дикая собака, - он намекал на то, что главная роль его департамента - защищать интересы владельцев охотхозяйств.

Я согласился с тем, что в настоящее время ареал льва (как и ареалы других крупных хищников) представляет собой лишь долю того, чем он был

два столетия назад, но подчеркнул, что, хотя сейчас охотничьи хозяйства вытесняют фермы по разведению домашнего скота, следует признать, что владелец охотничьего хозяйства так же не жалуется хищников, как и его предшественник - владелец скотоводческой фермы. Он рассматривает их в том же свете, что и владелец домашнего скота - как угрозу экономике индустрии, которая подается публике под вывеской "природоохранной". Кроме того, я указал на то, что небольшие, огражденные заборами охотничьи хозяйства часто нежизнеспособны в экологическом смысле, потому что препятствуют свободному передвижению диких животных и в них отсутствует та существенная роль, которую в дикой природе играет хищник. Этот и другие факторы делают охотничьи хозяйства лишь суррогатами настоящей дикой природы - этой теме я коснусь чуть ниже.

На вопрос в упор, почему его Департамент выдал убийце Батиана разрешение на дальнейший отстрел львов, директор заявил, что решение об этом было принято после полномасштабных консультаций со всеми окрестными владельцами охотничьих хозяйств и другими землевладельцами. Я чувствовал, что он кривит душой: если бы он спросил мнение руководства заповедника "Венеция", то встретил бы строгие возражения, потому что те безусловно хотели, чтобы оставшиеся львы выжили - предпочтительно в их собственном заповеднике.

Директор также подчеркнул, что убийца Батиана жаловался на то, что на его земле лев загрыз жирафа, а стоимость жирафа, по расценкам индустрии охотничьих хозяйств, - семь тысяч рандов. Якобы это и послужило обоснованием для выдачи разрешения. Я высказал сомнение в обоснованности такой жалобы. На территории Тули жирафов не было в течение столетия, и их возвратили на эту землю около девяти лет назад. Хотя численность жирафов со временем увеличилась, львы на них никогда не охотятся. Так с какой же стати, спросил я, львы Тули, перейдя границу Южной Африки, вдруг станут охотиться именно на жирафов?

Когда директору был задан вопрос, почему львы перешли на территорию Южной Африки, он сказал, что это могло явиться следствием внедрения "львов из-за границы" (то есть моих львов) на территорию Тули. Я же возложил вину за переход львов на такие факторы, как приманки и звуковые сигналы, использованные человеком. Иначе с какой же стати львицы, исконно проживавшие на территории, насыщенной дичью, вдруг бросят свои вотчины и уйдут в зону повышенной человеческой активности, где добыча не столь доступна и ничего, кроме опасностей, их не ждет?

Но настоящие дебаты разгорелись уже после того, как теледискуссия закончилась. Они разгорелись уже в фойе телестудии. Я содрогнулся, равно как и бывшая со мной Джулия, когда директор принялся высказывать некомпетентные заявления не только по вопросу о львах, но и по теме Тули в целом. Было похоже на то, что теперь, когда он говорил в неофициальном порядке, ему просто хотелось отвести душу. Так всегда бывает, когда правительственный чиновник, в обычных условиях сдерживаемый официальными рамками, получает возможность выпустить пар.

Мы не просто держались противоположных взглядов. Мы представляли два разных мира.

x x x

Смерть Батиана выявила и продолжает выявлять тех владельцев

охотничьих хозяйств, которые просто прикрываются вывеской охранителей природы, а на деле являются врагами хищников. Этим они могут стать злейшими врагами самим себе. Сейчас, когда Южная Африка выходит из политической изоляции, имевшей место в прошлом, владельцы охотничьих хозяйств, борцы за охрану природы и ответственные за природоохранное дело чиновники должны снять шоры и заглянуть вперед. Огульный отстрел хищников в охотничьих хозяйствах - хотя им самой природой ведено там появляться - будет восприниматься не иначе как с осуждением общественностью стран Запада, то есть потенциальными туристами, которые могли бы посетить Южную Африку. Если такое отношение к хищникам не изменится, то этот фактор, как и ряд других аспектов ведения охотничьих хозяйств, серьезно навредит их владельцам. Индустрия охотничьих хозяйств может стяжать на международной арене печальную славу кровожадной и алчной.

Ежегодно около семидесяти тысяч диких животных отлавливается в этих хозяйствах. Аспекты этой индустрии уже становились объектом критики. Например, условия, в которых содержатся эти животные во время аукционов охотфауны, заставляют задуматься, каковы же в действительности мотивы "ревнителей охраны природы", которые не устают повторять, что дикие животные "должны себя окупать".

Как раз после гибели Батиана популярный журнал опубликовал результаты исследования в области ведения охотничьих хозяйств в Южной Африке. Результаты были шокирующими и вызвали настоящее возмущение общественности. Было установлено, что "гордость Южной Африки - наследие благородной фауны - превращается в призрачный кошмар". Диких животных отлавливают в дикой природе, перевозят на аукционы, держат там в тесных загонах, затем продают и увозят в совершенно новую среду обитания. В этом исследовании сообщалось, что из целой "партии" диких животных стоимостью в семьдесят пять тысяч рандов только одно животное - зебра - прижилось в новых условиях. Сообщались и другие леденящие душу истории: о полумертвых от голода антилопах, так и не приспособившихся принимать пищу в условиях неволи - ребра у них выпирали через кожу; о содержавшейся в загоне выкинувшей самке зебры, у которой по-прежнему свисал послед - никто не оказал ей ветеринарную помощь; о белом носороге, которого купили, привезли в охотхозяйство и выпустили, но при перевозке так напичкали наркотиками, что он едва мог ходить, шатаясь, - не то что убежать от пули клиента владельца охотхозяйства.

Сообщалось также, что при перевозке из охотхозяйства животным так туго связывают ноги нейлоновыми чулками, что в ногах полностью прекращается кровообращение, и нескольких антилоп пришлось пристрелить. Кроме того, более половины газелей погибает из-за стресса, вызванного неволей и перемещением. В заключение говорилось: "Индустрия ведения охотничьих хозяйств в целом должна признать, что, если она хочет существовать, не вызывая негодования общественности, должны быть приняты и строго исполняться правила отлова и перевозки". Все правильно, но это лишь отдельные аспекты, на которые необходимо обратить внимание индустрии, моральный долг которой - очистить свою деятельность от греха.

Должна быть пересмотрена вся концепция использования охотфауны на частных землях. Необходимо довести до понимания владельцев небольших огороженных территорий, что разделение угодий на крошечные участки и

огораживание их приводит к нарушению экосистемы. Если заборы будут сняты и частными владельцами будут учреждены общества по охране фауны, дикие животные смогут передвигаться значительно свободнее. Будут возвращены хищники для выполнения своей важной роли поддержания хитросплетенных взаимоотношений с теми видами, на которые они охотятся. Крупные общества смогут поддерживать "большую пятерку" животных, на которых поедут любоваться туристы. Сами же землевладельцы, а также население территорий, окружающих их земли, окажутся в выигрыше от экотуризма. Рай не будет потерян, но будут возрождены и вновь открыты куски подлинной Африки.

Д-р Джордж Шаллер так проиллюстрировал важнейшую роль хищника в окружающей его жизни:

"Хищники - лучшие регуляторы дикой фауны... Они уничтожают больных и старых особей, благодаря им стада остаются живыми и здоровыми. Красота антилопы, ее воздушность, грация и исполненность жизнью обязаны эволюционирующему воздействию хищника, поедавшего флегматичных и медленных особей. Есть надежда, что человек извлек уроки из своих прошлых ошибок и набрался мудрости для понимания необходимости льва и других хищников, ради изобилия и здоровья тех, на кого они охотятся".

...В скорбное время, переживаемое нами после гибели Батиана, лучом надежды и вдохновения оставались Рафики, Фьюрейя и их детеныши. В это трудное время Джулия написала строки, в которых подводятся итог истории ПОСЛЕДНИХ ИЗ СВОБОДНЫХ:

"После нескольких дней отсутствия мы с Гаретом вернулись в лагерь. После семичасового пути мы были покрыты пылью, изнывали от жары и усталости. Гарет больше всего волновался за львов, которых не видел десять дней. (Хотя это доказательство их полной независимости, это и причина для беспокойства, особенно после случившегося с Батианом. Г. П.)

Мы проехали знак "ЛАГЕРЬ "ТАВАНА". БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ВЪЕЗД ВОСПРЕЩЕН" и свернули на километровый отрезок пути, ведущий к нашему дому. Как только мы сделали поворот непосредственно перед въездом в лагерь, мы увидели неподалеку в кустах Рафики. Мы остановились у ворот. Гарет вышел из машины и открыл их, а когда я въехала, закрыл за мной.

Едва я вышла из машины и оглянулась назад, туда, где за воротами оставались Гарет и Рафики, я была вознаграждена вдохновеннейшим зрелищем. Я наблюдала - и меня переполняла гордость за Гарета, за его львиную стаю. Все усилия, травмы, в буквальном смысле слова кровь, пот и слезы были вознаграждены этими краткими счастливыми мгновениями, которые сказали мне все.

Когда Рафики что-то проскулила Гарету в знак приветствия, он нагнулся, чтобы дать ей возможность потереться об его голову своей. Тут из-за кустов позади к Гарету бросилась Фьюрейя, выступая своим характерным уверенным шагом, чтобы он ей тоже сказал "здравствуйте". Обе львицы терлись о ноги Гарета, толкали его, соперничая между собой за ласку и внимание. Я наблюдала за этой сценой из-за ограды лагеря, и тут из кустов показались пять небольших крапчатых фигур и по одному, волнуясь, выползли наружу. Осторожно выйдя из кустов, детеныши вскоре расселись по старым спиленным сучьям железного дерева, свесив лапки и помахивая хвостиками.

Не хватает слов, чтобы пересказать увиденную мной картину - Гарет

со своим прайдом. Этот вечер, как и типичный вечер в Тули, был окрашен золотым светом, и вскоре Фьюрейя, Рафики и Гарет, довольные жизнью, уселись вместе, а рядом виднелись мордочки детенышей.

Воцарилась атмосфера полного благоденствия, и это был тот момент, который навсегда врезался в мое сознание. Он напоминал о себе всякий раз, когда мне приходилось бороться с горестями".

х х х

ТОГДА ТЫСЯЧЕНАЧАЛЬНИК ПОДОШЕЛ К НЕМУ, СКАЗАЛ: "СКАЖИ МНЕ, ТЫ РИМСКИЙ ГРАЖДАНИН?"

ОН СКАЗАЛ: "ДА".

ТЫСЯЧЕНАЧАЛЬНИК ОТВЕЧАЛ: "Я ЗА БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ ПРИОБРЕЛ ЭТО ГРАЖДАНСТВО".

ПАВЕЛ ЖЕ СКАЗАЛ: "А Я И РОДИЛСЯ В НЕМ".

(Деяния 22; 27-28) (*5)

(*1) В настоящее время автор участвует в работе над статьей по физическому и поведенческому развитию львов при подготовке их к жизни на воле. (Примеч. автора.)

(*2) Перевод С. Лосева.

(*3) Об орлах-скоморохах (названных так за искусные трюки в полете) см также "Жизнь животных" Т 5 М., Просвещение, 1970. С. 188-189 (Примеч. перев.)

(*4) Мастер по изготовлению чучел животных и птиц.

(*5) Английский перевод последних двух фраз звучит так: "And the Chief Captain answered: "With a great sum obtained I this freedom". And Paul said: "I was free born", что буквально переводится так: "Тысячачальник отвечал: "Я за большие деньги приобрел эту свободу". Павел же сказал: "Я был рожден свободным". Отсюда и главная тема всего цикла. (Примеч. перев.)

ОТ АВТОРА

История львов, взлелеянных Джорджем Адамсоном, и история бушей Тули на этом не завершается...

Именно поэтому я умышленно заканчиваю книгу временем смерти Батиана. Я чувствую, что его трагедия подвела черту под главой моего сказания, к которому приложила руку Джулия, приложили лапу львы, носящиеся по просторам заросших кустарником земель.

О том, чему суждено было случиться далее, - впереди большой рассказ. Как раз сейчас я пишу продолжение "Последних из свободных", в котором речь пойдет обо всем, что произошло за два года после смерти Батиана (надо сказать, за эти два года было немало черных дней) и чем ныне богата жизнь Последних из свободных.

Если вы хотите больше узнать о "Тули Лайон-Траст" - организации,

целью которой является охрана львов на землях Тули и в Африке в целом,
- пишите по адресу: The Tuli Lion Trust c/o Ernst & Whinney P. O. Box
41015 Gaborone BOTSWANA South Africa

В прошлом бытовало мнение, что мои записки могут отрицательно сказаться на развитии туризма в этих краях. Позвольте с этим не согласиться - особенно в том, что касается "Последних из свободных". Напротив, я надеюсь, что книга "Последние из свободных" станет ценным вкладом для развития этого замечательного, но малоизвестного уголка дикой природы.

ВИДЕОФИЛЬМ "ЗОЛОТЫЕ И СЕРЫЕ ПРИЗРАКИ"

"Львиный человек Африки", Гарет Паттерсон живет среди львов и слонов в африканской саванне Тули. В документальном фильме (57 мин.) зрители побывают в экзотическом мире известного натуралиста, встретятся с его львами, разделят радости и тревоги их дружбы, а также познакомятся с жизнью африканских слонов.

Видеофильм рассказывает о возмущении автора бесчеловечным истреблением львов и слонов, призывает к сохранению оставшихся уголков дикой природы и ее обитателей. Вы узнаете о том, как экологический туризм помогает этим великолепным созданиям природы радовать все новые поколения людей, противостоит превращению окружающей среды в призрачное прошлое.

Чтобы заказать копию видеофильма, пришлите письмо по адресу:
SHADOWS OF GOLD AND GREY, kinetik e, P. O. Box 93093, Austin. TX
78709 USA.

Часть прибыли от продажи видеофильма пойдет в Фонд львов Тули, основанный Гаретом Паттерсоном и предназначенный для защиты львов и других обитателей саванн Тули. Чтобы получить более полную информацию или сделать благотворительный взнос, обращайтесь по адресу: "The Tuli Lion Trust", c/o Ernst & Whinney, P. O. Box, Gaborone, Botswana.